

Александр Зуев

ЛИКИ ВОЙНЫ

Саратов, 2019

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2 Рос=Рус) 6-4
З 93

З 93   А.П. Зуев. Лики войны. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2019. – 277 с.

Война на Донбассе незримо обрела новые измерения. В полной мере проявились черты характера, свойственные русскому человеку. Самое главное в наших людях — это готовность и умение *дать шанс* идущим следом за тобой. *Дать шанс* выполнить задуманное, жить достойно и безбедно, защитить, спасти, сохранить близких, а зачастую и совершенно незнакомых людей, жертвенно отдать всего себя важнейшему, смертельно опасному делу, создать вокруг себя дух добрых свершений, передать щедро и бескорыстно всю свою энергию идущим следом за тобой, надеющимся на тебя, верящим в твою силу и самоотверженность.

©А. Зуев, 2019

Русская земля и русская война (о новой книге Александра Зуева)

*Се повести времяньных лет,
откуда есть пошла Руская земля,
кто в Кieve нача первее княжити,
и откуда Руская земля стала есть.
«Повесть временных лет»*

Русская художественная словесность может по-праву гордиться многими достижениями — глубокими философскими исканиями, деятельным социальным содержанием, изысканной и проникновенной лирикой, тонкими и вдохновенными описаниями родной природы. Но есть один раздел литературы, в котором отечественные писатели, как мне кажется, давно и решительно главенствуют.

Это литература о войне.

Увы — виной тому, пожалуй, даже не наше традиционное богатство художественными талантами, а, к сожалению, да что там к сожалению — к великой скорби — виной тому вся история наша, изобилующая предметами исследования писателей-баталистов — войнами.

Уже одно из первых резонансных произведений русской поэзии «Ода на взятие Хотина» Михаила Ломоносова было посвящено военным действиям. Ода эта одновременно стала и воротами в мир для всей последующей отечественной литературы, и глубоко символично, что она впервые коснулась именно темы войны. Впрочем, конечно, не впервые — давние предшественники Ломоносова, неизвестные авторы шедевров древнерусской литературы — «Слова о полку Игореве», «Задонщины», «Слова о погибели Русской земли», «Повести о разорении Рязани Батыем» не просто описали средневековые вооружённые конфликты, но пытались передать читателям из грядущих поколений весь

трагизм описываемого, великую несправедливость и ту самую великую скорбь свою:

Далекó в Путивле, на забрале,
Лишь заря займётся поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юрú:

«Что ты, Ветер, злобно повеваешь,
Что клубишь туманы у рекí,
Стрелы половецкие вздымаешь,
Мечешь их на русские полкí?
Чем тебе не любо на просторе
Высокó под облаком летать,
Корабли лелеять в синем море,
За кормою волны колыхать?
Ты же, стрелы вражеские сея,
Только смертью веешь с высоты.
Ах, зачем, зачем моё веселье
В ковылях навек развеял ты?»*

С этих-то времён, с почти былинных лет плача Ярославны из «Слова о полку Игореве» установился и главный духовный вектор русской военной литературы.

Она — не бравурный парадный марш и блеск галунов и литавр.

Она — не сводка парадных реляций и «шапкозакидательских» угроз.

Она — воплощение правды войны, которая всегда сначала — трагедия, а уж потом — повод для гордости.

Она — плач, она — стон, она — ярость, она — священная ненависть, она — неизбывная скорбь.

---

* Переложение Николая Заболоцкого

Развеянное в ковылях славянских степей счастье многих поколений, миллионов людей — вот главный предмет исследования русской военной литературы. И все последующие поколения отечественных писателей вынуждены были возвращаться к этому предмету — часто даже просто ввиду течения собственной биографии.

В золотой девятнадцатый век, ставший, пожалуй, уже навсегда фундаментом всей нашей культуры, жизненные линии многих русских литераторов прочно переплелись со стрелками наступлений и отступлений на исторических военных картах. Поэт Денис Давыдов становится поэтическим голосом Отечественной войны 1812 года:

В ужасах войны кровавой
Я опасности искал,
Я горел бессмертной славой,
Разрушением дышал.

Объятия другой «войны кровавой» сполна ощутят на себе два других писателя классической нашей эпохи — Михаил Лермонтов и Александр Бестужев-Марлинский. Это конфликт, отголоски которого мы чувствуем и поныне — Кавказская война. Да и одно из центральных произведений «нашего всё», Александра Сергеевича Пушкина — «Капитанская дочка» — это повесть о войне, пожалуй, о самой трудной и безжалостной её форме — войне гражданской (ибо именно таковой, если разобраться, была Крестьянская война под предводительством Е. Пугачёва, которую Пушкин анализировал подробно в «Истории Пугачёвского бунта»).

И, наконец, девятнадцатый век и его военные хроники получили зримое воплощение в работе другого русского гения — Льва Толстого, в его «Севастопольских рассказах», ставших, пожалуй, первым образцом «окопной про-

зы» в нашей литературе, и, конечно же, «Войне и мире», романе, который стал фундаментом глубинного понимания драматического восприятия войны для всего человечества и во многом привёл к пересмотру отношения к ней и к насилию вообще.

А на пороге уже был двадцатый век... Увы — он даст нашим писателям много пищи для размышлений, прежде всего размышлений о войне.

О войне гражданской — о ней будут писать многие... От классика поздней русской и новой советской литературы Алексея Толстого с его «Хождением по мукам» до ярчайшего представителя нарождающегося социалистического реализма Николая Островского с его «Как закалялась сталь». От опять «окопнопозаических» «Железного потока» Александра Серафимовича и «Первой конной» Исаака Бабеля до «Школы» и «Р.В.С.» классика советской детской литературы Аркадия Гайдара. Михаил Шолохов откроет бездны противоречивой русской души в «Тихом Доне», а Дмитрий Фурманов покажет, как волна народного гнева рождает новых героев в «Чапаеве». Ненависть, непримиримость, а порой и нелепость братоубийственного конфликта будет, не смотря на идеологию, лейтмотивом всей литературы о Гражданской войне. И не только литературы, а и её прямого наследника — кинематографа. «Митька помирает, ухи просит!» — трагедия простого человека в фильме «Чапаев» занимает не меньшее место, чем лихие конные атаки...

Но, подобно тому, как библейские сюжеты в коллективном европейском философском сознании встанут выше всех предыдущих временных этапов, в русской литературе о войне появится своя новозаветная эпоха — Великая Отечественная война. То, что она станет неким водоразделом в генезисе русской культуры, стало ясно уже при появлении первых шедевров, порождённых авторами, погружёнными

в этот величайший в истории цивилизации конфликт добра и зла.

Уже в начале войны Константин Симонов буквально потрясёт страну, которую, казалось, уже ничем потрясти нельзя было, своим «Жди меня». Стихотворение не только станет программным для всей советской литературы второй половины двадцатого века, но и как будто откроет шлюз целой плеяде произведений: «Василий Тёркин» и «Я убит подо Ржевом» Александра Твардовского, «В землянке» Алексея Суркова, «Итальянец» Михаила Светлова, «Его зарыли в шар земной» Сергея Орлова, «Коммунисты, вперёд!» Александра Межирова.

Неудивительно, что впереди, как это обычно бывает, шла поэзия — её авторам свойственно живо, непосредственно и «по горячим следам» анализировать происходящее. Прозаикам для глубинного осмысления требуется время, зато и анализ получается более масштабный и системный.

В 1947 году направление «лейтенантской прозы» откроет Виктор Некрасов своей повестью «В окопах Сталинграда». За ним последовали Юрий Бондарев, Василь Быков, Григорий Бакланов. А ещё будут Борис Васильев, Евгений Носов, Виктор Астафьев, Фёдор Абрамов. Позже о войне заговорили и поколения писателей, не успевших на неё, такие, как Валентин Распутин с его пронзительным «Живи и помни».

Пожалуй, на осмысление одной только Второй мировой — Великой Отечественной нам потребуются ещё десятилетия и десятилетия... Но безжалостное время почти не даёт передышек, пауз для спокойных размышлений. И вот уже новая война — Афганская, и у неё — свои голоса, свои писатели, такие, как Александр Проханов с его романом «Рисунки баталиста». Он же, Проханов, прокладывает дорогу к трагическим конфликтам новейшего времени («Гос-

подин Гексоген»). А дальше был уже Захар Прилепин и его «Патологии»...

Прозаик и журналист Александр Зуев, кажется, вобрал в себя все военные ипостаси отечественной литературы. Не только потому, что он — в высшей степени эрудированный, погружённый в русскую культурную парадигму интеллектуал, но прежде всего по воле собственной судьбы, своей драматической биографии. Предательски разрушенная и оплёванная внутренними врагами нашей страны социально-философская общность «советский человек» нашла в Александре Пулатовиче Зуеве своё почти эталонное отражение. Представитель технической интеллигенции, педагог и учёный, он в давние 70-80-е годы вряд ли мог себе представить в родном Ташкенте те трагические перипетии, через которые ему предстоит пройти. На его жизненном пути будет и полный риска и леденящих душу событий исход из Узбекистана во главе целой колонны ставших в одночасье «лишними людьми» «русскоязычных», и жесточайшая, кровавая война в Таджикистане, и долгая адаптация на «новой-старой» Родине — в России, и, наконец, многолетняя подвижническая деятельность правозащитника в основанном им обществе «Саратовский источник». К нему, к этому источнику, припадали и припадают не только русские люди, вынужденно стронувшиеся с десятилетиями, а иногда и столетиями обжитых мест в Средней Азии, на Кавказе, Казахстане и Киргизии. «Саратовский источник» оказал и продолжает оказывать помощь всем, кто в ней нуждается, всем беженцам и вынужденным переселенцам, будь то дунгане, курды или русские немцы... А ещё в сфере пристального внимания Александра Зуева и его организации национальная ситуация в самой России, далеко не идеальная, зыбкая, тревожная...

Естественно, человек с таким багажом знаний о национальных конфликтах, старающийся изо всех сил, а иногда и

сверх всяких сил сохранить то, что патриоты называют «Русским миром» не мог обойти стороной конфликт на востоке Украины. Почти с самого начала этой войны Александр Пулатович — в местах боевых действий. Он работает в качестве журналиста, кинематографиста-документалиста, а более всего — просто в качестве искреннего и бескорыстного друга мятежных Луганской и Донецкой республик. Съёмки фильмов, помощь выезжающим в Россию жителям Донбасса, доставка гуманитарной помощи — все эти проявления доброты и человечности, столь свойственные Зуеву-правозащитнику, дали также массу материала Зуеву-писателю, и литературные произведения не заставили себя ждать.

Помещённая в эту книгу «Мечь майора Вишняка» уже известна российскому читателю. Созданная на документальной основе, она выписана в традициях русского реализма и не только повествует о конкретном, реально существующем человеке и его тяжелейшей судьбе, но и даёт широкую панораму характеров гражданской войны на Украине, причём носители этих характеров расположены по разные стороны линии противостояния. Образ майора Вишняка, не вымышленный, натуральный и честный, легко становится в ряд героев произведений, упомянутых выше — такие же негибаемые, неодолимые мужики воевали и у Юрия Бондарева в «Горячем снеге», и у нашего земляка Михаила Алексеева в «Солдатах» и «Моём Сталинграде». И боль наша оттого, что немолодым уже советским офицерам, прошедшим Афганистан и другие конфликты, пришлось взяться за оружие уже практически у себя дома, на славянской, древнерусской земле, боль эта немного слабеет от осознания того, что они, эти носители гордого звания «офицеры», столь прекрасно воспетого Борисом Васильевым в одноимённом произведении, они есть сегодня, и добро привычно может на них опереться.

В этом смысле первая повесть книги — «Даю шанс!» является своеобразным продолжением «Мести майора Вишняка». Продолжением не сюжетным, но — философским, мировоззренческим, если хотите даже в чём-то футурологическим. Ведь по большому счёту поколение майора Вишняка уже сделало своё дело — билось в Чечне и Дагестане, приняло на себя первый удар на Донбассе. Однако даже легендарная гвардия древних персидских царей — так называемые «бессмертные» вполне себе были подвержены гибели от меча, копья или стрелы, а те, кто миновал эту доблестную участь, не избежали старости... Бессмертное кадровое наследие Советской армии уходит — и с этим ничего не поделать. И книга «Даю шанс!» — она как раз о тех, кто придёт (уже приходит!) на смену. Её герой — молодой и совершенно «постсоветский» человек. Таковых немало на той, как нам недавно казалось, совершенно невозможной войне, и это нормально — война, гражданская в особенности, всегда прежде всего прибирает к рукам молодость. Но протагонист повести географически никак не связан с Донбассом, да и от политики он далёк изначально. Катализатором его перерождения послужила личная, семейная драма, но многие ли из нас в такой ситуации отправились на войну, а не к психологу, другой женщине или в ближайшую пивную — «заливать» горе? Герой же повести А. Зуева отправляется на Донбасс, и это — не только врождённое проявление чувства справедливости, это и протест против всеподавляющей власти общества потребления, олицетворением, символом которого выступает его — теперь бывшая — супруга. И там, на войне он получает не только закалку от большого мужского дела и обретает прозрение. Находясь между жизнью и смертью после ранения, он проходит духовное очищение, переживает катарсис, из которого «возвращается» совсем другим, вероятно, обретая смысл жизни.

Лучшие книги о войне — всегда антивоенные книги. Абсурдность, иррационализм и тотальная несправедливость войны на востоке Украины показана в повестях Александра Зуева со всей беспощадностью даже не военной прозы — военной журналистики. Гибель подневольных украинских военных в уничтоженном транспортном самолёте (и его последующая утилизация ополченцами), юного механика-водителя в подбитом бронетранспортере, солдат-призывников на роковом поле под Дебальцево — все эти сцены недвусмысленно подталкивают читателя к невесёлым размышлениям о том, доколе кукловоды из высокого политического закулисья будут разменивать мальчишеские жизни на реализацию своих амбиций и притязаний, тщетных перед лицом Вечности?

Но яростной отповедью лицемерным сценаристам войн и переворотов становятся слова и дела персонажей повестей Александра Зуева. «Мы сами должны стать теми переменами, которые хотим увидеть в мире» — написал как-то Махатма Ганди, кстати, последовательный ученик Льва Толстого, одного из русских писателей, ссылками на произведения которого открывалась эта статья. Начиная действовать, они не задумываются о последствиях для самих себя, но думают о будущем — для всех русских людей, для всей русской земли, всего Русского мира, который больше Донбасса, больше Украины и России, ибо от эпохи «Повести временных лет» до сегодняшнего дня русский способ познания мира — обретение правды. Думаю, в этом и состоит искомая нами русская национальная идея.

И искать её не нужно — стараниями наших лучших людей она всегда с нами и от неё «Русская земля стала есть».

Алексей Бусс

ДАЮ ШАНС!

ПРОЛОГ

Из дневника Никиты Евграфова, командира взвода бригады «Призрак»

...У нас, россиян, мощный человеческий потенциал. Потенциал напористый, неугомонный, ищущий выхода. Порою этот напор фантастически талантливых, сильных духом людей изумляет и восторгает. Но самое главное в наших людях — это готовность и умение *дать шанс* идущим следом за тобой. *Дать шанс* выполнить задуманное, жить достойно и безбедно, защитить, спасти, сохранить близких, а зачастую и совершенно незнакомых людей, жертвенно отдать всего себя важнейшему, смертельно опасному делу, создать вокруг себя и за собой дух добрых свершений. *Дать шанс* — значит, отдать щедро и бескорыстно всю свою энергию, свои способности, многократно помноженные на интуицию и изобретательность, идущим следом за тобой, надеющимся на тебя, верящим в твою силу и самоотверженность.

На войне, чтобы настроить себя на это, приходится проходить через немыслимо тяжёлые испытания, когда человеческие страдания превращаются в ступени необычной, опасной и таинственной лестницы, по которой тебе предстоит подняться, духовно возвыситься. Каждый шаг вверх по этой лестнице — избавление от груза страха, ненависти, неверия. А эти грузы коварны, могут сбросить тебя с высоты, в мгновение уничтожить, превратить в прах. Каждая ступенька — приход глубинного осмысления происходящего и собственного предна-

значения. И одна из главных составляющих твоего предназначения — забота о том, чтобы *дать шанс* идущим следом справиться с испытаниями, жизненными невзгодами. И так по цепочке — идущий впереди *даёт шанс идущим следом пройти свой путь успешно*. Только тогда жизненная цепочка станет прочной и надёжной.

Что касается меня — я всё сделал как надо. Я *дал шанс!* И у меня есть чувство уверенности — идущий за мной тоже даст шанс следующим. Это главное!

Донесение командира бригады «Призрак» от 29 ноября 2014 г.

«Взвод бригады «Призрак» под командованием командира взвода Н. Евграфова и командира отделения разведки С. Якименко захватил стратегически важный блокпост противника, бойцы уничтожили 47 боевиков из нацистского батальона «Азов». Уничтожено 4 вражеских танка, три БМП. Захвачено 4 крупнокалиберных пулемёта, 2 безоткатных орудия, 102 противопехотных мины итальянского производства, много боеприпасов. В результате их смелых действий враг отказался от планируемого на этом направлении наступления. С. Якименко героически погиб, Н. Евграфов тяжело ранен, находится в коме. Прошу наградить героев высшими наградами Луганской Народной Республики»

*Командир бригады «Призрак»
А. Мозговой*

ГОСПИТАЛЬ В СТАХАНОВЕ. ВОЗВРАЩЕНИЕ

В сознание Никиты стали прорываться голоса:

– Больной, вы мычите, значит, вы из комы вышли. Слава Богу! Скажите нам что-нибудь.

Мягкая девичья рука слегка шлепнула его по левой щеке.

Мужской голос, перебивая, пробубнил:

– Галина, по щекам бить нельзя, парень всё ещё между жизнью и смертью.

– У меня рука счастливая, – после короткой паузы в голосе Галины прозвучали обиженные нотки. — Вчера вот такого же, ещё моложе, с того света вернула. Этот тоже скоро шагнёт на нашу сторону. Да и надо бы, говорят, парень женат и дети есть у него там, в России, в Саратове.

Никита открыл глаза, моргнул и понял, что выбрал сторону жизни. И сразу в тело вернулась боль, похожая на долгий пронзительный крик страдающей женщины. Разлепил губы:

– Больно мне. Дайте обезболивающее. И главное – пить, пить, пи-и-и-ть...

Мужской дребезжащий голос с нотками менторского превосходства заключил:

– Значит, будет жить. И жить долго, уж поверь мне, Галя. С того света с такими ранениями возвращаются не просто так, а чтобы сделать что-то существенное, например, вот так.

Боковым зрением Никита увидел, как широкая мужская рука с усилием прилипла к Галиной ягодице. Женщина фыркнула и резко шагнула в сторону, задев кровать с телом Никиты. Он застонал, заворочался. Это было настоящее возвращение с того света, который показался ему не таким уж плохим. И сразу пришла мысль: «Почему его называют «тем светом»? И в самом деле, то, что он там ощущал, что переживал, и что вошло в память с подлинными картинами странного, другого бытия...

Эти мысли прервал возмущённый монолог Галины:

– Николай Николаич, не делайте так больше! Я понимаю, что вы обрадовались возвращению пациента с того света. Но вы уж радуйтесь как-то по-другому!

Через несколько минут, показавшихся Никите вечностью, головную часть металлической рамки старой разваливающейся кровати приподняли скрипучим винтовым механизмом. К его губам поднесли стакан воды, резко отдающей хлоркой. Ему показалось, что вместе с водой в измученное ранами, ожогами, несколькими операциями тело вливается тонкой струйкой сама жизнь. Он оглядывал свои руки и не узнавал. Одутловатые, от кистей до локтей ставшие серо-зелёными, они вяло слушались. Их малейшее движение требовало невероятного напряжения, словно кости, мышцы и кожа налились тяжёлой холодной свинцовой массой. Галина, стоявшая рядом, заметила:

– А руки у вас почернели из-за того, что тротил от взрыва мины опалил кожу; теперь эта окраска будет с вас медленно сходить. Вообще чудо, что вас только опалило взрывом, а осколки пролетели мимо. Так на войне не бывает! А ожог тротильный заживёт быстро. Через месяц будете как огурчик.

Тем временем пожилая женщина в застиранном байковом халате принесла завтрак и осторожно поставила его на ветхую тумбочку. Никита ощутил: если сейчас не поесть, то может опять провалиться в ту пограничную субстанцию, из которой он только что выбрался на поверхность этого мира. Медленно приподнял голову, уныло посмотрел на плоскую тарелку с отколотым краем, маленькую порцию каши серого несъедобного цвета и попросил Галину:

– У меня там деньги должны быть в кошельке или в паспорте. Купите мне, пожалуйста, что-нибудь поесть. А то с вашего рациона мне век не поправиться.

Он с усилием протолкнул в пищевод серую несолёную кашу, запил стаканом жидкого, едва сладкого чая и облегчённо откинулся на подушку. То были первые шаги возвращения в этот мир, встретивший его больничными запахами, болезненными манипуляциями и ощущением собственного тела, ставшего непривычным, чужим, непослушным. Главное – он вдруг ощутил себя совершенно беспомощным, потому что утерять память. Пришло паническое ощущение неизвестности и собственной никчемности. Осталось лишь одно всепоглощающее воспоминание: чудовищный взрыв взорвал барабанные перепонки, в черепной коробке что-то лопнуло, и память то ли стерлась, то ли ушла в миллиарды нейронов подкорки и затаилась там, ожидая лучших времён, когда его тело сможет вернуться в эту негостеприимную, опасную, взрывающуюся реальность.

Видно, у него были могучие и заботливые ангелы-хранители. Они сберегли ему и жизнь, и память... Через какое-то время в голове назойливой чередой засветились объёмные картины последних событий его военной жизни, над которыми яркими красными буквами высвечивалась главная жизненная идея последних дней «*Дай шанс!*». Словно кто-то могучий и всеведующий решил показать со стороны его путь по этой безумно жестокой войне, с предельно отчётливыми сценами смертей, разрушений, страшных своей обыденностью.

В голове внезапно пробудилось видение последних событий. Так бывает, когда неуправляемое подсознание и душа, воспаряют в открывшееся пространство удивительных мысленных образов. В эти минуты сознание, рациональное, разочарованное жизненными невзгодами и предательствами, отступает на задний план. И тогда какие-то высшие силы начали заботливо преподносить Никите пронзительно чёткие картины прошлого, того самого, которое обязательно надо воспроизвести, чтобы понять себя, оценить людей, осмыслить события, потому что без этого просто невозможно жить дальше.

КОГДА ЖЕНЩИНЫ ЦЕЛУЮТ РУКИ...

Батальон «Заря» был поднят по тревоге. Казалось, пришло время не то чтобы отдохнуть, а снять тревоги бессонных ночей, ожесточённость внезапных лобовых столкновений, когда стрелять бесполезно и только лишь один бросок гранаты, опережающий врага на долю секунды, решает вопрос жизни или смерти. Подошёл предел, когда нужно просто поспать хотя бы пять-шесть часов, чтобы набраться сил для выживания во встречном бою. Комбат Игорь Плотницкий только что устроил своих бойцов в од-

ном из корпусов всеми покинутого Луганского онкологического центра, изрядно побитого вражеской артиллерией.

В корпусе были старые кровати с металлическими сетками. Они со скрипом приняли тела уставших бойцов, прошедших в боях несколько суток и утративших ощущение реальности. Прошло всего три часа почти безмятежного сна, в Луганске было тихо, даже вражеские орудия, похоже, выдохлись и перестали бить по городским кварталам. Но короткий покой оказался иллюзией. Прибывший с линии фронта посыльный сообщил: две мехбригады ВСУ и батальон «Айдар» прорвали танковым клином оборону луганчан и прорвались к сёлам Новосветловка и Хрящеватое. При поддержке танков они обходят Луганск с юга и юго-востока, намереваясь взять город в кольцо. Их план был прост и смертельно логичен: рассечь и окружить обороняющихся, подавить их большой массой бронетехники и шквальным огнём артиллерии. Раздавить психологически и уничтожить саму идею сопротивления. Затем провести зачистку города и всех сёл вплоть до Молодогвардейска, Краснодона, Изварино. У захваченного в плен офицера ВСУ обнаружили директиву:

— Прорвать танковым клином оборонительный рубеж, подавить сопротивление ополченцев, окружить Новосветловку, Хрящеватое. В сёла не входить, впустить туда только части нацбатальонов «Айдар» и «Винница», формирования Правого сектора для зачистки.

Не все тогда знали, что такое «зачистка» силами национальных батальонов. Не знали изошрённо жестокую методику запугивания и физического истребления гражданского населения, скопированную с методов карательных операций дивизии СС «Галичина», зондеркоманд, укомплектованных украинскими националистами. Никто и представить себе не мог, что в штабах национальных батальонов распланы методики, проведена психологическая подготовка по

показательным пыткам и казням мирного населения, по истреблению даже мыслей о сопротивлении.

Комбат ходил по коридорам больничного корпуса, открывал двери в палаты и твёрдым, осипшим от недосыпа голосом вещал:

– Подъём! Ребятки, простите, но очень надо! В Новосветловке нацисты!

Через полчаса батальон загрузился в разнокалиберный транспорт. В дело пошли старенькие грузовики, микроавтобусы, легковушки. Замыкали колонну три грузовика с миномётами и четыре трофейных танка Т-64.

У Никиты это был уже пятый бой, в котором он командовал взводом, пятое испытание его сил, способностей посылать людей на смерть и принимать на себя самый тяжкий жизненный груз ответственности за человеческую жизнь.

Высадились у шоссе на развилке, когда впереди уже шло масштабное сражение, протяжно выли тяжёлые мины, утробно, разбивая барабанные перепонки, били танковые пушки. С нашей стороны чётко, отдельно работали крупнокалиберные «Утёсы».

Под аккомпанемент миномётных залпов выстроились цепью и пошли вперёд. Слева от просёлочной дороги хлётко ударили автоматные очереди. Цепь залегла. Упавший рядом совсем молоденький, лет девятнадцати боец болезненно заныл и скрюченными ладонями стал грести перед собой землю, отталкивая всё дальше от себя слетевшую каску. Его автомат лежал рядом, сиротливо задрал кверху зрачок грозного ствола. Никита прилёг рядом и положил левую руку на затылок паренька. Почувствовал, как ладонь стала подрагивать, подпрыгивать под напором пульсирующей крови. Прокричал парню в ухо громко и отдельно:

— Сейчас встанешь и пойдёшь прямо за мной, затылок в затылок. Не смотри по сторонам и не оглядывайся. Всё в порядке. Будешь жить! Не сомневайся!

Никита поднял паренька за шиворот, натянул на обриту голову каску, затянул ремешок под подбородком. Перекинул через плечо автоматный ремень. Боковым зрением отметил – взвод выстроился в ломаную цепочку и медленно пошёл вперёд, в самый центр грохочущего, задымлённого впереди пространства. Новобранец шёл сзади, след в след, упорно смотря под ноги.

Двух гранатомётчиков, бойких и сметливых ребят, комвзвода поставил на правый фланг с ответственной задачей: бить по вражеским пулемётам. Это было верное решение. После нескольких гранатных залпов стрельба стала утихать. Комвзвода достал карту, сверил направление наступления, обозначенное от руки в виде двух неровных куполов, т.е. на здание сельской церкви.

Через полчаса взвод вышел к церкви. Автоматные очереди ещё перестукивали совсем рядом, когда Никита разглядел у массивных входных дверей храма большую группу женщин и детей. Все женщины и девочки были в светлых платочках, плотно обтягивавших головы и шеи, завязанных у затылков маленькими тугими узелками.

Комвзвода с бойцами решительно подошёл к толпе и начал успокаивать, обещая всех проводить по домам. Женщины смотрели на него и крестились, протягивая вперёд руки. Женщина из первого ряда внезапно сделала несколько мелких шажков вперёд, встала перед Никитой на колени и принялась целовать ему руки. Стоявшая рядом с ней девочка лет двенадцати подползла к Никите слева на коленках и взяла его руку, прижала ко лбу. Следом все женщины, плача, встали на колени, ища губами руки бойцов.

Комвзвода почувствовал, как к горлу подкатил ком и слезы струйками потекли по щекам. Рядом, тщетно пытаясь подавить рыдания, порывисто вздыхал Серёжка Якименко. Ополченцы внезапно погрузились в их страдания, всей своей внутренней сутью ощущая: женщины пережили тяжелейшее потрясение и благодарили их за всё: за спасение, за жертвенность, бескорыстие, за то, что они вовремя успели, прекратили дикое издевательство над ними, не дали свершиться подлому насилию.

Опустив головы и глотая слёзы, комвзвода и его бойцы выслушивали их сбивчивые рассказы. Оказывается, их вчера вечером согнали в церковь вооруженные люди из батальона Айдар и заперли там на ночь. Когда местный священник принёс еды и воду запертым в церкви, его угостили автоматным прикладом в грудь...

Ранним утром, едва рассвело, их вывели и заставили пройти по полю в двухстах метрах от церкви цепью с интервалом 2-3 метра друг от друга. Таким образом батальон Айдар проводил разминирование площадки, на которой должны были разбить лагерь и разместить боевую технику.

Позже Сергей Якименко принёс копию материалов из местного музея, в которой описывалось, как в период оккупации зондеркоманда СС таким же путём проводила разминирование примерно в том же месте, где это делали

современные каратели. Тогда погибло и было ранено более двадцати женщин. В этот раз Бог спас! Свой вклад в спасение внесли и подоспевшие вовремя ополченцы.

Стрельба затихала в отдалении, и комвзвода приказал бойцам развести женщин и детей по домам, проверить улицы и тропинки на наличие растяжек и в течение получаса вернуться к церкви. Его руку так и не отпускала женщина, пытавшаяся ему что-то рассказать. Поначалу Никита принял её за бабушку – об этом говорили сгорбленные плечи, скорбная, неуверенная походка, дряблый, осипший голос. Как выяснилось, звать её Ирина, ей тридцать четыре года, но испытания последних недель словно выжали разом жизненные силы и выбили пряди седины на висках. Заметив сочувственный взгляд, Ирина печально покачала головой:

– Все эти дни, пока шли бои, ни умыться, ни поесть, ни спать толком. От полного помешательства спасли только дети. Их двое: старшему, Алёше, — девять, младшенькой Оленьке – всего три. Мужа, Сергея, боевики увели прямо из подвальчика, в котором пряталась вся семья.

Ирина сняла траурный платок, и разом выдавив из себя нерешительность, стала рассказывать:

– Моё сердце чуяло, что все эти референдумы кончатся плохо. И я настояла, чтобы мы с мужем ни в чём не участвовали – ни в референдуме, ни в митингах. Мой отец, очень мудрый человек, часто говорил: «Надо быть за ту власть, которая у власти». Муж думал по-другому, но меня послушался. Он вообще меня обожал, и главные решения всегда оставались за мной. И мы просидели дома всё время. С соседями, которые ходили к нам и пытались агитировать, стали меньше общаться. Когда в село пришли айдаровцы, я перекрестилась и подумала:

– Слава Богу, мы ни в каких протестах не замешаны. Кто знал, что я ошиблась смертельно! На второй день оккупации пришли трое в камуфляже из батальона «Айдар».

Первым делом приказали показать им руки. Сразу сняли у меня два кольца – обручальное и перстень. У мужа тоже сняли, обручальное. Сказали: это на нужды антитеррористической операции. Я сразу им рассказала о нашем неучастии в референдумах и митингах. Их старший ответил: «Все вы теперь как суки брехливые. А у мужа твоего морда подозрительная. Мы проверим». И увели, руки за спиной скотчем связали.

На следующий день побежала к командованию украинской мехбригады, плакала, просила. Мне ответили:

– Нам «Азов» не подчиняется. В списках задержанных нет его, значит отпустят.

Только женщина – соседка, она у нас соцработником была, сказала, что раз скотчем руки сзади связали, значит, плохи дела. Так и не вернулся мой Серёжа.

Я и поняла тогда: если б он был в ополчении, был бы жив наверняка, он ведь ловкий, сильный. Это моя вина!

Женщина в слезах уговорила Никиту свернуть к лесопосадкам. Никита скрепя сердце согласился и ускорил шаг. И в самом деле, в лесопосадках виднелись свежие холмики земли. Ирина вырвалась вперед:

– Смотрите, холмики шевелятся, это мой Серёженька выбраться хочет. – И медленно, боком сползла на землю...

Сергей Якименко, шедший рядом, подхватил её, пытался поднять, потом, всмотревшись в неприметную кочку впереди, осипшим голосом бросил:

Всем стоять! Здесь мины густо понатыканы! Вот гады!

Вместе подняли Ирину, дали ей воды из фляжки и довели до перекрёстка, у которого догорал подбитый украинский БТР. Постучались в небольшой домик у дороги, попросили соседей проследить за Ириной и её детками.

Ирина, прощаясь, вытерла слезу, всхлипнула:

– Есть надежда, но ничтожная. Ведь я запомнила того, чернявого, с гнилыми зубами, ихнего старшего, того, что

кольца наши снимал. Его надо найти! Он на соседней улице девчонку двенадцатилетнюю забрал, увел и изнасиловал, хотел убить потом, да она сумела сбежать. Все они изверги, для них жизнь человеческая – ничто. И потому чует моё сердце, что Сереженька мой неживой уже...

К церкви возвращались бегом, издали услышав команду на построение. Строй бойцов нервно колыхался. Стоял ропот. Все обсуждали зверства айдаровцев, убийства и пытки мирных жителей...

Так завершалась эта военная операция, разрушившая жизнь тысяч мирных жителей, разделившая всю их жизнь на «до» и «после»...

Доложили подошедшему комбату о заминированных захоронениях расстрелянных жителей. Хмурый командир, который уже знал о расстрелах, сообщил:

– Судя по захоронениям, только в первом, том что совсем рядом, в лесополосе, человек тридцать... Вот разминируем, раскопаем. Закурил, отвернулся и снял фуражку, до хруста сжал кисть левой руки, ломая форменный козырек.

Этот случай остался в памяти комзвода как аварийный сигнал его сознанию – оставь сомнения и воюй как все, помогай, сочувствуй. Но не бери на свои плечи эту тяжёлую военную глыбу под названием «быть в ответе». Тебе предстоит усвоить этот катастрофический факт и сдержаться, не впустить в сознание всю глубину переживаний и скорби женщин на этой безумной войне.

ОТКРОВЕНИЯ ИЗ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ

Воспоминания приносили восстановление памяти. Выбитые взрывом мины из сознания образы людей – живых и мёртвых, разрушенных зданий, горящей бронетехники,

кисло-тухлый запах сработавшей взрывчатки, звуки разрывов – всё это восстанавливалось, обретало плоть, заполняло всё пространство вокруг.

Никита перестал спать, лишь временами проваливаясь в серую пустоту, в которой гулко звучали голоса – чужие и враждебные. Его жизнь вновь замерла на перепутье. Вновь, по настоянию неусыпной и строгой медсестры Галины, его перевели в реанимацию.

В одну из ночей, страшась провалов в ненавистный серый туман, он вдруг услышал слабый призыв, становившийся в каждую секунду всё более и более настойчивым. Тело непостижимым образом утерюло вес и все земные измерения. Сознание обострилось до предела и внезапно дало видение всего окружающего мира одновременно со всех сторон, словно он находился одновременно сзади, справа, слева, сверху, видел каждую морщинку на своей левой щеке.

Голос медсестры Галины безжалостно вернул Никиту в привычный мир. Ему этого не хотелось, потому что в этом мире его ждали боль и скудная пресная пища, болезненные уколы и жгучие по своей болезненности перевязки, когда присохшие бинты отрываются вместе с кусками собственной кожи. Эта была та самая Галина, что вывела Никиту из комы.

Возрождающееся сознание и стремление выжить милосердно остановили кадры войны и с какой-то особой отчётливостью погрузили Никиту в родной Саратов, в детские годы, фрагментами выхватывая самые важные эпизоды его жизненного пути, словно давая возможность оценить взглядом со стороны его поступки, его поиски смысла жизни.

Из глубин памяти всплыл с пронзительной ясностью двадцатилетней давности разговор родителей с лучшим другом их семьи – дядей Петей с замечательной фамилией – Великородный. Ему тогда исполнилось двенадцать лет, и дядя Петя пришёл поздравить его с днём рождения. Принёс подарок, немыслимо дорогой по тем временам двухколёсный велосипед немецкого производства – нарядный, блестящий хромированными деталями, с электрическим фонариком, питавшимся от крохотного генератора, крутящегося от широкой шины.

А у Никиты в день рождения разыгралась болезнь – фолликулярная ангина, поднялась высокая температура, и когда он закрывал глаза, в темноте возникали оранжевые, с серыми грязными краями горизонтальные полосы, к тому же эти полосы издавали противный скрипящий звук, словно по стеклу скребли металлической пластиной. Закрывание глаз приводило к волнам тошноты, и потому Никита тогда старался глаза не закрывать, а лишь прищуривать.

Волшебный подарок, казалось, сразу изменил ход болезни. Озноб, бивший с утра и к вечеру усиливавшийся,

сменился ощущением тепла. А начало этому дали лучи света, отражённые от хромированного крыла, высоко вознесённого над задним колесом волшебного велосипеда.

Впервые Никита вслушивался во взрослый разговор. Говорил, конечно же, дядя Петя, которого мама всегда называла умницей и волшебником:

– Мы породили уродливое общество, в котором примерно один процент владеет половиной мира, а вторая половина делится на ничтожные части между остальными. Так что можете представить себе такую образную картину. Над зловонной низиной, покрытой болотами, откуда идут ядовитые миазмы, возвышается высокое плато на недостижимой высоте. На этом плато прекрасный чистый воздух, яркое солнце, прозрачные ручьи со сладкой кристальной водой и птицы поют чудесные песни. И людей там немного, все они красивые, умные и добрые.

А в низинах – болезни, голод и серость. Там люди готовы уничтожить друг друга за небольшой болотный островок – ведь этот неприглядный кусочек земли – жизненный ресурс, на котором можно что-то вырастить, чтобы прокормить близких.

Но есть и третьи. Их немного, и можно было бы не принимать их во внимание, но это те, кто решился карабкаться наверх по отвесным гранитным стенам. Они укрепились в вере в то, что вниз им нельзя, и гордились своей неутомимостью и упорством: наверх так просто не пускают. Вот эти люди и застряли между счастьем и несчастьем, между небом и землей. Дядя Петя отнёс себя к третьим.

Ах, дядя Петя, знал бы ты, как твои слова могут повлиять на впечатлительного мальчика! Как этот мальчик возненавидел обитателей того прекрасного горного плато с чистым воздухом, наполненным жизненными радостями, с какой болью мальчик смотрел на живущих в вечном бо-

лоте мелких хлопот. Как он всё время представлял себя одиноким искателем, в отчаянном усилии карабкающимся по отвесной стене. Эти образы настолько регулярно посещали Никиту, что повзрослев, преодолев множественные препоны, он несколько раз отправлялся на горные вершины Кавказа с группой таких же мечтателей.

Свою жизнь Никита представлял в виде изнуряющей погони по пересечённой местности. Все бегут, все догоняют с безжалостным настроением уничтожить конкурентов. Сзади топот многочисленных преследователей, а потому нельзя останавливаться и отдыхать, иначе бегущая сзади толпа раздавит.

Иногда время слегка замедляло свой бег, и он мучительно искал пути выхода той энергии, что таилась где-то глубоко внутри. Из этого состояния его неизменно выводил и затягивал в себя с непостижимой силой водоворот личного мироустройства.

В том несправедливом мироустройстве, которое так образно обрисовал дядя Петя, он был обречён барахтаться в жизненном болоте с детства. Родители, работавшие на Авиационном заводе, попали под жестокий каток передела собственности в далёких девяностых. Люди месяцами, годами ходили на работу и не получали зарплату. В те девяностые их мир перевернулся и пришло обнищание. То было обнищание не столько материальное, сколько крах надежд, духовная нищета, как говорила бабушка Никиты, стала настоящим наказанием Божиим.

Первым сломался отец, не вынесший унижения нищенством, бесправием. Устроился грузчиком на Сенной рынок. Приходил с работы пьяным и вместо зарплаты приносил за пазухой бутылку спирта. Однажды, с похмелья у него случился инсульт, и эта страшная болезнь, как ни странно, остановила семейную трагедию. Вся семья сплотилась

и дружно взялась за исцеление Ивана Петровича. Страшная болезнь принесла исцеление душевное.

Никита временами видел этот мир глазами матери и быстро наливающимися мужской силой руками вносил свой вклад. Он помогал матери и бабушке, часами просиживал рядом с отцовской кроватью и читал вслух совсем не детские книги, которые они подбирали с матерью. Эти книги, прочитанные с душевным подъёмом, и в самом деле оказывали целительное действие на прикованного к кровати отца.

Начало отцовской болезни словно придало новый темп семейной жизни. Годы побежали, яростно ускоряясь. Быстро взрослеющий Никита ушёл из школы, устроился в профессиональный колледж с одной целью: помочь матери и бабушке прокормить семью, поставить на ноги отца.

Мысли о несправедливости и неравенстве мира уступили страстному желанию укрепиться материально, создать благополучный семейный мир. И это ему удавалось. Ещё обучаясь в колледже, Никита подрабатывал сварщиком. Сдав выпускные экзамены, устроился в бригаду, собиравшую разные металлоконструкции. Собирали железные ворота, варили памятники и ограды на могилы. Никита специализировался на сварке металлических дверей – самый ходовой товар на рынке. Скоро в квартире Евграфовых появилась новая мебель, а сам Никита стал гордо разъезжать на старенькой «пятёрочке» белого цвета.

Главное – отец начал вставать. Его исцеление стало настоящим чудом и следствием трогательных хлопот всей семьи. Жизнь возвращалась в обездвиженное тело.

Тем временем Никита превратился из длинноногого нескладного подростка (его и прозвали в колледже «цаплей») в крепкого мужчину, непьющего и спокойного, в то время как треть парней его поколения уже покоилась

на кладбищах после бандитских разборок и передозов героина, он поступил на заочное отделение в Политех.

Мама, Евгения Фёдоровна, всё чаще смотрела на сыночка влажными глазами, ходила в церковь и молилась всем святыми за то счастье, что приносил сын в их семью. Многие из его сверстников уже превратились в безнадёжных пьяниц, наркоманов, сидели в колониях за кражи и насильственные преступления. И материнское сердце сжималось, когда приходили вести о жизненном крушении молодых ребят, живших по соседству. Словно в это поколение неким тайным способом влили злокачественную прививку.

Скоро Никита женился и привёл в дом отменную красавицу, Нелю, вместе с которой учился в колледже.

Неля чаще других цеплялась к нему и дразнила «цаплей». При этом посылала ему на праздники и дни рождения цветные открытки с трогательными поздравлениями.

Казалось, кто-то свыше уже спланировал жизненный путь Никиты: трудяга, примерный семьянин, любимый сын, счастливый отец. Словом, счастливый человек! И так бы всё и случилось, если б не та внутренняя борьба, если б не ощущение ущербности и несправедливости окружающего мира и обострённое ощущение личной вины за бездействие, словно судьба давала ему шанс изменить мир к лучшему, а он этот шанс никак не использовал. Хотя бы в совсем малой мере!

Семейные неурядицы пришли неожиданно. Властная, язвительная супруга чуть ли не ежедневно указывала Никите на его место в семейной иерархии. Здесь он был зачислен в разряд исполнителя её установок и желаний. Неля полностью скопировала семейную модель своих родителей, где отец был поставлен в положение простого исполнителя установок мамы – властной решительной женщины. Мама, работник торговли, не упустила свои возможности в 90-е годы. Уверенно выкупила на собранные разными путями деньги помещение довольно крупного гастронома и быстро

развернула свой бизнес. Отец Нели, Виталий Фёдорович Сапожников, инженер-химик, в 92-м работал на НИТРОНЕ, в самые трудные дни запуска нового производства, и получил сильное отравление от испарений токсичных веществ. Пролежал в больнице более месяца и был уволен без выходного пособия. Долго хлопотал об инвалидности, но безуспешно. Супруга, чья карьера пошла в гору, милостиво выделила на лечение мужа весьма скромные средства и дала ему понять: она будет жить своей жизнью, вкушать радости и наслаждения. А его она будет содержать только ради нормального душевного состояния дочери. Виталий Фёдорович принял эти позорные условия, поскольку трудиться и зарабатывать на жизнь сам он не мог. Он решил прожить оставленный судьбою короткий срок для дочери – он любил Нелечку, любил беззаветно...

Так и жила семья Сапожниковых разделенно: мать с любовником – в роскошной четырёхкомнатной квартире в центре города, отец – в крохотной однокомнатной квартире в Заводском районе, а дочь Неля – в стильно отремонтированной трёхкомнатной квартире где-то посередине – между центром города и отдалённой окраиной. Неля иногда посещала отца. Брезгливо морщила губы, входя в его комнату с аляповатыми, местами покоробленными обоями, а когда уходила после короткого чаепития, мысленно давала себе слово никогда-никогда не выходить замуж за бедного человека, никогда не влюбляться и не погружаться в романтические грёзы, никогда не жить в таких трущобах, в разваливающихся блочных пятиэтажках, от которых исходит дух тления и безнадёжности.

Как оказалось, она плохо себя знала. Она и не представляла, что можно испытать такое чувство притяжения, такое ощущение неутолённой тоски, такое желание прикоснуться, прижаться всем своим, становящимся невесомым телом к нему – стройному, мечтательному парнишке Никите. А какой восхитительный запах от него исходил:

смесь острого, дышащего таинственной жизненной силой юношеского пота с запахом полевых цветов, расцветающих скромными сине-голубыми лучистыми пятнышками в бескрайних лугах Заволжья, куда они выезжали в детстве единой и тогда ещё счастливой семьей. Неля не понимала, что с ней происходит. Не могла спать, есть, пить без образа Никиты, без запаха его тела. Это потом, уже после замужества, прочитала как-то серию статей о биохимии любви, о всемогущей силе гормонов.

Своенравная, не привыкшая в чём-то себе отказывать Неля сделала всё, чтобы овладеть Никитой, превратить его в своего мужчину, в свою собственность, никуда его не отпускать дальше ближайшего квартала, где жила его семья.

Неля хорошо знала свою мать, поэтому о своём решении выйти замуж за Никиту она сообщила ей в категорическом тоне. Она всё рассчитала точно, зная, что мать только-только рассталась с третьим по счёту любовником, заподозренном в неверности. Мать, расстроенная и озадаченная расставанием с любимым мужчиной, не стала спорить с дочерью. Открыла массивный сейф и достала оттуда тугую пачку стодолларовых купюр:

– Распоряжайся. Это на свадьбу и на медовый месяц. Только чует моё сердце, твой Ромео – копия твоего папочки, романтик равноправия и справедливости. Я-то тебя знаю, долго ты с ним не проживёшь, выставишь за порог через полгода совместной жизни, а то и быстрее...

Никита узнал о семейной истории своей возлюбленной, о её взглядах, установках на семейную жизнь довольно поздно, когда уже родилась Леночка. Её первые младенческие улыбки, блистающие живым жизненным светом голубые глаза повергли Никиту в состояние неизведанного ранее восторга, ради которого он приучил себя терпеть незаслуженные унижения и обиды от властной, сумасбродной Нели.

Всё чаще ощущения несправедливости мироустройства, позорная неустроенность семейной жизни жгли Никиту изнутри длинными бессонными ночами, когда, казалось, горевать было не о чем: пришли стабильность, семейный мир и покой, заработанные им полной самоотдачей и тяжёлым трудом.

Неудача в семейной жизни, разрыв живой семейной ткани превратился в преодоление какой-то очень важной границы, напоминающей мелкую, отдающую болотным духом речушку по имени Рубикон. Вот она перед тобой, едва наполненная таинственной серой неживой водой. Казалось, перейти её было легко: сделал несколько решительных шагов – и ты уже на том берегу, где будешь жить по другим законам. Ан нет, вся твоя внутренняя суть кричит: «Перейдёшь и станешь изгоем, тебя накажут высшие силы, станешь отверженным...»

Переход означал для него и другое – постоянное ощущение прихода катастрофы. Перешёл зловонную речушку – и оказался в непривычном мире одиночества. Переход означал изменение своего внутреннего «я», в котором на невидимых весах измерялись ценности любви, верности, встреч и прощаний, обретений и потерь. Удастся ли ему сохранить свой мир, удивительный и неподражаемый, мир образов, живых и предельно чётких и притягательных? Или ждут его размытые лики – неприкаянные, бесприютные?

Никита застыл на берегу своего Рубикона, понимая, что развод будет означать потерю самого любимого и бесценного в этом мире, доченьки Леночки. А вместе с ней уйдёт и ощущение смысла жизни, придёт вечная тоска и вечная разлука со счастьем.

Он перешёл, зная наверняка что там впереди. Перешёл, потому что явно осознавал – по-другому нельзя. По-другому – значит предать себя, свой предначертанный путь...

БЕС НАСИЛИЯ

Майдан в далёком Киеве в тяжёлые дни крушения семьи стал для Никиты настоящим откровением, пробудившим все дремавшие мысли об ущербности мироустройства. Первые майданные сцены на телеэкранах вокруг костров и светящихся зловещим чёрно-оранжевым, с кровавым отсветом железных бочек словно снимали пелену беспросветности.

Бескрайний мир Интернета вихрем заполнили хаотичные впечатления и оптимистичные надежды людей, вышедших на площадь и улицу Грушевского.

Сознание настойчиво отталкивало комментарии и прогнозы российских дикторов. Как казалось Никите, все они буквально выковыривали и выставляли на белый свет речёвки и лозунги националистов.

– Ну что здесь плохого, если люди думают и мечтают развивать свой язык, культуру, оградить от увядания и растворения в большом и пёстром мире национальные традиции? – Так хотелось думать Никите.

Главное, о чём кричал Майдан: о справедливости, о равенстве, о безумной и безудержной коррупции, разрушающей всё и вся. По Интернету стал переписываться с несколькими майданщиками, теми, кто постоянно думал и писал «о душе».

Какие страсти закипели в Интернете по поводу Майдана! Люди писали, что этот Майдан – главная надежда не только Украины, но и России, что пришла пора свергнуть, наконец, власть олигархов и избавиться от власти «денежных мешков».

Тотчас в соцсетях вспыхивала ответная полемика: «Да проснитесь, наконец, раскройте глаза пошире и увидите, что на Майдане тон задают такие же олигархи, решившие организовать передел собственности. Те, что сейчас у вла-

сти – нахапали, ожирели, обросли ленью. Майдан организовали те, которых снедает зависть, они поэтому готовы дать любые обещания – справедливости, честности, равноправия, свободы, европейских ценностей. Основная же их цель – нахраписто ворваться во власть, добраться до потаённых подвалов и складов, до кипрских банков и оффшоров, живущих райской жизнью под сиреневым небом над садами Семирамиды. Потом, после экспроприации, останется одно – отобрать всё и выставить изощрённую охрану, спрятать всё в бетонные бункеры, в которых даже атомной бомбой не достанешь золото, ценные бумаги, горки бриллиантов, ставших смыслом и главным жизненным мотивом, во имя которого становится возможным всё: убийство, предательство, даже разрушение всего окружающего мира...

Майданщики жертвенно выполняли все установки, невзирая, что основной майданной силой стали те, кто главной жизненной целью поставил уничтожение москалей, жидов и иных непотребных, не замечая, что часть майданщиков жертвенно пала, окрасив брусчатку потоками крови и восставших, и защитников. Первый вкус крови оказался горьким. Потом кровь и насилие сделались привычными, приносящими новые ощущения большой бесовской охоты за инакомыслием. Бес насилия вселялся быстро, захватывал души целиком, превращая жестокость в повседневное занятие. Один из погромщиков заявил, приехав в родной Тернополь «на каникулы» из Одессы:

– Так это ж как спортивная охота, даже просто спорт: чем крепче бьёшь москалей, чем больше их убиваешь, тем легче дышится...

Бес насилия был силён и, вселившись, проникал в мозг, кровь, в генетическую память. Так уж устроен человек. Война, даже освящённая идеями защиты родной земли, притягивает бесов, открывает им нараспашку многие души. А когда война заканчивается, бесовские наваждения

настойчиво и страстно ищут выхода, им обязательно надо убивать, отбирать, их никак не притягивает возвращение к мирной жизни. После Великой Отечественной войны, власти СССР были вынуждены создавать отделы по борьбе с бандитизмом – «отделы ББ», так как улицы городов захлестнула преступность. Убийства, грабежи, насилия долго будоражили общественное сознание. Ожесточенные милиционеры с красными от бессонницы глазами уже не пытались проводить операции на удержание бандитов. Они старались истреблять их, потому что никакое задержание, никакой справедливый суд не мог укротить бесовщину. Лишь к концу трудных пятидесятых бесы умаялись. В души, ожесточённые войной, начал возвращаться мир и покой. Бандитизм пошёл на спад. Отделы по борьбе с бандитизмом по всей стране закрылись.

Об этом в краткие минуты затиший настойчиво и яростно спорили ополченцы. Главными застрельщиком таких споров были комвзвода и Сергей Якименко. За это их стали называть «политруками». А говорить было о чём. В прифронтовой полосе стали появляться самостийные группки вооружённых людей. Они занимались «реквизициями» у мирного населения. Основные предметы реквизиций – автомобили, продовольствие, фирменная одежда. Дело дошло до того, что корреспондент единственной из выходивших в прифронтовом Луганске газеты «XXI ВЕК», записавший репортаж о боях в районе Кировска, вернулся через час на позиции, понуро подошёл к Никите и рассказал, как в полчаса езды, на подъезде к Стаханову его остановили пьяные люди с автоматами, отобрали машину – старенькую шестёрку шоколадного цвета, изъяли и фотокамеру японского производства. Никита связался по рации с руководством, в красках описал события. О грабеже сообщили на все блокпосты. Машину нашли на следующее утро и подогнали к редакции газеты, оставшейся единственным сред-

ством массовой информации на всю Луганскую республику. Похитителей установили и объявили в розыск.

Это время можно было называть рубежным. Начинаясь сентябрь 2014 года. С запада и северо-запада доносился утробный голос войны. Всё чаще била крупнокалиберная артиллерия. Снаряды стопятидесятидвухмиллиметровых пушек прилетали беззвучно. Фугасный снаряд за миллисекунды пробивал и кирпичные и бетонные стены многоэтажек и сразу же срабатывал взрыватель. Никто из спящих женщин, детей, стариков не успевал проснуться. Взрыв пятидесяти килограммов взрывчатки означал смерть. Потом вверх уходил веер осколков вперемешку с тёмными комьями земли, кусками дерева и бетона. Вместе с ними в воздух тяжело взлетали человеческие останки. В такие моменты глаза фиксировали их, но мозг отказывался верить и услужливо стирал эти страшные лики смерти из памяти. Лишь потом, среди ночи, кто-то невидимый воспроизводил апокалипсис, словно заклиная: «Не смей забывать! Должен помнить! Твоя память – твоя оборонительная стена от внешних вторжений».

Он помнил как после фонтана земли и осколков тугая воздушная волна достигала ушных мембран, и ополченцы на линии фронта ощущали далёкую силу взрыва, означающую, что снова и снова разрушены дома, созданные долгим тяжёлым трудом, освящённые человеческими надеждами и страстными мечтами, что угасли, ушли в небытие тысячи семейных очагов, вокруг которых долгие счастливые годы звучали радостные детские голоса, роились простые человеческие радости и горести, громко звучали поздравления на свадьбах и юбилеях, что всё чаще траурные процессии, прощались с тем, что было дорого, любимо, составляло основу их жизни и надежды, и подносили к губам с солёным привкусом слёз прощальные стопки с горькой водкой «за упокой».

После мощного обстрела весь человеческий мир рушился, превращаясь в груды мусора.

Погружение в самую глубину трагедии гражданской войны стало для Никиты тяжелейшим испытанием. Он не мог так вот просто потерять веру в справедливость, в свою сопричастность, в чувство собственного долга. Оказалось, самое тяжёлое бремя – ощутить всей своей человеческой сутью преимущество вражеских сил – кровавых, безжалостных, лишаящих права выбора...

Возвращение памяти будоражило и взывало к действию. В то же время он просыпался ночами от ощущения притяжения на ту сторону за чертой жизни. До утра глушил это притяжение светлыми образами близких, родных. А утром его ослабленную человеческую суть ждал скудный завтрак и вновь – память воспроизводила очередное событие его военной эпопеи.

ЧЁРНАЯ ВОРОНКА НАД АЭРОПОРТОМ

Никита всё чаще возвращался к одной и той же мысли: почему война, кровавая, уничтожающая все смыслы жизни, не понимается теми, кто не воюет. Почему только те, кто ощутил всю неумолимую жестокость войны, могут всей своей внутренней сутью осудить её?

Как это возможно: одни живут на грани жизни и смерти, ежедневно и ежеминутно ощущая дух войны, ощущая притерпевшийся страх смерти, зная, что смерть может настигнуть в любой момент, а другие живут в мире безудержного потребления всяческих благ и плотских утех? Два разных мира живут параллельно и почти независимо друг от друга. Ведь это ненормально, это параллельное существование миров неизбежно заставит столкнуться и разрушит нашу реальность, превратив её в прах, потому что

все мы – один большой организм, одна реальность. Если у организма какая-то часть ранена, больна, то миллиарды клеток, соединённых тончайшими нервными нитями, должны передать в центр сигнал боли и страданий. И тогда организм сразу же начнёт лечение. Но если этого не происходит, то это означает смертельную болезнь всего организма и означает безнадёжность, поэтому с происходящим никак нельзя соглашаться, иначе придёт полное саморазрушение.

В первые недели боевых действий никто не думал, что возможна такая война. Первые кадры телевизионной хроники с пушками крупного калибра, прицепленными к армейским грузовикам, вызывали смех и ощущение бутафории, фантазмагории свихнувшихся политиков. Первые разрывы ошеломили. Комвзвода вспомнил, как со своими бойцами охранял вход в здание бывшего областного СБУ, когда впереди, метрах в ста, рядом с троллейбусной остановкой разорвалась мина 120 калибра. Она разорвала, разрубила на куски пятерых пожилых людей, ожидавших троллейбус. Такая мина – мощное оружие на войне, против мирных жителей – оружие подлое, несущее шестнадцатикилограммовую смерть, взрывающуюся более чем двумястами осколками, каждый из которых готов пронзить человеческую плоть, разорвать сосуды, перебить кости. От осколков, летящих низко над землей (так продуман взрыв корпуса мины), нет спасения, бронежилет защитит лишь спину и грудную клетку. Руки, ноги, сосуды будут перебиты, разрублены... И миномётчики об этом знают хорошо.

Стреляли из захваченного украинскими военными Луганского аэропорта, от него исходила главная угроза. Оттуда стартовали американские беспилотные самолёты – крупные, тупоносые, ловко уходящие от залпов зенитчиков. Беспилотники, словно истинные небесные хозяева, облетали город. Тогда никто не понимал, что это — начало разгрома, стирания с лица земли жилых домов и густонаселён-

ных кварталов, причём, военными объектами их никто не считал. Просто начиналась акция уничтожения и устрашения уничтожением.

После первых облётов беспилотниками начались обстрелы крупнокалиберными миномётами, потом гаубицами, потом реактивными снарядами «град». В довершение, стали прилетать баллистические ракеты «точка-У», символизирующие тотальное уничтожение всего живого.

Командиры ополчения решили блокировать Луганский аэропорт. Для этой цели батальон получил переносные зенитно-ракетные комплексы «игла». Десять бойцов взвода и сам Никита прошли трёхдневное обучение стрельбе из этих комплексов. Теперь все они были выстроены на заднем дворе батальонной базы перед комбатом. Комбат сильно сдал за последние недели – сказались бесконечные бои, бессонные ночи. Фигура сгорбилась, серые набрякшие мешки под глазами занимали половину лица. Говорил мало. Потом дал слово бывшему офицеру украинской армии, бритому наголо пожилому полковнику, перешедшему на сторону ополченцев две недели назад, сердечнику, поддерживающему усталое сердце многочисленными таблетками, принимаемыми прямо перед строем.

Полковник рассказывал о том, кто и как сегодня готовит украинских офицеров и украинскую армию для войны на Востоке, как готовятся акции по уничтожению городов и посёлков, по зачистке территорий, по противодействию партизанам. По этим инструкциям ведётся явная и тайная война; руководствуясь ими, нацгвардия и СБУ зачищают города и посёлки по критериям «покорности». Примерно четвертую часть этих самых непокорных – пытаются и расстреливают в лесопосадках. Их трупы на освобождённых территориях, присыпанные тонким слоем земли, потом откапывают ополченцы. Всех исполнителей инструктируют по американским канонам украинские офицеры, каждый из которых прошёл стажировку на специальных трениро-

вочных базах в Соединенных Штатах Америки. Каждый офицер украинской армии не реже чем раз в год повышает квалификацию и получает инструкции от министерства обороны США, ЦРУ и АНБ. Украинские генштаб, Служба национальной безопасности, МВД – всё подпитывается энергией американского доллара. На каждых четырёх сотрудников генштаба, СНБ МВД приходится американский куратор, контролирующий и направляющий. Получается, что каждый офицер подчиняется прежде президенту США и лишь после этого выполняет указание президента Украины.

По этим инструкциям ведутся массированные артиллерийские обстрелы городов и посёлков по принципу ковровых бомбардировок. Американские спецы не рекомендуют ввязываться в ближний бой. Тактика совсем другая: вначале густо положить крупнокалиберные снаряды, проутюжив целые кварталы и уничтожив для острастки строения и мирных жителей. Потом – зачистка, энергичная и безжалостная. Эффективность тактики проверена во Вьетнаме, Ираке, других локальных войнах.

Подполковник снял массивные очки, протёр повлажневшие глаза грязным носовым платком и завершил:

– ООН насчитало сегодня три тысячи погибших в конфликте. Это насмешка над истиной. Реальные потери мирного населения многократно больше. Просто перестали считать. Надо посчитать по-настоящему, включая многочисленные захоронения в городах на площадках вблизи жилых домов, поближе к подвалам, в которых можно укрыться от очередного налёта. Когда подсчитают реальные потери – ужаснутся содеянному.

Особо полковник остановился на Луганском аэропорте:

– Аэропорт надо срочно блокировать. Со всех сторон должны быть выставлены расчёты ПЗРК. Сбивать самолёты надо стрельбой вдоль маршрута, по которому самолёт заходит на взлётно-посадочную полосу и днём и ночью. Сего-

дняшной ночью – особенно, поскольку сегодня ожидают самый важный транспортник ИЛ-76. Это такая махина, она столько мин и снарядов привезёт – хватит полгорода снести. –

Комбат завершил инструктаж коротко: сегодня ночью дежурить с особым бдением. Ни один военный транспортник не должен приземлиться, поскольку это будет означать смерть сотням и тысячам мирных горожан.

Сменили дежурную группу к полуночи. Чёрное небо над аэродромом было необычным. Оно притягивало. Чем ближе к взлетно-посадочной полосе, тем слабее земное притяжение, тем явственнее чувствуется, что небо втягивает тебя, отрывает от тёплой земли, в которой всегда можно найти укрытие от взрывов, всё ближе подбирающихся к залёгшей группе прикрытия. А впереди и по бокам рассредоточены главные действующие лица – бойцы с переносными зенитно-ракетными комплексами «игла». Именно им сегодня предстояло решать: жить или не жить Луганску.

Слышал, как командир стрелков-зенитчиков командовал:

— Сергей, Семён, Шамиль – бьёте на встречном курсе. Остальные двое работают на догонном. Они южнее нас на полкилометра. Стрельба по красной ракете.

Всю ночь раскатами напелзал гул двигателей, и казалось – вот оно. Но главное началось под утро, когда уже все готовились отползть под защиту мешков с песком на подходах к широкому шоссе. Гул надвигался с запада. Двигатели работали с каким-то надрывом. Даже неопытному бойцу было понятно: летит огромный самолёт с очень тяжёлым грузом. Самолёт шёл очень низко, на пределе своих возможностей, без огней. Никите подумалось:

– А ведь на такой малой высоте его трудно будет достать.

Потом в голову полезли явственные образы: на жёстких десантных скамьях, тесно прижавшись друг к другу,

сидят крепкие молодые ребята в шлемофонах и бронежилетах. Вот один из них, совсем мальчишка, с тёмно-русыми волосами, пышными чёрными бровями, карими глазами и по-девичьи румяными щеками – сколько таких ребят-красавцев в Днепропетровске... – стал истово креститься и читать «Отче наш...». Достал иконку – подарок матери, приложился к ней губами.

Сидящий рядом лейтенантик в форменной фуражке с высокой тульей, с плечами, не утратившими ещё юношеской хрупкости, расстегнул нагрудный карман и достал фотографию жены и трёхлетней дочери, завернутую в пластиковый файл. В памяти возник образ жены в пышном свадебном наряде, через долю секунды открылись узорчатые двери роддома, из которых выплыл на родных руках маленький кричащий свёрток с пронзительно родными крошечными губками. Потом радостные лица родных и близких, озаряемые светлыми бликами от вспышек фотоаппаратов, стали обрамляться чёрными траурными лентами... Посмотрел на любимых запоминаясь, вспомнил в который раз тайный эпизод семейных радостей – первой близости с любимой. Показалось, вот она улыбнулась, но как-то грустно. Так улыбаются прощаясь...

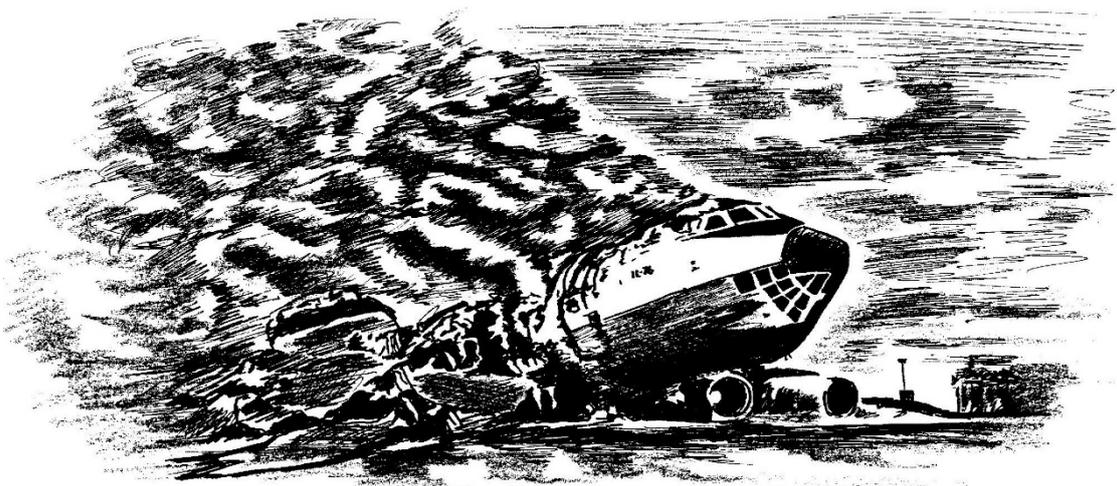
Натужный гул двигателей на секунду перекрыл негромкий хлопок и самолёт качнуло. Лейтенант успел убрать фотографию в наружный карман и застегнуть пуговицу. Самолёт качнуло ещё раз, резко и тряско потащило в сторону...

Рядом с Никитой, по его команде, прямо в ухо грохнула ракетница, бросив в небо ярко-красный плевок с дымным следом. И тут же, без паузы, с утробным шипением в небо рванулись огненные стрелы. Глаз улавливал, как, повинувшись головкам самонаведения, выбрасывая яркие искры корректирующих сопел, ракеты меняли курс, прорываясь к жертве – огромному самолёту, чей контур только проявился в небе и сразу же обозначился короткими яркими

вспышками. Это был могучий ИЛ-76, собранный ровно двадцать пять лет назад в далёком Ташкенте.

Тогда его создатели после первого взлёта на летно-испытательной станции пожелали ему сто тысяч лёгких взлётов и мягких посадок. А лётчик-испытатель, впервые поднявший его в воздух, ласково погладив широкие передние колёса и потеревшись плечом о стойку шасси, мысленно пожелал мирного, только мирного неба, пусть затянутого тучами, блистающего молниями, но мирного. И тысячи людей, вложивших в самолёт свою жизненную энергию, вероятно, содрогнулись интуитивно и неосознанно, ощутив крушение и смерть своего детища.

А самолёт падал, заваливаясь в смертельный крен, и оба пилота тянули на себя ручки управления, не осознавая, что перебитая во многих местах гидравлика уже не способна передать импульс спасения на элероны, закрылки и руль высоты. Самолёт дрожал всем огромным телом, посылая в окружающее пространство предсмертный рёв уцелевших ещё двигателей, пытающихся последним усилием форсажа спасти себя от падения.

С земли падение гиганта смотрелось как вселенская катастрофа. Огромный корпус явственно корёжился и содрогался. Вот один из пилонов двигателя, в который влетела зенитная ракета, оторвался и горящим факелом врезался в ставшую совсем близкой землю. Следом и вся машина

ударилась о бетон, выбрасывая высоко в небо тысячи искр и всплесков огня. Ополченцы, повинаясь инстинкту спасателя, бросились к месту падения гиганта. Комвзвода, матерясь и крича осипшим голосом «Стой!», стал стрелять из ракетницы над головами бегущих к самолёту людей. Ополченцы остановились не сразу. Увидели, как на аэродроме засуетились военные, раздались крики, команды. Десятки автомобилей с включенными фарами рванулись к месту крушения.

Никита поднял голову и явственно увидел зависшую над аэропортом чёрную воронку, стремительно и яростно втягивающую в себя светлые точки и блики из огромного костра, выстреливающего в чёрное пространство горящие осколки, бывшие минуту назад живым творением человеческого гения.

Ополченцы поняли – это победа. Очередная крупная победа. Сбитый гигант означает спасение от артиллерийских снарядов тысяч женщин и детей. Но радости от победы не было. Никто не торжествовал, друг друга не поздравляли.

А грозные снаряды и мины, чьим предназначением было уничтожение непокорных горожан, рвались сейчас в огне, не оставляя шансов живым ещё десанникам выбраться из ада горящего алюминия.

Ещё один смертельный эпизод войны состоялся...

ЕЩЁ ОДНО ЛИЦО ВОЙНЫ

Через три дня, узнав о жертвенном штурме и взятии ополченцами аэропорта, Никита решил осмотреть место крушения сбитого гиганта. Он отправился туда на стареньком мотоцикле с коляской, в сопровождении Филимоныча.

Какие-то силы притягивали комвзвода к погибшему аэропорту. Словно он получил установку свыше – вывести

формулу войны и жизни на войне. Эта формула была важна не для холодного аналитического осмысления поведения людей в военных условиях. Скорее наоборот, ему приходилось погружаться в глубину происходящего, чтобы понять, может ли человек на войне добиться возвышения Духа, сможет ли перебороть внутри себя ненависть, жажду мщения, чтобы искоренить мотивы войны и её последствия, возможно ли примирение мыслей и мотивов противоборствующих сторон.

Из головы не уходили образы погибших украинских десантников, сгоревших в сбитом гигантском самолёте. Все они знали, что везут с собой десятки тонн мин, снарядов, которые должны были ударить по жилым районам, разрушить сотни домов, смешать в одну массу разбитый кирпич, стекло, детские игрушки и человеческую плоть. Почему никто из них не отказался от участия в этой войне? Были ли они готовы наводить прицелы на жилые пятиэтажки, в которых тысячи мирных людей вовсе не готовились к жестоким сражениям?

Филимоныч резко выруливал, энергично объезжая воронки от мин и снарядов, хлопал широкой ладонью по бензобаку мотоцикла и приговаривал: «В Советском Союзе всё делали надёжно, на века». Он не пытался разглаживать спускавшиеся вниз седые усы, упорно отгонял от себя дурные мысли, предвидя апокалипсические картины разрушений. Ему, старому вояке, привычному к виду войны и смертей, никак не хотелось видеть страшные лики войны на своей Родине, в родном Ворошиловграде, где он родился и вырос, где родились его дети, которых он, слава Богу, успел переправить с внуками в Россию.

Филимоныча хорошо знали ополченцы, стоявшие в оцеплении, пропустили без лишних вопросов и посоветовали:

– Свою чудо-технику лучше оставьте метров через сто. Дальше вся дорога в осколках, а они – как бритва, все колёса порежут. А дальше метров пятьсот пешком пройдёте.

Все пятьсот метров они прошли молча, успевая лишь вглядываться в дорогу, усыпанную осколками и неразорвавшимися минами. Ближе к оставшимся и перекошенным скелетам зданий аэропорта Никита стал замечать малиново-коричневые лужицы. Здесь пали ополченцы, шедшие в первых рядах. Мало кому удалось выжить, поскольку эвакуировать раненых отсюда под шквальным огнём, было невозможно.

Дело решили опытные артиллеристы и бойцы, прошедшие Афганистан. После ударов «градами» на узком участке, собрали свыше полусотни разных миномётов. Стреляли беглым огнём, приближая огневой вал к строениям, точнее к тому, что от них осталось. Обороняющиеся не могли даже поднять головы под градом осколков. Оставшиеся в живых сдались, несмотря на численное превосходство.

– Филимоныч, мне надо попасть на место, где сбитый транспортник сгорел. Это южнее, километрах в пяти.

Никита отвернулся от развалин, в которых непроизвольным взглядом уловил скрюченную человеческую руку, торчащую из горки битого кирпича.

– Ты прав, дальше опасно – тут мины на каждом шагу, растяжки. Лучше задним ходом отсюда рвануть, да побыстрее. Сапёрам здесь ещё пахать и пахать. Здесь сейчас настоящее отделение городского морга: только наших «двухсотых» убрали, а украинских покойников ещё и сосчитали, много их здесь...

На место крушения транспортника добрались быстро. Главным ориентиром места крушения стал визг полудюжины болгарок и рокот нескольких бензиновых генераторов. За километр до места падения самолёта Никита достал би-

нокль. В тряской мотоциклетной коляске трудно было что-либо разглядеть. Просматривались лишь десятка три фигурок, копошащихся на обломках. Остановились метрах в ста от места катастрофы. Картина, которая открылась перед ними, настолько потрясла Никиту, что он замер и неловко присел на облупленное крыло мотоциклетной коляски. Перед ним – жестокий лик войны, вернее – страшный оскал.

По всему корпусу фюзеляжа, по обгоревшим останкам самолёта суетливо лазили десятка три людей с болгарками, огромными ножницами по металлу, газовыми резаками. Чуть в стороне ритмично постукивали небольшие бензиновые генераторы. Все эти люди перемещались вокруг обломков хаотично, толкая друг друга и матерно ругаясь. Хвостовое оперение уже было распилено и увезено. Труднее было с фюзеляжем. Несколько крепких парней, закрепившись веревками на ободах шпангоута, верещали небольшими болгарками, распиливая многочисленные стрингеры. Рядом урчали старенькие грузовички, на которые спешно грузили могучие дырчатые лонжероны, обшивку. Отдельно укладывали титановые полосы, их приминали тяжёлые гусеницы бронированных машин.

Филимоныч укорительно пояснил:

– Ты не смотри волком, не осуждай их. У каждого из них семья, дети, их ведь надо накормить. Сейчас они повезут весь этот алюминиевый металлолом на украинскую сторону. В Краматорске за них такую деньжищу дадут – на пару месяцев продовольствия можно будет закупить... Вот среди них вижу ребят, которые в штурме участвовали. А за это ведь денег не платили...

Комвзвода отвернулся. Это была другая ипостась войны, он не имел права осуждать этих людей.

Его внимание привлекла другая группа – с десятков пленных украинских ВСУ и охрана из батальона «Призрак». Это была похоронная команда. Пленные солдаты –

все молоденькие, едва шагнувшие из подросткового возраста во взрослую жизнь, с обритыми головами и тощими цыплячьими шеями, собирали останки погибших украинских десантников. Сгоревший корпус самолёта они уже очистили, теперь собирали всё, что можно было ещё собрать вокруг сгоревших корпусных деталей. Вот один из пленных шагнул в сторону и стал дёргаться всем телом. Тошнило его долго и мучительно. Остальные молча, не поднимая глаз, продолжали свою работу, волоча за собой мешки из плотной белой ткани, пропитанные огромными багровыми пятнами. Фрагменты тел лежали порою на расстоянии более тридцати метров. Там со своими приборами уже суетились сапёры, собирая разбросанные мины и снаряды, благо все они были без взрывателей.

Совсем рядом зарычал могучий дизельный двигатель. На самый большой грузовик с мощным подъёмником загружали лобастый увесистый двигатель – чудо авиационной техники. Одни лопадки могучей турбины стоили на вес в несколько раз дороже золота. Скоро двигатель разберут, извлекая дорогие узлы и детали. Всё будет оценено по рыночно-воровским стандартам и, в конечном итоге сдано разворотливым барыгам из окружения нынешнего украинского президента. Те извлекут из перепродажи десятикратную выгоду. Таковы законы этой вороватой, построенной на крови страны. И это тоже лик войны – циничный и безжалостный.

СЕРЁЖА ЯКИМЕНКО

Организм Никиты восстанавливался медленно и капризно. Впервые за последние недели проснулось ощущение вкуса пищи. Вечерами хотелось есть. Вместе с ощущением тела по ночам стали приходить новые образы. В памя-

ти возникал из ниоткуда образ фронтового друга, Сергея Якименко. Вот он гордо, свысока, несмотря на то, что сам маленького роста, нарочито высокопарным тоном, словно декларируя звучный стих, говорит:

– Наша «Заря» пришла с Востока, с России-матушки, и наш новый свет озарит весь мир!

Он, его близкий товарищ, был забавным и серьёзным одновременно, вещая чуть высокомерно и производя впечатление на всех окружающих. У него всегда всё было самое-самое, самое лучшее, самое крепкое, самое красивое. И в то же время его высокопарность мгновенно улетучивалась, когда нужно было кому-то помочь, поддержать, отбросив все дела, не задумываясь о выгоде и собственных проблемах.

Серёжа Якименко родился и вырос в Одессе, в семье, как он сам любил подчёркивать, пролетариев. Отец, Иван Якименко, сварщик судоремонтного завода, любил маленького Серёжку беззаветно. Мать, Татьяна, сынишку боготворила. Он был поздним ребёнком, в день его рождения ей исполнилось 40 лет.

Пришли девяностые – и всё пролетарское в стране рухнуло, Татьяна превратилась в уличную торговку-лавочника – противника пролетариата. Отец стал гастарбайтером. Так безоблачное детство сменилось рыночными реформами, остановкой судоремонтного завода. Огромная масса безработных с многочисленных одесских заводов и фабрик заполонила город митингами и протестными шествиями. Эти протесты довольно быстро прекратились, поскольку в советской Одессе долго и серьёзно воспитывали законопослушание. Протестующие ускоренными темпами постигали азы рыночной экономики, среди которых главное – умей быстро приспособливаться и выживать любой ценой. Протестные настроения как-то быстро и незаметно поубавились. Кто-то отправился на заработки в Москву,

кто-то подальше – на Дальний Восток, где рыбацкие сейнеры всё ещё вырабатывали советский ресурс и кормили сезонные артели. Самостийная Украина особо не беспокоилась о своих гражданах, предпочитая заниматься вопросами обукраинивания населения, переписыванием истории и декоммунизацией. Семье Якименко пришлось туго. Отец, как и тысячи других одесситов, подался в Москву на заработки. Мать устроилась продавцом на продовольственный рынок. Маленький Серёжа оказался предоставленным в основном самому себе. Бабушка Наталья Васильевна – мама отца, болела ревматизмом в осложнённой форме. Денег на лекарства не было, и она основное своё время проводила в постели, кутая опухшие ноги в старенькие шерстяные платки. Серёжа ухаживал за ней, научился сам готовить борщ, ставший его любимым блюдом. Главным его занятием стало чтение вслух книг бабушке, которая слушала его с благоговением, многократно благодарила и, вытирая набегавшие слёзы, называла сыночком. А читал Серёжа «Овода» Этель Лилиан Войнич, «Одиссею капитана Блада» Рафаэля Сабатини. Больше всего его воображение потрясли книги Ивана Ефремова «На краю Ойкумены», «Путешествие Баурджеда». У бабушки было два огромных книжных шкафа, оставшиеся от рано ушедшего из жизни дедушки – большого книголюба, архивариуса по профессии. Благодаря этому подарку судьбы двенадцатилетний Серёжа начал открывать для себя удивительный мир. Он читал вслух бабушке, потом начал брать книги домой и долгими осенними и зимними вечерами при слабенькой настольной лампе читал, читал, читал...

Мать приходила с рынка поздно и, заставляя сына за чтением, не могла нарадоваться. В те годы одесская шпана давала прикурить и местной полиции и взрослым. Весь город был поделен на сектора, в которых властвовали местные молодые криминальные авторитеты, и мать очень

боялась, что Серёжка попадёт в одну из уличных банд, как многие его сверстники. Этого не случилось. Сын стал материнской радостью и гордостью в том мрачном, неприятном мире, который сложился для одесского простого люда.

Но проблема пришла с другой стороны. Однажды мать заметила, что Серёжку немного «перекосило», он стал как-то горбиться, сутулиться с уклоном на левую сторону. По росту мальчик стал сильно отставать от сверстников. Врачи определили: сколиоз. Мать потихоньку плакала ночами. В одну из ночей Серёжа встал, погладил её поседевшие на висках волосы и успокоил:

– Мам, ты должна понять, что у меня есть внутри такая сила, – Серёжа приложил ладонь к груди, – что я всё перешибу, я научусь как вылечиться и вылечусь. Клянусь тебе!

Впервые мать увидела в его глазах такую мужскую решимость, что поняла – он вылечится. В ту ночь она уснула спокойно. Так у Серёжи проснулось и стало расти день ото дня удивительное чувство справедливости, сопереживания, чувство сыновнего долга.

Через пару дней Серёжа ошарашил мать – принёс домой из библиотеки написанные собственной рукой тексты, ксерокопии из анатомического атласа, рисунки и схемы гимнастических упражнений. Водрузил всё это на обеденный стол, провозгласил:

– У меня юношеский сколиоз. Почти 20% детей им болеют. Но если лечить квалифицированно, то вполне можно обойтись без операции. Уже на следующий день рядом с дверным проёмом в коридоре он установил турник, вечером торжественно продемонстрировал маме ряд упражнений на турнике и лежа на полу. Через пару месяцев болезнь начала постепенно отступать. Но рос он всё равно медленно, отставал от сверстников, что несколько его не огорчало, поскольку он давно для себя усвоил: первичен Дух, а тело вторично, оно подчиняется Духу.

С болезнью он полностью справился, когда заканчивал второй курс Одесского политеха. Институт к тому времени практически полностью перешёл на платное обучение. Так что родителям пришлось зарабатывать деньги на его учение. Сам он тоже старался подработать то разносчиком почтовых отправлений, то официантом в придорожном кафе. Привык не жаловаться и не кланчить помощи. Много читал. Полюбил фантастику, причём фантастику прошлого века, как он говорил «истинную», обожал Айзека Азимова, Клиффорда Саймака. Где-то глубоко внутри начало вызревать непреодолимое желание хоть немного изменить этот несправедливый, несносный мир.

Болезнь Серёжи была лишь предтечей горестей семьи Якименко. Его мама уже с полгода не могла избавиться от назойливого кашля. Так кашляли и болели многие женщины на рынке. Ведь им приходилось целые дни, зачастую холодные, промозглые стоять на улице. Зарплата при этом была нищенская, но другой работы не было. И не было выбора между здоровьем и возможностью жить, хотя бы еле перебиваясь. Приходилось стоять на рынке, чтобы прокормить детей, престарелых родителей. В один из осенних вечеров Татьяна пришла домой с застывшими глазами. Молча, не поужинав, легла в постель. На вопрос Серёжи ответила:

– Заболела я, сынок. Врачи сделали рентген и сказали – в лёгких у меня опухоль и надо срочно операцию делать. Звони-ка, сынок, папе в Москву.

Отец к тому времени, после каторжной работы на одной из московских строительных фирм, переквалифицировался на водителя троллейбуса и стал чуть больше зарабатывать. Жил в общежитии. Экономя каждую копейку, отсылал деньги семье, в Одессу. Занял денег у друзей и приехал в Одессу немедленно. Жена уже была в больнице – её готовили к операции. Подошёл конец апреля 2014 года.

Встретив отца, он уже не мог оставить его в одиночестве. В тесном больничном коридоре они вспоминали о дружной семейной жизни, о тёплых вечерних посиделках, когда маленький Серёжка рассказывал замороженным родителям про замечательных героев, таинственном этруске и мечтательном эллине.

Сергей, к тому времени ставший одним застрельщиков «Куликова поля», нервно набирал по сотовому телефону друзей, вышедших на последний бой с приехавшими в город нацистами, слышал в микрофоне разрывы гранат и оглушительную стрельбу из охотничьих обрезов. Он разрывался между больницей, в которой лежала прооперированная мать, и мысленно переносился в толпу защитников «Куликова поля»... Его лучший друг Сергей Долженков, руководитель «Одесской дружины» рисковал смертельно. Он знал: в Одессу со всех сторон стекаются силы бандеровцев, что зловещий фашист Парубий завёз в город несколько машин с огнестрельным оружием и раздал указания о физическом истреблении протестующих. Серёжа до последнего был около матери, которая скончалась поздним вечером второго мая, когда более полусотни тел его погибших товарищей догорали в одесском Доме профсоюзов. Погиб искренне уважаемый им депутат областного совета Вячеслав Маркин. Маятник судьбы качнулся далеко в сторону, безжалостно унёс в бесконечную пустоту близких людей. Вместе с ними канули в вечность мечты о справедливом мироустройстве, мечты о собственном кирпичике, вложенном в новое стройное мироздание, о котором мечталось. Осталось одно – с оружием в руках отстаивать право на справедливость.

4 мая, в ночь на воскресенье, Сергей стал одним из организаторов нападения на одесский ИВС, где содержались его друзья. Это был его план: заблокировать здание МВД в центре города, прорваться во внутренний двор, разбить

массивные стекла. Ему и его команде удалось освободить 30 человек. Сергей был в восторге от этого успеха. Ранним утром следующего дня он собрал всех оставшихся в живых единомышленников. Рассказал им о болезни и смерти матери, о том, как разрывался на части, как жестоко переживал гибель лучших товарищей в проклятом Доме профсоюзов.

В предрассветных сумерках они подошли к месту гибели друзей. Завершил свое покаяние так:

– Я теперь должник перед теми, кто здесь сгорел заживо. Мы все должники... Наша общая беда – мы не смогли представить себе, что всё превратится в настоящую войну. А должны были! Пришло время мыслить другими категориями, как стратегически решают на настоящей войне. Мы – слепцы, строили все наши планы на гуманизме, на любви к ближнему, а на той стороне тем временем придумывали каким оружием убивать – дубинками, охотничьими ружьями, самодельными гранатами, или как запугивать убийствами, угрозой смерти, планировали нас истребить так, как советовал в своей книге «Майн кампф» Адольф Гитлер. Их учили легионеры Ваффен СС и потомки тех нацистских преступников, которые спалили живьем людей в Хатыни и тысячах других сёл. Мы мечтали о том, как их убедить, как избежать насилия. А в это самое время они думали над тем, как добыть настоящее оружие, научить своих сторонников убивать, чтобы они почувствовали запах человеческой крови как запах победы. Вот поэтому они нас и победили. Теперь наша задача не только рассказать и показать всем их истинное лицо: кто они, как они убивают, жгут, пытаются. Нам надо подготовиться к настоящей войне. Без этого все мы превратимся в безвольное стадо животных, которое ведут на бойню.

На следующий день Сергей заметил за собой слезку и понял что «засветился». Лихорадочно искал способы

освобождения лидера «Куликова поля» Сергея Долженкова и попал на заметку СБУ. К ночи стало очевидно, что время упущено, каратели идут по его следам. На сборы ушло несколько минут. Заехал к другу на Дерибасовскую, занял у него немного денег, взял тёплую ветровку с капюшоном и сел на попутную фуру до Мариуполя. Уже перед переходом границы позвонил отцу, извинился и попрощался:

– Прости, папа, по-другому не могу. Я тебя очень-очень люблю. Мы ведь с тобой вдвоём остались на белом свете. Поэтому обещаю тебе остаться в живых и найти тебя в Москве по тому старому адресу, что ты мне оставил. Обнимаю...

Сергей недолго воевал вместе с Никитой в батальоне «Заря». Потом, попав в разведроту, с головой ушёл в новую боевую работу, став успешным организатором диверсион-

но-разведывательных рейдов, часто бывал на вражеских территориях, собирал разведанные в Краматорске, Старобельске, опорных военных узлах противника в глубине некогда родных, ставших теперь вражескими, территорий.

БЛОКПОСТЫ

К осени стало ясно: блицкриг у украинских ВСУ и националистов не получился. Война всё больше принимала позиционный характер. Теперь всё определяли блокпосты. Они перекрывали большие и малые дороги. Вокруг них создавались узлы, опорные укрепрайоны, которые и обозначили линию фронта.

Руководство ополченцев столкнулось с острейшей проблемой – нехваткой профессиональных кадров, грамотных командиров ротного звена. Когда комбриг узнал, что Никита окончил Саратовский политех и хорошо показал себя в боях под Хрящеватым, решил назначить его командиром блокпоста на Кировском направлении. На сборы дали 30 минут. Собирать собственно было нечего. Автомат и пять снаряженных рожков к нему, бронежилет, гранаты, взрыватели, котелок и бритвенный прибор – вот и весь, выражаясь Серёжкиным языком, «джентльменский» набор.

Повезли его на новое место на комбриговской машине – стареньком джипе с простреленным лобовым стеклом. Для Никиты каждое передвижение по Донбассу – словно интересная экскурсия в другой мир. Благо день выдался ясный солнечный, да и артиллерия противника сегодня «отдыхала». Только в северном направлении гулко, басовито грохотали тяжёлые орудия. Здесь в Донбассе и в самом деле многое было совсем не так, как в родной Саратовской области. По Заволжью, например, можно было проехать десятки километров и не встретить ни одного села. Здесь же,

едва выехали из Луганска, по обеим сторонам дороги двумя рядами пошли жилые постройки – небольшие, любовно обустроенные дома с палисадниками, ухоженными садиками. Сейчас многие из них были разбиты прямыми попаданиями и покинуты. Всего несколько километров езды по разбитому минами асфальту – и поворот направо Михайловка – Алчевск. Городские застройки один в один повторяют архитектуру Саратова. Серые, кажется слегка подкопченные пятиэтажки. За ними нестройной толпой – блочные девятиэтажки. По торцам зданий стыки между плитами густо промазаны жирными полосами битума. Ещё немного по шоссе – и въезжаешь в Брянку, сразу следом – Стаханов. А за ним – Кировск. Всё застроено плотно, каждый квадратный метр земли на учёте. Когда-то здесь кипела жизнь, тысячи людей спешили на работу. Дымили коксохимические заводы. От шахт шли составы с первоклассным донбасским углем, вереницей дымили грузовики, увозя в отвалы тысячи тонн породы, отделённой от угля. В пейзаж то тут, то там врезались высоченные своеобразные пирамиды из отвальных пород.

Кое-где веером налетали снаряды от «градов», выбрасывали ослепительно белые всплески запрещённого фосфора. Несколько раз всего неделю назад земля вздрагивала от ударов баллистических ракет «точка-У». Теперь всё замерло в ожидании подлёта снарядов и мин. Казалось, неустойчивое равновесие вот-вот взорвётся пришествием апокалипсиса и по городам и посёлкам поползут колонны танков, а за ним следом толпы нацистов из батальонов Айдар, Азов, Винница, Тернополь, которые готовы выполнить приказ о зачистке региона и стереть с лица земли непокорное население.

Блокпост ополченцев размещался на стратегически важном направлении. Отсюда дорога уходила через Стаханов и Алчевск прямо на Луганск. Сорок минут неспешной

езды... У Михайловки, если ехать направо, то попадёшь в Дебальцево, в гигантскую мясорубку, где уже завязалось кровавое сражение за право жить на этой земле. Сотни артиллерийских орудий разных калибров разносят в щепки всё, что веками строили для своих семей люди, надеясь передать дома своим детям, внукам, правнукам.

У Михайловки, на этом мрачном, неприятном месте спустя год погиб легендарный комбриг Алексей Мозговой – герой сопротивления, бард, поэт и кумир местной молодёжи.

Блокпост на окраине Кировска, ответственным за который стал Никита, строился ополченцами на скорую руку. Надеясь перекрыть дорогу лавине вражеской бронетехники, поставили поперёк дорожного полотна два стареньких КамАЗа с полуприцепами. Между ними наскоро бросили с десятков бетонных блоков. Вдоль обочины с обеих сторон вырыли щели: узкие траншеи глубиной в полтора метра, перекрыли их двумя слоями брёвен, насыпали двадцатисантиметровый слой земли. Такое укрытие спасёт от осколков. Может выдержать попадание 82-мм мины. Но мина калибром 120 мм, а тем более, гаубичный снаряд превратят такую щель в братскую могилу.

Длинномеры после первой же вражеской атаки сгорели. Их остовы, покрытые ядовито-оранжевой окалиной, с укором смотрели на ополченцев. Вражеские пули со звоном ударяли по ржавому металлу, издавая воющие предсмертные звуки.

На блокпосту неприятно. Всё сделано на скорую руку, со скрытым ощущением безнадёжности. Молодой парнишка с громким позывным «Кедр» так и выразился:

– Безнадёга здесь и тоска.

На него кто-то цыкнул.

Впереди, в полукилометре, виднеется краешек блокпоста 13 ВСУ. Того самого, который совсем недавно занял ба-

тальон «Азов», заменив роту украинской мехбригады. Краешек – это потому, что шоссе постепенно забирало вправо. Разрушенные вдоль дороги строения скрывали хорошо оборудованные, заставленные новенькими бетонными блоками позиции, над которыми на длинном шесте был закреплён жевто-блокидный стяг. Этот блокпост был стратегически важен, как и укрепления ополченцев на этом рубеже, причём обустроен он был намного лучше.

Новоявленному командиру укрепрайона, как его назвал комбриг, дали солидное по тем временам пополнение. Теперь под его началом было 39 человек. Вечером, когда начало смеркаться, Никита выстроил их и провёл сверку. 39 пар глаз смотрели на него с интересом и надеждой, что под его командованием у них будет неплохой шанс выжить и победить.

За спинами каждого – «калашниковы», у многих стволы от затвора до мушек истёрты до светло-серого матового блеска. У троих старенькие карабины СКС. Придётся думать, где найти им замену. А впрочем, в его рюкзаке парочка старых снайперских прицелов. Они как раз подойдут к этим много повидавшим, тяжёлым, но безотказным в бою карабинам.

А ещё, в стороне от выстроившихся, по флангам обороны, в лесопосадках – два крупнокалиберных «Утёса» и два трофейных ДШК.

Никита не стал произносить зажигательных речей. Просто рассказал о том, что пережили женщины Новосветловки и Хрящеватое во время боёв. Рассказал о зачистках батальонов нацистов, повторявших зверства зондеркоманд времён Великой Отечественной войны. Ведь в ту войну большинство зондеркоманд состояли как раз из членов Украинской повстанческой армии, нацистов дивизии «Галичина». Потом предупредил: начиная с завтрашнего дня они будут круглосуточно строить свой укрепрайон, обу-

страивать блиндажи и укрытия, способные выдержать снаряды и мины.

К утру у него был готов план оборудования блокпоста и подходов к нему. Главный его помощник, Григорий Филимонович Пилипенко, или просто Филимоныч, ветеран Афганской войны, был единственным кадровым военным в его взводе. Казалось, он знал всё самое нужное в военном деле: от разборки-сборки автоматов до тонкостей стрельбы из противотанковых гранатомётов. Филимоныч, по договорённости с комвзвода, ушёл в Кировск в предутренней мгле. Вернулся через пару часов с кирками, лопатами, пилами. Вместе с ним пришли четверо пожилых мужчин, чью профессиональную принадлежность выдавала крепко въевшаяся в кожу ладоней угольная пыль. А ещё через пару часов подоспел грузовичок с брёвнами и обрезной доской.

Работа закипела. Хорошо, что Филимоныч прозорливо завёз тридцать пар рабочих перчаток. К концу дня было готово три укрытия, способных защитить тридцать бойцов от снарядов и мин, наполовину выкопаны котлованы под блиндажи. Огневые точки повсеместно обложили двумя рядами мешков с плотно утрамбованной землёй. Ещё один немаловажный объект – туалеты расположили в удалённом участке лесополосы. Слева блокпоста установили умывальники, изготовленные из оцинкованных вёдер с вмонтированными кранами.

Ополченец-нытик с громким позывным «Кедр» после сытного ужина влез на крепко сколоченные нары:

– А ведь хорошо живём, пацаны!

К вечеру на блокпост прибыл Серёжка Якименко, о переводе которого Никита настоятельно просил лично комбрига. Вот теперь комвзвода почувствовал себя счастливым человеком, получившим редкий на войне шанс – возможность воевать рядом с самым надёжным на свете челове-

ком, чувствовать себя защищённым от ударов в спину, от предательств и подлых случайностей.

С приходом на блокпост № 13 нацистов обстановка стала стремительно меняться. Враг подтянул танки и артиллерию. Прибавились вражеские беспилотники. Разведка доложила, что на той стороне появились иностранные советники и специалисты, поднаторевшие в искусстве убивать. Комвзвода не дал вовремя команду сбивать беспилотники. Всего через 10-15 минут после появления этих летательных аппаратов и, казалось, вполне мирного облёта их позиций, начался смертельный по своим результатам артналёт. По позициям укрепрайона начала слаженно бить тяжёлая артиллерия 122-го и 152-го калибров. Веером ложились тяжёлые 120-мм мины.

Не успел закончиться артналёт, как выползли танки и разбили в крошку массивные передние бетонные блоки его обороны. Не растерялся один Филимоныч – прыгнув в ячейку, он ударил короткими злыми очередями крупнокалиберного пулемёта по нависшими над ним летающим убийцам. Спустя минуту один из них взорвался в воздухе, разлетевшись на огненные шарики. Второй с резким снижением ушёл на запад. Спустя полчаса за спинами ополченцев начался ответный огонь. Над вражескими позициями встали фонтаны мощных взрывов. Но скоро боезапас артиллеристов иссяк. Это сразу почувствовали артиллеристы ВСУ, и опять огненный шквал накрыл позиции ополченцев.

На второй день артиллерийского избиения, когда увезли убитых и раненых, группа его бойцов из числа пополнения провела тайную ночную сходку в лесопосадках. Перед рассветом, лязгая затворами, сложили горкой свои автоматы за одним из уцелевших бетонных блоков. Один из дезертиров, Борис Фомин, опасно озираясь и покашливая, высказался:

– Извини, командир, мы сюда воевать шли, а не умирать под минами и снарядами. У нас семьи, дети. Мы под это не подписывались. Прощайте...

Никита отвернулся. Решил не страшать их расстрелом, не упрекать, не грозиться. Сказал только вслед громко и чётко:

– До гробовой доски помнить будете о своей трусости!
Посчитал оставшихся – всего 12 человек. Убитых и раненых – 13. Дезертиров – 14.

То был, быть может, самый тяжёлый в его жизни день. Что скажет комбригу? Как он ответит той женщине, что молилась и целовала ему руки?

Словно в насмешку, на нацистском блокпосту 13 выставили динамики и заиграла бравурная музыка. Потом стали проигрывать украинский гимн... Это действие вкупе с демонстративным прогоном нескольких украинских Т-64 породило уж совсем траурное настроение среди новобранцев. А их среди подчинённых Никиты было более половины.

Оставшиеся 12 бойцов смотрели на него хмуро и в то же время спокойно и решительно.

Комвзвода знал: эти двенадцать не очень верят в то, что смогут отстоять их блокпост, ставший главной в жизни позицией, не верят в то, что смогут выжить. Но каждый из них знал и впитал это знание в свою кровь – если он покинет свой пост, то весь его мир рухнет, уйдёт в небытие вместе со всеми, кого любил, вместе с тем, что любил, ценил, принимал своим в этом мире. И тогда твой мир свернётся, затрещит как пустая яичная скорлупа с девственной белизной пустоты внутри и превратится в маленькую скорбную кучку осколков.

Первым к нему подошёл Филимоныч, 55-летний прапорщик, единственный профессиональный военный во взводе. Затянулся глубоко остатками сигареты и сказал, решительным выдохом выдавив дымное облачко:

– А может оно и лучше, что они ушли. Хуже было бы, если б они побежали во время боя. Это было бы ай-яй, катастрофа! А теперь посмотри кто остался! С ними выстоим, не боись!

Следом каждый из оставшихся бойцов подошёл к Никите, пожимая руку, заглядывая в глаза.

Никита посмотрел на развевающийся украинский флаг, рядом с которым тяжело покачивался на ветру флаг «Азова». Старался изгнать втягивающее чёрной воронкой ощущение тоски. Ощущение знакомо переходило в тупую ноющую боль в спине, там, где ещё сочились сукровицей рваные шрамы от острых как бритва осколков «Василька», коварной мины, взорвавшейся над ним пару месяцев назад.

Серёжка Якименко стоял рядом, смотрел невидящим взглядом на вражеский блокпост. В какой-то момент яростно заскрипел зубами:

– Клянусь тебе, комвзвода, я эти флаги зубами порву, долго они там висеть не будут!

Сжимая кулаки от ярости, отпросился у Никиты на полдня «за подмогой». Вернулся он поздней ночью на древнем, оглушительно чихающем мотоцикле ИЖ-Юпитер-2 с коляской, на котором топорщились неловко закреплённые ящики и металлические конструкции. Мотоциклом управлял угрюмый старик в красноверхой кубанке, с прокуренными до желтизны усами, уныло свисающими к подбородку. Никита принялся подсвечивать фонариком, а вислоусый и Серёжка стали развязывать многочисленные верёвки и сгружать на обочину металлические трубы, треноги, трухлявые ящики зелёного цвета. Металлоконструкции оказались самодельными 82-мм миномётами. В увесистых ящиках были уложены мины. Серёжка отколупнул одну из досок, и в неровном свете фонарика матово высветились внушительные мины с шестипёрыми стабилизаторами.

Вислоусый по-хозяйски бросил: «Дай-ка», и забрал у Никиты новенький фонарь, заслонил форменной фуражкой западную сторону и отправился в сторону от шоссе. Скоро зашуршали его шаги в лесопосадках. Через пятнадцать минут он вернулся и также молча взял одну из миномётных самодельных труб. Пройдя несколько шагов, проворчал:

– Чё стоим? Давайте-ка тащите всё наше барахло за мной.

Никита сквозь зубы процедил:

– Не надо здесь командовать, дядя.

Но подхватил второй ствол и опорную плиту. Серёжка ухватил один из ящиков с минами.

В ту же секунду Никита охнул и выругался. Грубо выполненная конструкция изобиловала острыми кромками, которые сварщик не удосужился зачистить. Из порезанных пальцев побежала тёплая кровь.

Серёжка извиняющимся тоном забубнил:

– Это ж я виноват, похватал всё горячим прямо из-под рук. Сказал, что нам всё срочно надо. Так что люди, уже уставшие после смены, варили-клепали. Зачистить не успели.

Обозлённый Никита молча прижал ватным тампоном рану и потащил миномёт на позицию, выбранную вислоусым.

При свете фонарика выровняли площадку, выправили валик земли. Тем временем миномётчик разметил место, где предстояло выкопать небольшие окопы для боеприпасов и для «сохранения личного состава». Подошли с лопатами четверо ополченцев, зевающих от недосыпа, и нехотя принялись копать заскорузлую землю.

Работу заканчивали на рассвете. Вислоусый сбросил коричневую кожаную куртку, под которой оказалась застиранная афганка.

– Ну ты даёшь, Васильич, – прошептал Серёжка, упервшись взглядом в грудь вислоусого. Никита стоял со спины, ему пришлось его обойти, чтобы взглянуть на грудь. Солнечный лучик в этот момент блеснул на эмали двух орденов Красной Звезды, медали «За отвагу». Васильич небрежным жестом указал на ордена:

– Этот за Кандагар, а вот этот за Панджшер. – Потом добавил – Мне, чтобы прицелиться, нужно на дерево влезть или на холмик какой. – Молча взял бинокль, висевший на груди Никиты и отправился к небольшому холмику, возвышавшемуся метрах в тридцати справа.

Только сейчас Сергей удосужился представить сурового старика. Он оказался подполковником запаса Наливайко Петром Васильевичем, т.е. Васильичем – правой рукой комбата, отвечавшим за военную подготовку новобранцев, за поставки миномётов, гранатомётов, боеприпасов на позиции. Его комбат направлял в самые опасные места, где

люди держались из последних сил, где враг мог вот-вот прорвать редяющие ряды обороняющихся.

Вернувшись к миномётам, Васильич покрутил винты примитивных прицельных приспособлений, утопил поглубже в землю раздвоенные передние упоры, провёл за чем-то указательным пальцем по ободкам вздёрнутых в небо стволов. В эту секунду мощные динамики, взвизгнув, начали выдавать первые аккорды гимна Украины.

Васильич взял в руки трёхкилограммовое тельце мины, приложился вислыми усами сбоку, что-то прошептал и жестом приказал всем присесть и закрыть уши. Никита едва успел опуститься на корточки, опереться на левую коленку и приложить ладони к ушам.

Удар кувалдой по железному листу прямо под ухом – вот что такое миномётный выстрел для непривычного бойца. Никита принялся ковырять пальцем в ухе, надеясь отковырнуть застывшую пробку.

А Васильич уже трусцой бежал к земляному холмику. Там он на минуту приложился к биноклю, отследил облачко разрыва, и также бегом вернулся к миномётам. Крутнул винты, что-то шепнул очередной мине и – опять удар кувалдой по железу. В этот раз Никита побежал к холмику следом на Васильичем. Тот вновь на секунду приложился к биноклю и бегом вернулся к позициям.

Подкрутил прицелы обоих миномётов и стал поочередно забрасывать мины в чёрные жерла.

Никита видел в бинокль как разрыв очередной мины выбросил высоко в небо ошмётки одной из звуковых колонок, как вверх взлетели какие-то тряпки, осколки трубы. А следом лопнул, словно взорвался, высокий шест с развивающимся жовто-блакитным флагом. Через пару секунд повис набок и загорелся фирменный флаг «Азова» со свастикой посередине.

Через несколько часов, когда запас мин начал иссякать, на передовую подвезли ещё два самодельных миномёта и около пятисот мин. Комвзвода приказал немедленно ввести их в дело. Васильич расположил их сразу за небольшим холмиком метрах в ста позади основных позиций, сам провёл пристрелку, обучил команду из новобранцев, молча подкручивал прицельные приспособления. Потом только носился между двумя импровизированными батареями, жёсткими что-то показывая оглохшим расчётам.

Через пару часов одна из батарей замолчала, Никита короткими перебежками помчался к ней. На боевой позиции увидел расщеплённый миномётный ствол и небольшую кучку обломков. Левая нога наткнулась на грудку искорёженного металла. Это был развороченный миномёт-самоделка. Такие миномёты были в изобилии изготовлены в Луганске и неплохо показали себя в боях. Поворошив ногой разбитый взрывом металл, Никита сразу понял в чём дело и восстановил картину последних минут боя. Оглушённые частыми разрывами миномётчики расстреливали остатки боезапаса, изгоняя страх смерти бодрыми, хлесткими ударами выстреливающих мин. Заряжающий оглох от разрывов вражеских мин и снарядов. Если после первых выстрелов миномёта он низко приседал, старательно зажимал уши ладошками, то будучи контуженным, уже не обращал внимания на тугие удары пороховых газов из среза ствола. В какой-то момент рука бросила в нагретый ствол мину остриём вниз. Взрыватель глухо ударил в жало бойка. Этот удар инстинктом жизни услышал первый номер, схватил заряжающего обеими руками, оттащил на несколько метров и грузно свалил на землю.

– Слава Богу, остались живы, – подумал Никита. Ствол разорвался и направил осколки вверх и в сторону.

К ночи стрельба с обеих сторон остановилась. Облако пыли и гари над позициями стало оседать. Никита пересчи-

тал людей, вооружение и боезапас. Всего 12 человек. Чуть в сторонке, за его спиной, стоял Пётр Васильевич, пуская густые клубы дыма через свои гигантские усы. Никита построил своих солдат в нескладную, зигзагообразную линию. 12 пар глаз смотрели на него тревожно. Вместе с тревогой в каждом взгляде была надежда, словно все они надеялись не просто найти ответы на свои главные вопросы, но и получить энергию уверенности, некую гарантию исполнения своей главной на данный момент мечты – остаться в живых в предстоящем бою. Никита подумал: «Скорее всего, это поиск уверенности, надежды на то, что выживут, не станут калеками. А ещё каждый из них ищет опору, смысл их совместного нахождения здесь, на этом стратегическом блокпосту». Каждому из них хотелось, чтобы его назвали и запомнили героем, чтобы не уйти в землю безвестным, неопознанным. Как их много, павших безымянно, на этой войне!

ДВА ВАСИЛЬИЧА

Комбриг связался по радиации с Евграфовым, приказал Васильичу отправляться в штаб, в Алчевск. Никита возбуждённо рассказал о последних событиях и попросил оставить Васильича, так как без него с малой горсткой людей трудно было выстоять даже ценой собственной жизни. Рация пошипела, пошелестела пару минут, потом зазвучал голос Мозгового и, вняв просьбам комвзвода, разрешил ему остаться на участке Евграфова ещё на неделю, пообещал прислать подкрепление и помочь артиллерией. Никита этому несказанно обрадовался.

К вечеру того же дня на НП явился второй Васильич – Виктор Васильевич Максимов, шахтёр-пенсионер. Он был другом и соседом Наливайко ещё в той, другой, довоенной

жизни. Второй Васильич был полной противоположностью первого. Если первый всегда отличался командирской выправкой, подтянутостью, собранностью, то второй являл собой образ мирного добродушного пенсионера, спокойно доживающего свой век. Даже передвигался он расслабленной старческой походкой. У Васильича один – хорошо подогнанная амуниция, рационально заполненная разгрузка, АПС на боку в специальной уменьшенной кобуре и образцово выглядывший автомат Калашникова калибра 7,62 мм. Васильич номер два был вовсе без разгрузки. В руках он держал новенький автомат словно швабру. А за спиной болтался на длинном ремне гранатомёт РПГ-7. Из-за плеча выглядывали длинные заряды к нему, помещенные в нечто, подобное заплечному сидору.

Васильич номер один добродушно представил друга:

– Комзвода, принимай хорошего, надёжного вояку Виктора Васильевича. Ты не смотри, что он выглядит совсем старичком. Я сам его обучил военному делу основательно. С гранатомёта он бьет так, что любо-дорого смотреть. Да и автоматом владеет сносно. Ты знаешь, я – учитель строгий и зря хвалить не буду. Только прошу, пусть побудет поближе ко мне, пока обвыкнется...

После шквальных артобстрелов пришло какое-то странное затишье. Единственная в эти дни неприятность – объявился снайпер, бьющий из крупнокалиберной снайперской винтовки. В результате – новые потери, пуля перебила одному бойцу из новичков ключицу. Его спешно отправили в госпиталь.

Пётр Васильевич позволил себе немного расслабиться, словно предчувствуя новые масштабные бои. Вот и сегодня пробуждался после получасовой послеобеденной дремоты и с трудом возвращался к действительности. В пальцы его правой руки ткнулось что-то горячее, скользкое и показавшееся опасным. Сработал сигнал тревоги, заставивший со-

браться, сконцентрировать все внутренние силы. Это помогло. Новая реальность пришла ощущением осенней свежести в воздухе, в котором явственно ощущался кислый запах тротила от разорвавшихся в округе мин и снарядов. В ту же долю секунды Пётр очнулся и понял, что ему с самым доброжелательным видом его друг Васильич номер два вручает стакан горячего крепкого чая, настоянного на листьях смородины и цветках ромашки.

Мысленно обратился сам к себе:

– Ты чего, Васильич, вспомнил свою единственную в жизни любовь, Марию Николаевну – Машеньку? Крепко, ох крепко тебе с ней повезло...

В висках Петра, ответственного за боевую подготовку батальона «Заря», гулко вибрировала кровь. Это было громкое и в то же время устойчиво-крепкое биение сердца, надёжно служившего своему хозяину все последние месяцы тяжёлых боев под Славянском, потом в северной части Иловайского котла.

Пётр нехотя потянулся и поставил на ладонь, обмотанную свежим белоснежным бинтом, обжигающий стакан чая...

В памяти сразу же у Петра всплыли знакомые боевые характеристики разной боевой техники и вооружений, он сразу вспомнил свой боевой афганский опыт, начиная от свернутого бинтика в левом кармане и маленького флакончика спирта в правом. Он вспомнил, что в его батальоне, охранявшем ими же оборудованный аэродром в Баграме¹, более половины младших офицеров оказались в ташкентском госпитале с диагнозом гепатит. Только он и несколько офицеров, последовавших его примеру и протиравших перед едой руки и ложку спиртом, остались тянуть лямку под Баграмом.

---

¹ *Баграм — провинция в Афганистане, в которой в годы афганской войны советскими войсками был построен мощный военный аэродром*

Там, в Афганистане, Пётр Васильевич Наливайко, окончивший год назад Ташкентское высшее общевойсковое училище, из взводного быстро вырос в командира роты. Тогда ему пришлось все силы бросить на обучение молодых солдат, прибывающих в роту. Особо трудно было обучать важнейшему на войне приёму – метанию наступательной гранаты из положения «стоя». Вся закавыка состояла в том, что метавший гранату солдат-новобранец после броска должен оставаться стоять, поскольку осколки от наступательной гранаты не долетают до наступающего бойца. В том и фокус, что враг, рядом с которым граната взрывалась, ошеломлён, контужен, ранен осколками, а за это время боец просто обязан расстрелять его из положения «стоя» и добежать до врага, а самое главное при этом – остаться живым.

Вот для этого и стоял офицер рядом с солдатом. Единственное, что делал незаметно Наливайко – прикрывал офицерским планшетом пах. Дело в том, что осколки и в самом деле не долетают до стоящих, а вот запал, точнее его фрагменты, временами долетали. И на практике этот непредсказуемый запал зачастую летел на уровне паха и мог оставить офицера инвалидом, не способным иметь детей. А детей Пётр Наливайко хотел очень, потому что страстно любил молодую жену Марию Наливайко, ждавшую его в далёком мирном Ташкенте в общежитии ТашГИПРОГОРа, где она работала архитектором. Детей они завести не успели.

Такую же жёсткую практику обучения новобранцев Васильич ввел и в ополчении Донбасса, в котором он возглавлял вначале третью роту ополченцев, а совсем недавно по совместительству стал заместителем командира батальона по обучению новобранцев. Особо пригодился его опыт стрельбы из гранатомётов. Здесь обучение было особо трудным, особенно из РПГ-7. Его Пётр про себя называл

«контузмет», поскольку у неопытных бойцов он вызывал контузию, иногда тяжёлую. Пётр всегда сам объяснял ополченцам, что РПГ-7 просто похож на большой дробовик слоновьего калибра. При выстреле ту самую часть трубы, в которой происходит взрыв порохового заряда, надо прижимать головой к плечу. А заряд срабатывает аккурат против уха. И если боец не подготовлен, то после гранатомётного выстрела он просто выбывает из строя на пару часов. Пришлось применить старый, испытанный в «афгане» приём – дербанили старые ватные матрасы и делали из ваты маленькие подушки у правого уха, закрепляли их бинтом. Это всегда выручало, и контузий стало намного меньше. Тех бойцов, кому вручались «мухи», учить было проще простого. Главное, чтобы сзади никто не стоял и не сгорел от реактивной струи.

Пётр поднёс к губам пузатый гранёный стакан – любимую посуду Васильича номер два. Губами ощутил мягкий вкус травяного чая. Сразу пришёл аромат цветущего сада, расцветшего в полную силу в срединной России, где гармония природы, удивительное сочетание цветов, запахов и метафизической тайны русского бытия незаметно вводит восприимчивого человека в состояние лёгкого, удивляющего и манящего транса.

Васильич номер два, Виктор Васильевич Максимов, был как раз таким восприимчивым человеком, влюблённым в жену, сына, внука, в родной дом и сад. Он был удовлетворён всем, что дала ему жизнь, и не просил у судьбы денег, славы, чинов и почестей.

– Редкое качество у человека, дай Бог каждому вот так думать и жить – сразу на земле все конфликты и войны прекратятся. – подумал Пётр.

А Пётр с удивлением размышлял о судьбах человеческих, о своём друге и соседе, Викторе, которого всё в жизни устраивало и очень часто даже радовало. Временами воз-

вращался к вопросу: «Почему же Виктор, такой удовлетворённый жизнью и судьбой, пошёл на войну? Может, именно этот вопрос Пётр все чаще задавал себе, чтобы разрешить эту странную загадку – почему он, Виктор, другие вступили в ополчение, а сосед – Гриша Крутьев так и трудится на шахте, получает исправно зарплату, пропускает после смены свои законные сто грамм на кухне и не думает идти воевать. Так в чём же дело?»

Словно отвечая на этот заклятый вопрос, Виктор Васильевич, сделав глоток чая и подняв взгляд куда-то высоко, вдруг заговорил об этом, о главном.

– Видишь ли, Петя, смотрел я по телевизору на все эти безобразия на Майдане в Киеве, возмущался, негодовал, но никогда и в мыслях не допускал, что воевать решусь против них. Даже думал, что стерпит-ся-любится. Как-нибудь поладим. Ведь они такие же, как мы, славянских кровей. И я говорю на ридной мове. Мы друг друга понимаем. Да вот случилась такая история: поехал я к тётке на день рождения в Харьков. Тётка-то старенькая, уж очень просила меня: «Витя, приезжай, может, последний раз перед смертью тебя увижу». Я и поехал. Было это, кажется, совсем недавно, аккуратно 22 марта, после крымского референдума. Живёт тётка на улице Шахтёрской, недалеко от центра. И метрах в ста от тёткиного дома увидел я страшную драку. Парни молодые, человек двадцать, с красно-чёрными повязками на лицах били ногами и битами двоих совсем молоденьких ребятшек с георгиевским повязками на рукавах. Бьют – не то слово. Убивают. Да приговаривают: «Вот вам, москалям, подарок от Георгия Победоносца. Раньше вы нас били. Теперь мы вас убивать будем». Подбежал я к ним и попросил:

– Дети, смилуйтесь, ведь у них матери, сёстры дома их живыми ждут.

Красно-чёрные на минуту остановились. Посмотрели на меня, загоготали. Потом двое обхватили меня, руки вывернули. Сказали:

– Смотри, москаль поганый, раз пришёл. Начали на моих глазах тех ребят убивать. Били ногами в пах, зверски, чтобы мальчишки те детей не могли иметь. Потом по почкам коваными ботинками. А потом – по головам битами. По-моему, убили их. У обоих были виски да затылки разбиты. Меня убивать не стали. Пнули несколько раз сзади коваными ботинками. Попрощались словами:

– Помяни, дед, через пару месяцев и тебя, и твою москалиху, и твоего москалёнка порешим. Придём и порешим, чтоб землю нашу украиньску не поганили.

И ведь по-русски все говорили, чтоб я понял...

Виктор поставил стакан с чаем в нишу и тяжело вздохнул:

– С тех пор и пришёл переворот в сознание. – Он поясняюще повертел пальцем вокруг правого уха, где ещё была видна малиновая капля запёкшейся крови.

Пётр прихлебнул поостывший чай. Вкуса не почувствовал.

– А ведь Васильич всё это верно уловил, на уровне подсознания. Такими, какие мы есть сейчас, на нашей родной земле не выжить. Забьют. Там, на той стороне столько ненависти, что никакими словами и мирными делами её не остановить. Затопит, смешает с грязью, мусором и утянет в небытие. Да вот в чём беда – не все это поняли. Женщины всей силой своей интуиции это ощущают, потому и кричат истерично. И правильно! А мужики думают: пройдёт, перегорит. Слепцы! Да что ж сделать надо, чтоб все увидели и осмыслили?

Виктор Васильевич приподнялся, потянулся и сел на бетонный блок поверх бойницы. Видно те, убиваемые

ребята так ярко и больно предстали перед ним, что захотелось вдохнуть в грудь свежего воздуха, распрямить спину.

У Петра в голове, словно высвеченная ярчайшим прожектором, встала сцена гибели тех ребят, чьи прегрешения были только в доброй памяти о павших в ту, Великую, войну, да повязанные на левые руки георгиевские ленты. Видно, те, убитые правосеками мальчишки, во имя чего-то высокого решились на смертельный риск и повязали чёрно-оранжевые ленты, ставшие смертельной меткой.

Лишь спустя секунду в мозг ворвалась тревога – уже больше недели как на вражеской стороне объявился снайпер. Молниеносно ухватил Виктора за колено и резко дернул вниз. Это движение совпало со странным чавкающим звуком и звонким хлопком лопнувшего стекла. Обмякшее тело вяло и безвольно сползло на Петра. Крупнокалиберная пуля пробила сердце и сколола край стакана из толстого стекла, сжатого левой рукой. Пётр вспомнил: Михалыч был левшой. Только вот из гранатомёта стрелял с правой руки.

Пётр бережно уложил обмякшее тело и рванул к «Утёсу»², окружённому белыми мешками с песком. Ударил длинной очередью по лесопосадкам. С мстительным удовлетворением смотрел на толстые ветки, сбитые крупнокалиберными пулями. Увидел, как в плотных зарослях осин с одного из деревьев грузно свалилась бесформенная зелёная масса. Потом бросился к Виктору.

Тот лежал на спине, стекали капли травяного чая на пробитую грудь с крепко зажатого в левой руке стакана со сколотым верхом. Крупнокалиберная пуля из «кончара»³ ударила со спины, пробила сердце, грудь, сколола верхнюю часть стакана и ушла в деревья. Подбежали ополченцы.

---

² *«Утёс» - крупнокалиберный пулемёт НСВ-12,7*

³ *«Кончар» – тактическая крупнокалиберная снайперская винтовка, 12,7 мм.*

Молча стали снимать каски. Заработала рация – с соседнего блокпоста запрашивали обстановку, интересовались, по какому поводу стрельба.

Пётр Васильевич стал собираться в дорогу. Они с погибшим знали друг друга два десятка лет, дружили, вместе встречали праздники, женили и выдавали замуж детей. И вот теперь ему, опытному вояке, отвечать на вопрос: «Почему не сберёг...»

БРОНЕБОЙЩИК ФЁДОР

Рация недовольно зашипела, словно призывая Никиту остановить этот безумно жаркий день, больше напоминающий апокалипсическое побоище, в котором уже невозможно определить, кто победил, а можно лишь определить, кто выжил. Звонил комбриг. Как выяснилось, он уже знал о тяжёлых потерях, разобрался с дезертирством новобранцев:

– Знаю, что держаться тебе тяжело. Потому через пару часов прибудет к тебе подмога – мой лучший боец, бронейщик Фёдор. Ты его побереги, он ещё от ранения не оправился. Запомни, он один девять бронемашин нациков сжёг. Человек-легенда.

Ближе к вечеру к НП комвзвода подошли двое ополченцев в новеньких казачьих красноверхих кубанках. Они осторожно несли заботливо зачехлённое приспособление (так уважительно можно относиться только к могучему, надёжному оружию). Шедший первым коренастый кряжистый мужчина представился:

– Фёдор. Пенсионер. Бронейщик. Со вторым номером – Дмитрием. Мы никаких позывных себе не брали, как некоторые. Мы на своей земле и негоже нам таиться и прятаться, придумывать прозвища. Мы оба уже повоевали, оба

ранены. – Фёдор указал на подвешенную на перевязи левую руку. – А у Мити вон левое ухо оторвано. – Фёдор сдвинул Митину кубанку направо. На месте уха там виднелся багровый продольный шрам с синим кровоподтёком у виска. Подошедший Филимоныч крепко обнял Фёдора:

– Ну, комвзвода, теперь мы как у Христа за пазухой. Раз Федя здесь – ни один нацист живым к нам не приблизится.

Вечером, за ужином, Филимоныч распечатал заветную фляжку и попросил Фёдора рассказать командиру свою историю.

Фёдор начал свой рассказ с сердечно любимой им речушки Деркул, что протекала по прочерченной враждебными силами границе между Россией и Украиной. Он с друзьями любил здесь бывать, особенно летом. Вечерами места эти необычайно красивы, притягивают спокойствием и гармонией единения природы и человеческого бытия.

В том месте, где Деркул впадает в Северский Донец, наблюдаются иногда странные явления: в полночь вдоль берегов речки в вечерней дымке появляются светящиеся блики. Иной раз они создают причудливые фигуры, которые движутся по спирали, уходя в ночную тьму. Движение по кругу и вверх создаёт ощущение огромной трубы, уходящей в дальний космос. Кто-то видит в движущихся картинках прошлое, кто-то будущее. Но увидевшие что-то особенное, что-то очень важное, никогда об этом не рассказывают. Никому. Потому что перед каждым, явившимся сюда, ставится главное условие чудесного осмысления себя в прошлом и будущем – умолчать об увиденном, сохранив глубоко внутри истинные образы...

Кстати, если провести прямую линию от точки слияния двух рек строго на запад, то по прямой линии отсюда до Луганска всего тридцать километров.

Только вот этим летом ночную тишину нарушает утробный грохот и скрежет со стороны Луганска. Если прислушаться сосредоточенно, то сквозь эти неясные шумы дальних множественных взрывов крупнокалиберных снарядов явственно прослушиваются предсмертные крики детей и женщин.

Неподалёку отсюда живёт дремотной жизнью небольшой российский городок Донецк (тезка миллионного Донецка-гиганта, того самого, где гибнут женщины и дети). В нём – семья младшей сестры, близкого ему человека, принимающего сердечно все его душевные порывы. Уютный, светлый, всегда нарядный и притягательный городок расположился в крутом изгибе российско-украинской границы. Жители городка шутят:

– Нам повезло, спрятались за российским кордоном. А старший наш брат Донецк-большой мучается сейчас на чужбине.

Сюда, в российский Донецк, Фёдор Максимович приезжал пять лет назад после страшной катастрофы на шахте и своего чудесного спасения, когда от взрыва метана погибло двадцать восемь товарищей, а он чудесным образом спасся, пробыв трое суток в кромешной тьме разрушенного забоя без света, воды, еды. В этот уютный городок притянуло его и после того, как встал на ноги после тяжёлого ранения, полученного во время неудачного для ополчения боя под Горловкой. Предваряя долгий рассказ о пережитом в последние месяцы, Фёдор признался:

– Знаешь, многое я пережил-перетерпел: и предательство, и гибель друзей, и собственную подлую немощь. Но вот одно переживание до сих пор не могу забыть и прохожу его бессонными ночами, память моя раз за разом восстанавливает заново один и тот же военный эпизод, и оттого болею душой, очень тяжело болею. А началось всё с моего вступления в ополчение. Все мы – родственники, друзья,

соседи тогда переживали, не спали ночами от вестей из Киева. Ходили на работу, в магазины за покупками словно тяжелобольные люди, у которых отобрали здоровье, отобрали надежду и смысл жизни. Вот тогда и решил однозначно – иду воевать против того мироустройства, которое нахально пришло к нам из Киева, причём иду я один, а сын Трофим, которого только год как женил – остаётся жить и род наш продолжать...

А дальше Фёдор Максимович рассказал, как странно и не очень удачно началась его служба в ополчении, как он долго и страстно доказывал свою методику войны с хунтовской бронетехникой командиру ополченческого батальона. Всё было тогда, весной, конечно же условным – «рота», «батальон». Едва вооружённые и не обученные военной дисциплине небольшие отряды были больше похожи, по определению Фёдора, на «цыплят, впервые вышедших на просторный огород».

Очень переживал Фёдор, когда танки и бэтээры⁴ украинской армии подступили к соседним посёлкам и грозно ворочали огромными стволами пушек и крупнокалиберных пулемётов. Было у ополченцев в отряде несколько гранатомётов. Но первые стрельбы из них всех разочаровали. Не так-то легко было попасть в движущиеся бронированные чудовища. А гранатомёт РПГ-7⁵, после стрельбы из которого кумулятивной гранатой лопались барабанные перепонки, многие ополченцы невзлюбили и предпочитали пользоваться «мухами», несмотря на то, что из них броню не пробить.

---

⁴ *БТР (Бронетранспортёр) – боевые бронированные машины, предназначенные для транспортировки личного состава к месту ведения боя.*

⁵ *РПГ-7 - многозарядный ручной противотанковый гранатомёт для стрельбы кумулятивными боеприпасами. Предназначен для борьбы с танками, самоходными артиллерийскими установками и другой бронетехникой противника.*

Автором главной идеи о борьбе с БТРами стал его сын Трофим. Он предложил взять из городского музея противотанковое ружьё, которое, по его разумению, будет с лёгкостью пробивать броню вражеских бронетранспортёров. После такого предложения сына Фёдор не спал две ночи, еле дождался открытия городского музея боевой славы, закрытого было на ремонт. Там он договорился со смотрителем – старым подслеповатым Ерофеем, которого знал ещё по работе на шахте, где до ухода на пенсию он работал горным мастером. Подойдя к стенду, он долго щупал, осматривал ПТРД⁶ – нескладную махину двухметровой длины, гладил уважительно ручку затвора, взводил толстую мощную пружину. Только вот использовать музейное ружьё в бою не было никакой возможности, поскольку чья-то опытная рука повредила затвор старинного оружия.

Из музея ноги сами понесли его в церковь святого Архангела Михаила. Там он долго молился слева от алтаря, подошёл к поблекшей двухвековой намоленной иконе Архангела Михаила и неожиданно для себя встал на колени, склонился низко с мыслью «Благослови...», припал лбом к прохладному щербатому полу, ощутил кожей лба каждый бугорочек небрежно уложенной половой плитки. И вдруг услышал явственно наставление, произнесённое сильным раскатистым мужским голосом на старославянском языке, в котором чётко понял одно слово «Благословляю», произнесённое громко и чисто, в котором «я-я-а» растянулось в долгий звук, многократно усиленный эхом под церковным сводом и глубоко отозвавшийся глубоко внутри. С этим «благословляю» Фёдор и вышел из церкви.

Через день с бутылкой водки «Мягков» пришёл к жившему по соседству старому знакомому из дружной шахтёр-

---

⁶ *Ручное противотанковое ружьё Дегтярёва создано для борьбы с фашистскими танками в августе 1941 года; показало высокую эффективность в начальном периоде Великой Отечественной войны.*

ской бригады, Виталику Ушакову, ушедшему контрактником на военный склад в небольшом посёлке Володарка. Сейчас сосед жил вольной жизнью, пьянствовал и кутил, как он выражался, «со всей душевной силой».

По слухам, Виталик приторговывал оружием с воинских складов в Володарке, это и натолкнуло Фёдора на попытку добычи желанного ружья. Выпив полстакана добротной водки, нетерпеливо начал задавать вопросы соседу и понял: попал в точку. Понял, что не случайны были слухи о торговле оружием с громадных воинских складов Володарки. Все знали: на складах площадью в десяток гектаров хранилось оружие времён Великой Отечественной войны в несметных количествах. Только винтовок и пистолетов хватило бы на вооружение всего населения Украины. После киевского Майдана и начавшихся по всей Украине криминальных разборок люди стали искать оружие: кто для самозащиты, кто, чтобы грабить награбленное. Особо ценились в продаже надёжные фронтовые пистолеты ТТ, коими успешно приторговывал Виталик.

Виталик поначалу удивлялся и даже насмешничал, издевательски закидывал вопросами Фёдора, но вскоре как-то невзначай вспомнил о дальнем складе, на котором хранились древние, как он выразился, противотанковые пугачи. Издевательски заметил:

– ПТР⁷ я тебе добуду, только вот пугнёшь нациков из пугача, так они по тебе из пушки к-а-а-а-к вдарят! Так ошмётки и полетят. – Потом, заметив крутой взгляд Фёдора, пьяно икнул и принялся извиняться.

Через неделю узик-таблетка украинской армии привёз в укромное местечко в лесопосадках два закрученных в рогажу противотанковых ружья конструктора Дегтярёва 1942

---

⁷ ПТР – огнестрельное ручное оружие, характеризующееся большой дульной энергией пули и предназначенное для поражения бронетехники противника

года выпуска и три десятка бронебойных патронов огромного размера.

Вот так и появился в ополченческих байках знаменитый «дядя Федя», спаливший из ПТР девять вражеских бронетранспортёров и самоходную пушку «Нона».

Первые стрельбы из ружья провели в лесопосадках. Фёдор на срочной службе в армии научился стрелять из снайперской винтовки Драгунова СВД) и даже имел поощрения за меткую стрельбу от командования бригады. Теперь руки и глаза сработали автоматически, точно вспомнив все приёмы дальней стрельбы. В белый мешок, набитый землёй с песком и выставленный за двести метров, пуля попала с первого выстрела. Только вот отдача была такой силы, что правое плечо сразу онемело и травмированная рука повисла бессильно. Ещё через минуту в онемевшее плечо пришла боль, и Фёдор испугался, что выбило кость и теперь, так и не поучаствовав в настоящих боях, придётся долго лечиться. Но Бог миловал – всё обошлось огромным кровоподтеком и ноющей болью ключицы. Зато результат был потрясающим! Пятнадцатимиллиметровая пуля насквозь, словно кусок масла, прошила толстый мешок, ударила в ствол дерева, прямо за мешком, и зажгла его словно спичку. С любопытством наблюдавшие за испытанием ополченцы, минуту назад посмеивавшиеся над причудами Фёдора, примолкли и старательно притушили воспламенившийся вокруг срезанного дерева сухостой... А Фёдор, уверовав в своё предназначение, отметил свою победу в ночном одиночестве, раз за разом смазывая почерневшее плечо облепиховым маслом.

Потом Фёдор обнаружил на ружье специальный выступ, к которому надлежит прижимать щёку при прицеливании, и сообразил: надо при стрельбе очень плотно, с усилием прижать приклад к плечу и в момент выстрела напрячь хорошенько мышцы торса, принимая всем телом

отдачу. Сам упор приклада снабдил двумя слоями поролона, прижав их синей изолентой.

Через день, на рассвете, за Фёдором, дежурившим в ночь на блокпосту, примчался на стареньком уазике командир батальона. Командир был небрит и глядел на Фёдора оловянными, опухшими от бессонницы глазами:

– Федя, от тебя сейчас всё зависит, выбивают они нас с двух блокпостов, берут в окружение. У них три БТРа, лупят из пулемётов – головы не поднять. У нас пятеро раненых и семеро двухсотых...

Через минуту Фёдор сидел в машине в обнимку с двухметровым ружьём, заботливо обмотанным байковым одеялом. А через полчаса вместе со вторым номером – Митей Полосухиным подползал к чадающему блокпосту с южной стороны села. Зажжённые покрышки чадили нещадно. Из клубов дыма доносилось «Слава Украине» и скоро толпа галдящих национальных гвардейцев, скрываясь за двумя БТРами, вышла на асфальт. Фёдор пополз в сторону, чтобы стрелять точно в борт. Установил сошки, прикинул: сбоку бронебойно-зажигательная пуля должна была ударить под углом градусов в семьдесят, чтобы наверняка пробить броню. Прицелившись, Фёдор начал стрелять, не прячась от защёлкавших вокруг пуль. За три минуты расстрелял весь боезапас – все пятнадцать бронебойно-зажигательных патронов. Только после последнего выстрела начал воспринимать мир и ощутил в полной мере сделанное – в первом БТРе что-то заскрежетало, из него стали выскакивать чумазые нацгвардейцы. А вот второй одновременно зачадил сизым дымом, через него вырвался клочок пламени, потом БТР вспыхнул костром, из которого стали выпрыгивать и метаться горящие фигурки... И тут только услышал всхлипывания Мити. Одна из пулемётных пуль, пролетевшая между ними, пропоролла Митину левую скулу и оторвала ухо. Между тем ополченцы ударили по наступающим длинными

автоматными очередями, со стороны неприятеля стрелять перестали, горящие фигурки угомонились, превратившись в небольшие чадающие костерки. Нацгвардия отступила, бросив своих убитых...

Вечером на поминальном ужине командир батальона, помянув погибших, подошёл к сидящему Фёдору:

– Слава тебе, Фёдор Максимович. Если б не ты со своей артиллерией, мы бы все тут полегли. Полегли, но не отступили, потому как нам нельзя вот так взять и убежать. Опозориться.

И комбат поклонился в пояс.

С того дня военная фортуна не оставляла Фёдора. Перед рассветом он с тремя ополченцами подполз к подбитым БТР-80 и самолично забрался в один из них, надёргал патронов из металлической ленты КПВТ. Во второй, сгоревший, лазить не стали, поскольку весь боезапас там взорвался. Всего добычей Фёдора стало 32 патрона, каждый из них тяжёлой двухсотграммовой тушкой укладывался в толсто-стенный рюкзак. Этот бесценный увесистый груз тащил на себе лично, не доверяя молодым помощникам.

С того удачного дня первой военной победы Фёдора многое сместилось в его понимании военного дела. За собой он видел особую роль защитника и спасителя милой ему Макеевки. А родных ополченцев он стал воспринимать как братьев, остро нуждающихся в его военном мастерстве. Надо сказать, дела у ополченцев пошли на лад. Национальная гвардия после уничтожения двух своих БТР-80 потеряла охоту штурмовать блокпосты защитников Луганска. Потом им на смену подошли десантники из Днепропетровска. Поначалу они не хотели воевать, поскольку все были, по сути, простыми русскими и украинскими парнями, согнанными на войну. Поэтому противостояние заключалось в основном в том, что матерно обкладывали друг друга да перестреливались сигнальными ракетами. Но однажды де-

сантников словно кто-то с цепи спустил. Они разметали зажёванные покрышки и прорвались на трёх БМД-2⁸ к городским улицам. Произошло это в день, когда Фёдор и подлевившийся Митя дежурили на блокпосту с другой стороны города. За Фёдором приехал на потрёпанной четвёрке пожилой шахтёр-пенсионер Михалыч. Фёдор уже выбежал из траншеи к дороге в боевой готовности. Через весь город слышны были громкие очереди тридцатимиллиметровых пушек и бесполезное уханье РПГ-7. Когда миновали центр города, Михалыч совсем сдал, зубы в стальных коронках и протезах стали выбивать дикую дробь, и он обессилено остановил машину, открыл дверцу:

– Ребята, простите, не могу я, – и опустился в придорожную траву, держась за сердце.

Место за рулём занял проворный Митя, резко, с визгом задних колес бросивший машину вперёд. А прорвавшиеся на окраину города БМД поливали всё пространство перед собой из тридцатимиллиметровых пушек, снаряды летели вдоль улиц, срезая крупные тополя и акации, разбивая в брызги кирпичные стены, прошивая и корёжа легковые автомобили.

– Пьяные, похоже, гады, – понял Фёдор, – сейчас вас ублажу.

Пригибаясь, перебежали детские игровые площадки и увидели две БМД, стоявшие на перекрёстке спиной друг к другу, развернув длинные хищные стволы пушек.

Фёдор залёг у основания небольшого рекламного щита, восхваляющего новые компьютерные игры. Спустя секунду весь мир превратился в прицел. Первый свой выстрел не услышал, потом лишь фиксировал голос Мити, считав-

---

⁸ *Советская боевая гусеничная плавающая машина десанта. Состоит на вооружении украинской армии. Изготовлена из алюминиевых сплавов. Вооружена 30мм автоматической пушкой и двумя пулемётами.*

ший выстрелы. Очнулся, когда Митя стал трясти за плечо и орать прямо в ухо:

– Горят они, дядь Федь, горят. Патроны побереги, нам ещё двух сжечь надо.

Фёдор словно во сне увидел, как обе БМД вспыхнули жаркими факелами. С боковой улицы к ним устремились две других машины, одна из которых тут же получила в борт кумулятивную гранату. И тогда последняя оставшаяся целой БМД, ревя двигателем, рванула наутёк. Фёдор, крича, схватил правой рукой деревянную ручку, крепившуюся в центре ружья, и побежал вслед за ревушим чудищем. Потом, видя, что БМД уйдёт, остановился и стал стрелять стоя, держа двадцатикилограммовую махину на весу. Хотя до удирающего врага было больше двухсот метров, Фёдор видел серебряные искры попаданий зажигательных пуль в алюминиевую броню. Вражеская машина издала громкий скрежещущий звук: одна из пуль с вольфрамовым сердечником пробила броню, стенку двигателя и смяла поршень. Машина словно зверь завывала плавающимися подшипниками и встала. Выскочившие десантники отбежали в сторону и подняли руки: шансов пробиться с оружием из окружения у них не было.

Когда в штаб батальона привели пленных, те рассказали, что ночью кто-то перерезал горло часовому. А всего день назад они дружно, всем десантным батальоном отметили его девятнадцатилетие, и парень красиво пел песни под гитару...

Командир батальона запретил всякие празднества по случаю победы над десантниками, поскольку все ожидали новых атак подтянувшегося к городу батальона «Днепр», сплошь состоящего из боевиков правого сектора. Только на следующий день Фёдора все-таки поздравили и перед строем сердечно поблагодарили. А балагур и юморист Митя нарисовал на большом листе ватмана «Портрет в

движении», на котором Фёдор был изображён с любимым двухметровым ружьём. На дружеской карикатуре ружьё было в четыре раза больше самого бронебойщика. Гвоздем шаржа было изображение Фёдора с короткими кривыми ногами, на которых он догонял вражескую десантную машину. И в юмористических стихах рассказывалось про огорчение Фёдора, когда он якобы увидел, что восемь тонн дорогостоящего алюминиевого лома удирают от него, поэтому всеми уважаемый пенсионер рванул стометровку, поскольку он уже спланировал сдать алюминий на металлолом и купить на полученные деньги любимой жёнушке самое красивое платье от французских кутюрье. Дружеский шарж имел большую популярность. Теперь все в городке только и говорили об успехах Фёдора и будущих победах доблестных ополченцев.

А потом Фёдор стал сам охотиться на БТР. Ему нужен был непременно БТР-80, поскольку тот был снабжён пулемётом КПВТ со столь нужными его драгоценному ружью патронами с бронебойно-зажигательными пулями. Понижающий комбат выделил ему в поддержку десятерых ополченцев. Тогда и разработал Фёдор свою первую наступательную операцию. Не знал, что его подстерегает главная опасность гражданской войны...

Засаду он продумал безукоризненно: чётко спланировал провокационное нападение на блокпост нацгвардии. Те, конечно же, вызвали подкрепление на двух БТРах. Оба БТРа Фёдор поджёг в ста метрах от атакованного блокпоста, умело пробив броню в тех местах, где сидели механики-водители. Выскочивших нацгвардейцев забросали гранатами. Теперь надо было достать снаряженные пулемётные ленты. В одну из машин полез Митя, во вторую сам Фёдор. Не знал он, что там, на окровавленном водительском сиденье сидит умирающий восемнадцатилетний парнишка. Когда Фёдор начал вытаскивать его, тот застонал

и стал звать мать из далёкой Винницы. Звал громко и надрывно, так просят умирающие в страстном желании урвать от смерти ещё хоть минуту. Фёдор закричал страшным голосом, зовя на помощь санитаря. Тот подошёл, бросил взгляд на страшную рану и брякнул:

– Так ты ж Фёдор Максимович, всю грудную клетку ему распорол, тут уж ничего не поделаешь.

Парнишка умер на руках у Фёдора через минуту, шепча «мамо» и испуская кровавые пузыри...

Эта смерть разрушила весь складный мир вокруг. Всё исчезло, кроме омертвело раскрытых голубых глаз, хриплого «мамо» и страшных кровавых пузырей у краешков губ. Реальность вокруг Фёдора взорвалась и перестала существовать...

Забыв у бруствера любимое ружьё, Фёдор петляющей походкой пошёл в лесопосадки, размазывая по лицу и волосам кровь, начавшую сворачиваться в липкую бурую жижу.

Второй бронебойный номер – Митя сострадательно (вопреки строгому сухому закону, введённому в ополчении) добыл бутылку водки, солёных огурчиков и с настоящей требовательностью заставил Фёдора выпить стакан залпом. Фёдор безотчётно всё выполнил. Выпил водку словно воду. Если бы ему сейчас дали стакан расплавленного металла, он и его выпил бы бесчувственно, может даже с облегчением...

Но водка дала обратный эффект. Обезумевший Фёдор начал пинать и бить кулаком своё прославленное ружьё, ударил кулаком несколько раз по затвору, разбив в кровь костяшки правой кисти...

Потом пришло просветление, и плачущий бронебойщик поставил в угол своё ружьё и стал молитвенно просить прощения. Обращался к нему как к живому высшему существу. Ведь ружьё его спасло десятки, а может сотни жизней простых людей родной Макеевки.

Ночное безумие Фёдора закончилось тревожным утром, когда комбат поднял по тревоге весь батальон и, усилив блокпосты, расставил людей с РПГ-7 у заминированных обочин на въезде в город. Комбату уже доложили о беде, приключившейся с Фёдором, и он приказал Мите остаться рядом с Фёдром «до выздоровления». Едва успели заспанные ополченцы выскочить из школьного спортзала, как в двадцати метрах от входа рванула первая 120-миллиметровая мина. Шестнадцать килограммов осколков с рваными краями пробили двери, срубили крупные ветки деревьев, изрешетили две легковушки, стоящие у стены. Фёдор вышел в этот момент на улицу по нужде, но чудесным образом все осколки миновали его. Видно кто-то свыше решил сберечь его жизнь, поскольку не все главные дела он сделал на этом свете.

Через день Фёдор уже дежурил на блокпосту, заботливо укутав байковым одеялом свою «двухметровую ненаглядную». Комбат, разглядев синяки под глазами, решил было дать Фёдору ещё два дня «на восстановление», но Фёдор настоял на включении его в боевую работу, поскольку стал панически бояться одиночества.

Дежурство на блокпосту ожидалось тревожное. К национальной гвардии, обосновавшейся всего в пяти километрах, подошла на подмогу целая колонна бронетехники, включающая несколько самоходных артиллерийских установок «Нона», которые в совсем недавнем прошлом нанесли ополченцам серьёзный урон. Тогда спасло только то, что у противника не нашлось опытных операторов-наводчиков и все снаряды легли с большим перелётом.

Фёдор, по приказу комбата, установил своё ружье в ста метрах от блокпоста и тщательно замаскировался, но совсем забыл о дульном тормозе, который гасил мощную отдачу от выстрела.

Дульный тормоз, защищавший плечо бронбойщика от сильнейшей отдачи, в этот раз сыграл зловещую роль. Если раньше Фёдор заботливо расстилал под него кусок плотного брезента и мощная пороховая струя била в него, не поднимая пыли, то сегодня все получилось нескладно. Самоходка приблизилась неожиданно быстро. Стреляла с коротких остановок прямой наводкой по позициям ополченцев. Чувствовалось, что оператор-наводчик имел солидный опыт артиллерийских дуэлей. Он хладнокровно разметал все полевые сооружения ополченцев. Все пятидесятисантиметровые фундаментные блоки, прикрывавшие блокпост, в пять минут превратились в труху, а горящие покрышки разметало на полсотни метров.

Фёдор прицелился в стык боевой башни и корпуса. Привычно нажал на спуск – и сразу ослеп: струя пороховых газов из дульного тормоза подбросила вверх столб пыли и мелких веток, так что после этого первого выстрела он подхватил свое ружьё и отчаянно заметался, пытаясь выбраться из пыльного облака. В этот момент совсем близко, сзади, ударил взрыв 82-миллиметровой мины. Веер осколков пробил левое предплечье и ударил по верху левого обреза бронжилета, разбив ключицу. Преодолевая боль, Фёдор всё же разглядел, как 120-мм самоходная пушка «Нона», столь нелюбимая ополченцами, загорелась синим бесцветным пламенем. Через несколько минут рванувший внутри боезапас сорвал башню с пушкой и отбросил её на десяток метров в сторону. Но Фёдор уже не видел этого, погружаясь в хаотичный мир тьмы, в котором вспышками возникали лица жены, Трофима, комбата и покойных друзей, сгинувших в забое во время аварии.

Тяжелораненого Фёдора довели до городского госпиталя, потом, по ходатайству комбата, с трудом перевезли в Ростов-на-Дону, где ему сделали три операции. Теперь он поправился, потянулся к своей любимой «двухметровой

красавице», поглаживая здоровой рукой тяжёлые бронёбойно-зажигательные патроны в правом кармане. Вместе с Митей вновь попросился на передовую, будучи глубоко убеждённым, что без него не управятся... Душу шахтёра греет одно: сын с женой и внуком обустроиваются в далёком мирном Саратове. А это значит – можно воевать с полной отдачей.

Ранним утром в предрассветном тумане Фёдору и его второму номеру Мите оборудовали и тщательно замаскировали очень удобную позицию. По правую сторону от шоссе. В это же утро сапёры заминировали все съезды с шоссе. Теперь танки и БТРы могли двигаться только по шоссе, где их ждали фугасы и меткие пули Фёдора.

Комбриг держал слово. Он верил в донесения разведки, а ещё больше – в свою интуицию. Предчувствовал, что напротив укрепрайона Евграфова скопилась мощная ударная группа. Удара можно ждать со дня на день, поэтому перебрасывал в укрепрайон всё, что мог снять с других участков фронта. Следом за Васильичем с его безотказными миномётами на блокпост прибыли два расчёта станковых гранатомётов с мощными «трубами» – грозными противниками танков и БМП.

Командир восьми гранатомётчиков – двух расчётов станковых гранатомётов СПГ-9 Николай Приходько, статный, спортивного сложения мужчина, одетый в новенькую тёмно-зелёную униформу, производил впечатление спокойного, надёжного человека. Тяжёлый 12-килограммовый армейский бронезилет сидел на нём как влитой. Расчёты станковых гранатомётов с оборудованием разгрузили метрах в восьмистах от блокпоста, скрытно, через лесопосадки, на плечах принесли двухметровые трубы, треноги. Потом, вместе с пришедшими на подмогу бойцами, доставили кумулятивные и фугасные снаряды. Это мощное оружие посылало пятикилограммовый фугасный снаряд на расстоя-

ние до 1,3 км. Но главное его предназначение – уничтожать танки. Его снаряд пробивает броню толщиной 400 мм! И как показали последующие события, гранатомётчики прибыли вовремя.

Филимоныч дребезжающим голосом просвещал:

– У нас в афгане СПГ-9 называли «Сапог» – и ох как уважали!

Оба «Сапога» обслуживались командой, укомплектованной работниками коксохимического комбината. Все восемь человек – мужчины под сорок и старше, спокойные, рассудительные. С уважением относились к своему начальнику Николаю Приходько, который был на комбинате председателем цехового комитета профсоюза, он же теперь «товарищ командир». В первой же беседе с комвзводом он так охарактеризовал свою команду:

– Мы сюда не за романтикой пришли, а долг свой исполнить перед родной землёй. Будь уверен, товарищ Евграфов, не подведём, воевать обучены, научим нацистов и правду уважать и жизнь человеческую ценить.

МАРИНА

Широкое шоссе покрыто оспинами мелких воронок. Добротный, лоснящийся чёрным матовым отливом асфальт был побит 82-миллиметровыми минами. По причине их массового использования украинской армией к ополченцам прилипла презрительная кличка «ватники». Дело в том, что ватник хорошо защищал от осколков 82-миллиметровых мин, прилетающих сотнями с западной стороны. Мелкие, с острыми как бритва краями осколки были безжалостны. Бронежилеты они, конечно же, не пробивали, но попав в незащищённые поверхности рук, бёдер они, вращаясь, творили ужасные раны, вспарывая кожу, разрезая сухожилия

и кровеносные сосуды. Но если такой осколок попадал в ватник, то он, крутясь, наматывал на себя вату и безвредно затихал. Поэтому ополченцы настойчиво искали именно ватники, и именно эта одежда составила дресс-код ополчения, начиная с конца лета памятного 2014 года.

Только когда телевизионщики из России приезжали отснять военные сюжеты, ополченцы нехотя снимали ватники и надевали тяжёлые двенадцатикилограммовые армейские жилеты. И уже в августе-сентябре 2014 года из Саратова пошли грузовики до верха набитые ватниками синего, коричневого, тёмно-зелёного цветов. В ВСУ Украины и в нацбатальонах ватниками пренебрегали, и это была одна из причин, по которым потери украинских сил были многократно больше потерь ополченцев. Даже в летнюю жару ополченцы, да и многие мирные жители, передвигающиеся в прифронтовой полосе, предпочитали облачаться в ватники.

Женскую фигуру, одетую в ватник, Никита, проводивший осмотр вражеских позиций с небольшого, хорошо замаскированного наблюдательного пункта в сотне метров слева от своих позиций, заметил издалека и передал по радиосвязи:

– Филимоныч, к вам идёт женщина в ватнике. Махните ей, чтобы ушла с шоссе и двигалась только правее, поближе к лесопосадкам. Иначе сейчас ударят минами.

Женщина оказалась понятливой и поспешно зашла в лесополосу. Как выяснилось чуть позже, это была Марина, жена командира гранатомётчиков Николая Приходько.

Марина пришла на позиции с увесистыми сетками, в них кастрюльки и банки со свежеприготовленными блинами, сметаной, вишнёвым вареньем, солёными огурчиками. Марина не спеша расстелила белоснежное полотенце на бетонном блоке, разложила еду в пластиковые тарелочки и шагнула чуть в сторону. Её муж широким жестом пригласил

сил всех попробовать «лучшую еду от лучшей в мире женщины»:

– Давай-ка, товарищ командир, – обратился он к Никите. – Подходи первым и покажи пример. Мы ведь все теперь ближе родственников друг другу.

Николай взял верхний румяный блин из стопки и макнул кончиком в сметану. Давно он не ел такой вкусной пищи! Запахло домом и бабушкиными блинами на кухне... С тех пор, кажется, миновал целый век.

Никита отвернулся от «застолья» и обратился к Марине:

– Сегодня чудом удалось избежать миномётного залпа с той стороны, – Никита махнул рукой на Запад. – Бьют по каждому человеку, по женщинам, могут и по детям. Поэтому Вы уж передвигайтесь по лесополосе. А лучше – вон до той фермы. Она за пригорком, и снаряды туда редко залетают. Там наша тетя Глаша – всегда будет вам рада, мы туда к ней часто навещаемся. Туда и супруг Ваш и другие бойцы могут подойти. На короткое время, да ещё так близко, можно небольшими группами позиции незаметно покидать.

Марина, внимательно и спокойно глядя в глаза командира, отвечала:

– Извините, товарищ командир, не знала, теперь буду осторожнее. Нам с Николаем надо быть живыми и здоровыми. Детей у нас двое, и так получилось, что мы без бабушек и дедушек. Мой отец рано ушёл – погиб на шахте. Мама болеет тяжело и сейчас живёт у сестры в Кременчуге. А Николай – сирота, воспитывался в интернате. Так что мы с ним будем осторожными, – потом добавила:

– Но и трусить никогда не будем. А так – вы, конечно же, правы, по шоссе ходить не буду.

Марина посмотрела на Никиту долгим взглядом. Что-то было в её глазах, в выражении лица завораживающее –

уверенность и доверие, безмерная мягкая сила. Так бывает, когда в дальней командировке вспоминаешь облик любимых тобой людей и понимаешь: нет ничего важнее вот этих их взглядов, жестов, улыбок. Никита поймал себя на том, что словно очарованный смотрит на чужую жену. Повернулся и зашагал в сторону своего НП.

Разворошил старую рану – вспомнил, как в ответ на любое замечание бывшая жена Неля поворачивала к нему разгневанное лицо со своенравным разлётom тонких, угольно-черных бровей, её губы обретали хищный изгиб, из них вырывались резкие, грубые унижающие слова и фразы. Она умела «отбривать» и гордилась этим своим умением. Её побаивались все, даже родная мать. А ему казалось – эти язвительные, насыщенные ненавистью слова потом начинали вращаться в пространстве вокруг, превращаясь в ядовитые сущности. Они возвращались вновь и вновь, нанося всё более болезненные раны, пока всё не оборвалось разрушением семьи...

С тех пор Марина каждый день приносила еду на их позиции. Иногда к ней присоединялись жёны бойцов с коксохимического завода. Их подвозили на легковушках и высаживали за пригорком, примерно в километре от блокпоста. Как правило, их приход совпадал с привозом из Кировска с хозяйственного блока горячего обеда со свежее испечённым в армейской пекарне хлебом. Они быстрым шагом добирались до заброшенной фермы – временной обители тети Глаши, которая не расставалась с рацией. Немедленно на позиции приходило сообщение, и гранатомётчики поочередно отправлялись на заброшенную ферму. Во время этих посещений Никита хмурился, но замечаний не делал, старался держаться подальше от Марины, как бы отстраняясь. Лишь временами пристально рассматривал её со своего НП в бинокль. Статная, ладная девичья фигура, ни за что не скажешь, что мать двоих детей. Улавливал её внутрен-

ную суть в разных проявлениях – в походке, движениях, в умении слушать каждого человека, внимать его жалобам, просьбам. Лицо у неё обычное, ничем не примечательное, проглядывается в нём что-то деревенское, открытое – слегка курносый нос, высокий чистый лоб, серо-зелёные глаза. Казалось, на лице застыло по-детски наивное удивление событиям окружающего мира. Но всё менялось, когда она начинала говорить. Её глаза, голос, обращенные к мужу, к бойцам, были простыми, лёгкими, но в каждом слове, в каждом жесте проглядывалось стремление стать созвучной, помочь, успокоить, устранить внутренний разлад. Так она передавала небольшие посылочки – «тормозки» от жен, друзей со своего коксокомбината (который всё ещё работал, несмотря на близость фронта). Марина передавала записки, деньги (гривны), которые заводской профком пересылал ополченцам. Никита однажды так и сказал Николаю:

– Счастливый ты, Николай, порадовался за тебя многократно. Твоя Марина – просто чудо, подарок высших сил. А потому, прости, я просто мечтаю, чтоб тебя с твоей командой побыстрее забрали отсюда. Знаешь, скоро здесь жарко будет. А тебе ещё детишек поднимать и такую жену... Чтоб ты её мог на руках носить.

Сторонний взгляд никогда бы не заметил, сколько переживаний скрывала Марина за напускным спокойствием. Помогала ей переданная родителями способность «настраиваться на волну» собеседника, стремление посочувствовать, помочь. В их семье сформировалась и утвердилась своеобразная традиция трогательного, доверительного отношения друг к другу, к родственникам, друзьям. Отец Марины, Владимир Фёдорович Севостьянов, проучился два года на философском факультете в Киеве. Показал там себя способным студентом, опубликовал несколько статей с анализом работ Иммануила Канта, творчество которого считал первостепенным в понимании природы человека.

Со школьных лет Марина помнила пересказанную отцом кантовскую космогоническую теорию происхождения солнечной системы, и самое главное – категорический императив.

Четверть века назад мама Володи уговорила его провести студенческие каникулы у своей старшей сестры, в Луганске. Так задумчивый, трудолюбивый студент попал на Донбасс и там совершенно случайно встретил будущую маму Марины, Светлану Игнатьевну. Встреча произошла в оперном театре, где Володя решил посмотреть любимое «Лебединое озеро». Едва раздались первые аккорды замечательного местного оркестра, как в пустующее кресло справа грациозно села совсем молоденькая девушка, Света. Володя стеснительно посмотрел на её профиль и внезапно ощутил, как его охватила волна восхищения и благоговения. Где-то глубоко внутри прозвучала его благодарность: «Спасибо тебе, Господи, что дал мне такую возможность ощутить рядом редкостную красоту и гармонию». Ему невероятно повезло – в начале первого антракта он включился в поиски оброненного (а может похищенного) театрального бинокля. Именно тогда Володя впервые сказал:

– Светочка, Вы не расстраивайтесь, не ругайте себя, помнится, великий философ Иммануил Кант сказал слова, которые потом прозвучали в программе КПСС: «Всё во имя человека, всё во благо человека». Всё материальное должно лишь служить человеку, а не приносить ему лишние тревоги. А бинокль Ваш непременно найдётся, а если не найдётся, я просто уплачу администрации театра его стоимость. Поскольку Ваше спокойствие для меня важнее всего остального.

Так случилось, что Володя отдал за утерянный бинокль весь свой скромный запас каникулярных денег. Благо его родственники оказались людьми щедрыми, понимающими и снабдили его деньгами на обратную дорогу. Но полю-

бившийся родственникам племянник не спешил возвращаться домой. К концу своих каникул Володя сделал предложение любимой Светочке, вспомнил любимого Канта, почитающего превыше всего чувство долга:

– Светочка, меня воспитывала одна мама, и мы с ней испытали много трудностей. Я хорошо усвоил, что в семье должен быть настоящий мужчина – он должен нести бремя ответственности за материальный достаток и добрый семейный климат. Поэтому я временно оставляю учебу в университете и устраюсь работать на шахту – шахтёры ведь хорошо зарабатывают, да и с жильём вопросы решаются довольно быстро. Твёрдо Вам обещаю, Светочка, что у нас и наших детей будет достаток и спокойствие. И я беру на себя обязательство, что Вы, Светочка, никогда от меня не услышите грубости, упрёков. Буду Вас беречь и ценить всю жизнь. Буду всё делать, чтобы Вы, Светочка, не испытывали огорчений. Иммануил Кант всё это выразил краткой формулой: «Ты должен, значит ты можешь».

Светлана уже успела привыкнуть к философским изыскам жениха, поэтому с радостью приняла это признание в любви, сделанное в столь академическом стиле. Ни разу потом об этом не сожалела. Скорее, наоборот – несостоявшийся философ принёс ей настоящее счастье – не в прямом материальном выражении, а в удивительном состоянии надёжного спокойствия, которое она обрела. Она и сама изменилась. Володя как бы «подстроил её» под себя, под свою жизненную философию.

Скромный жизненный опыт Светланы в сфере семейной жизни был полон отрицательных примеров. Её родители часто ссорились, ругали друг друга грубо и бессердечно. А сосед по лестничной клетке, дядя Миша, нередко давал своей сварливой жене оплеухи. Всё это стало для неё тяжёлым грузом, когда она стала задумываться о грядущей семейной жизни.

О своём удивительном пути к замужеству, став матерью, часто рассказывала дочери. Многократно вспоминала полюбившегося Иммануила Канта, сформировавшего как мужчину и семьянина любимого Володю. Не уставала повторять:

– Доча, присматривайся к мужчинам. Такие, как наш папа, редко встречаются. Он главное сумел – защитил меня от всех жизненных трудностей и жестокостей. Как он пообещал: «Не услышите от меня упрёков и грубостей. Буду беречь и ценить» – так и выполнил. Ищи вот такого мужчину, который будет оберегать тебя и ценить твоё спокойствие превыше всего. Тогда и каждый день для тебя будет желанным, а будет душевное здоровье – будешь защищена от всех болезней.

Володя, любимый отец Марины, не смог до конца выполнить все обещанное по независящим от него обстоятельствам. Взрыв метана на шахте оборвал его жизнь внезапно, через неделю после празднования пятнадцатилетия со дня свадьбы, когда ему едва исполнилось 35 лет... 14-летняя Марина встретила эту семейную катастрофу мужественно, сумела собрать все душевные силы для поддержки матери. Стала защитницей и опорой для младшего братика, десятилетнего Ивана. Смерть мужа как-то разом подорвала здоровье Светланы Игнатьевны. Она быстро постарела. Через несколько лет вдовства стала терять память. Марине пришлось брать бразды правления семьёй в свои руки. По выходным они с мамой и братом часто устраивали вечера воспоминаний об отце, о его признании в любви, об обещаниях беречь от грубостей и тревог. О том, как оберегая спокойствие и душевное здоровье Светы, семьи, он оставил научную карьеру и отдал всю душу семейному очагу.

Этот жизненный урок стал для быстро повзрослевшей Марины источником силы, какого-то яркого, в чем-то таин-

ственного вдохновения, словно отец сумел передать ей по наследству, внедрил глубоко и надёжно в генную память вечную формулу любви и сохранности семейного очага.

Обретённый опыт и крепость отцовских установок на образ жизни очень помогли Марине в выборе жизненного пути. Много раз она останавливалась на жизненных развилках. И всегда ей на помощь приходила отцовская подсказка. Спокойно, безбедно пролетели студенческие годы в Луганском политехническом институте, который Марина окончила с красным дипломом, став инженером-химиком. С работой определилась ещё за год до окончания института – ей предложили инженерную должность на коксохимическом комбинате во время преддипломной практики.

Иногда Марина приостанавливала бег времени, задумывалась о себе, о маме, брате, поступившем в военноморское училище в Севастополе. Всё шло хорошо, только беспокоило отсутствие в её жизни настоящего мужчины, хотя бы отчасти похожего на отца. Были в её личной истории настойчивые ухаживания, страстные признания и обещания. Но кто-то невидимый отводил от Марины ненадёжных спутников.

Выбор судьбы состоялся на любимом коксохимическом комбинате, где Марина начала успешно продвигаться по служебной лестнице, став главным технологом цеха. Её избранник появился в необычной ситуации, когда на профсоюзном собрании её начал критиковать Николай Приходько, председатель цехового профкома. Критика его была вполне конкретной и обоснованной – загазованность производственных помещений, отсутствие промышленных воздухофильтров. Правда, профкомовский вождь пощадил её достоинство, сказал только: «Пусть наш уважаемый главный технолог объяснит, почему так получилось».

Марина ответила быстро, собравшись мыслями, успев достать свой проект установки фильтров, с которым она

обратилась к собственникам комбината и на который получила ответ:

– Нет средств. Фильтры могут быть установлены только через год.

После собрания Николай взялся проводить её домой. По дороге дважды извинился за свою критику. Сказал, что виноват, что надо было задолго до собрания подойти к ней и договориться. Честно признался – каждый раз, когда хотел подойти со своим вопросом, его охватывала какая-то робость. Потом неожиданно заговорил отцовскими словами:

– Знаете, Мариночка, мне очень дорого ваше душевное равновесие. Обещаю Вам, что в будущем буду к Вам очень бережно относиться.

Эти слова и свершили выбор Марины. Семь лет замужества, двое детей – всё пролетело как в счастливом сне, в котором Марина чувствовала себя спокойно и радостно, могла щедро дарить любимому мужу и детям свою нежность, делиться радостными открытиями в кулинарии, отыскивать в Интернете интересные и загадочные истории о происхождении и устройстве нашего мира... Только в последний год, где-то глубоко внутри появился предвестник беды, временами накатывала необъяснимая тревога. Мучили предчувствия, которые вызывали горящие факелы марширующих ночами неонацистов. Николай небрежно махал рукой:

– Да кто их пустит в наш город. Это там, на Западной Украине, да ещё, может, в Киеве они бузить смогут. А кто ж их сюда, на Донбасс пустит?

Их пустили.

Им дали оружие.

Им дали индульгенцию на убийства и пытки. С приходом нацистов на Донбасс Марина потеряла душевное равновесие. Понимала, что родную землю надо защищать от этой

нечисти, что надо отстаивать своё право, право детей на жизнь. И одновременно пришло смятение, смешанное с тяжёлыми предчувствиями. Уговаривала мужа поберечь детей, уехать, хотя бы на время...

Убедила маму, Светлану Игнатьевну, инвалида второй группы, уехать из прифронтовой полосы к сестре в Кременчуг, где не было войны, где все-таки можно было найти необходимые лекарства.

Гражданская война сломала весь ритм её семейной жизни и стала непреодолимым горным хребтом, который она, сильный духом человек, никак не могла одолеть. Ей казалось: вот доберётся до самого перевала и увидит, что там, за ним, светлое будущее. И тогда сможет уговорить мужа оставить нажитое, и уехать, уехать в Россию (куда ж ещё?) Она применит всю свою нежность, всю свою силу, чтобы убедить его уехать подальше от этой войны. Ведь они молодые, начнут всё с нуля, как-нибудь обживутся...

Блокпост, куда перебросили мужа с двумя расчётами гранатомётчиков и где ожидались жаркие бои, вызвал у Марины двойное ощущение. Прежде всего, её поразили глаза бойцов, готовящихся к смертельной схватке. Это были глаза людей, выбравших *путь*, и готовых идти по этому пути до конца. В их глазах была спокойная уверенность в правоте своего выбора. Но рядом с ощущением этой спокойной уверенности у неё в душе росло предчувствие беды. Она ощущала всей своей сутью дух смерти, подступающий к боевым позициям ополченцев. Главная её трагедия была в том, что предупредить об этом, рассказать о своих предчувствиях и защитить своего любимого, отца её детей, она не могла. Наоборот, смысл её предназначения в данный момент был вселить спокойствие и уверенность мужу и его товарищам, особенно молодому командиру – статному, крепкому, надёжному...

КОМБРИГ

Дважды за короткое время к укрепрайону приезжали делегации с гуманитарной помощью из Саратова, Липецка. Встречали их радушно, принимали подарки, новую камуфляжную одежду, медикаменты, пищевые концентраты.

Во время их посещений с вражеской стороны часто прилетали мины. Один из осколков даже продырявил бидон с супом. Но дырочку быстро заглушили деревянным чопиком. После этого, заклеили пластырем глубокую царапину на предплечье у подносчика, и как-то показалось, что прифронтная жизнь не так уж плоха и можно продержаться ещё долго.

Но под вечер Никиту вызвали в Алчевск, в штаб. Там, развернув карту, начштаба бригады показал места сосредоточения сил противника и объявил готовность номер один.

Комбриг попросил Никиту задержаться. Что-то шептал про себя, оценивающе глядя на комвзвода. Никита вспомнил, что совсем недавно нынешний комбриг Алёша Мозговой был солистом местного казачьего хора. Да не просто солистом, а душевным центром. Своим голосом не только покорял аудиторию, а вводил всех в своеобразный транс, в состояние возвышения мыслей и восхищения. Его голос

нёс какой-то скрытый призыв. Но пришла война, и звучный голос превратился в сухой приказной баритон. Алексей Мозговой превратился в строгого военачальника, с суровым нравом, отмечающего любые возможности Минских переговоров, считавшего, что мира с нацистами не будет никогда. Уговорить их невозможно, можно только уничтожить...

Вот и сейчас, оглядев Никиту придиристым взглядом, он ткнул острием карандаша в карту и, чеканя слова, продолжил разговор, начатый пять дней назад:

– Через три дня «Азов» уводят на пополнение и отдых. По нашим данным это связано с началом их наступления. Азов разложился и как ударная наступающая сила никуда не годится. Твой очень толковый разведчик Сергей как-то предлагал внезапно днём по ним ударить. Знаешь, это хорошая идея. Заодно прощупать их и посеять сомнения, стоит ли на вашем направлении наступать, если вы наносите чувствительные контрудары. В общем, подумай и завтра утром сообщи. Если решишься – поддержим. Нет – пусть так и будет. Может, оно и лучше, меньше риска. А вообще-то, удачный удар по их блокпосту нам *даст шанс* продержаться, понимаешь? Эх, друг ты мой сердешный Никита Петрович, что-то трудно мне дышится вот здесь, – комбриг указал ладонью куда-то в центр своего живота. Что-то предчувствую. А что – не могу сообразить, высказать.

Никите приходилось выезжать в краткие дни затишья, когда разведка давала «добро» по всей ближней дуге сопротивления Енакиево, Горловка, Первомайск, Кировск, Фрунзе, Трёхизбенка, Славяносербск, Счастье – везде ожесточённость, силы ВСУ превышали ополченцев в 5-6 раз. Против них стояли специальные батальоны: «Сич», «Тернополь», «Винница», «Чернигов», «Днепр», «Айдар». Батальон «Азов» в сентябре преобразовали в полк в составе

Национальной Гвардии Украины. Насильники, убийцы получили оружие, обрели защиту украинского государства...

Вечером следующего дня, в сумерках, подошла группа ополченцев во главе с комбригом. Машины они замаскировали в стороне, в лесопосадках. Командир бригады «Призрак» Алексей Мозговой бесшумным скользящим шагом прошёл по позициям взвода. Он производил впечатление опытного вояки с большим грузом лет за плечами. По всему было видно, на него свалился непомерный груз ответственности за человеческие жизни. Раньше он представлял себе войну неким продолжением Майдана, когда одна группа идейных мужчин воюет против другой группы. Те тоже воюют за свои идеи. Так виделось всё до событий лета 2014 года.

Всё оказалось совсем иным, теперь же война обрела другое обличье. Сотни тысяч мирных жителей подверглись невероятным испытаниям, среди которых самое тяжкое – неиссякающий страх за своих детей, за близких, бесконечная тревога за их судьбы и постоянное ожидание худшего – ранения, гибели, инвалидности. Жестокость нац-батальонов вообще перешла все границы. Всё это превратилось в тяжёлое бремя, несколько месяцев оборонительных боёв состарили комбрига на десятки лет. Многие помнили его весёлым, летящим молодым парнем, солистом казачьего хора, талантливым бардом, сумевшем в предвоенные годы покорить и местную молодёжь, и поколения постарше.

Пока комвзвода с комбригом и Сергеем колдовали над картой в командирском блиндаже, к ним шагнул ссутулившийся Филимоныч с алюминиевой кастрюлькой, обернутой вафельным полотенцем. Пробормотал шутливо-наставительно:

– Вот что, дети мои, а вы мне все в дети годитесь, давайте-ка отужинаем. Здоровый дух и солдату, и командиру приходит, когда он от души наестся.

Невидимым движением отцепил от поясного ремня фляжку и разлил по треснутым бокалам водку.

Сергей наморщил лоб, вспоминая что-то, и поднял кружку, прочитав осипшим голосом:

Не могу быть как все, вот досада,
Что-то, где-то не так как у всех...
И ведь делаю всё так, как надо,
И случается в чём-то успех.
Не прижился к толпе, не притёрся,
И не смог приспособить себя.
— Эй, прохожий! Пстой, познакомься.
Может быть, я похож на тебя.

Это были стихи, написанные Алексеем Мозговым совсем недавно, навеянные сумбурными событиями «Русской весны». Сергей отметил, как Мозговой расслабился, потеплел взглядом и добавил:

— Знаешь, командир, никогда бы не подумал, что строгий и рациональный Алексей Мозговой пишет такие стихи. Вот закончим войну, поедем вместе в Одессу. Заметь, я буду в роли твоего продюсера. Представь меня организатором концертов знаменитого барда и поэта-песенника Лёши Мозгового. И будем мы с тобой купаться в лучах славы...

Комбриг смешливо глянул на разведчика, трудными размеренными глотками осушил бокал, за несколько минут одолел тарелку перловой каши с мясом и заговорил короткими рубящими фразами:

— Через неделю-другую ждём удара ВСУ и нацгвардии. На вашем направлении пойдут узким фронтом после массивной артподготовки. Танки Т-64, не менее дюжины, пойдут впереди. А потому завтра пришлю сапёров. Начнём сплошное минирование. От сердца оторву, но обязательно пришлю толковых минёров. Есть у меня такая команда. Вдоль шоссе и в придорожной полосе установим не меньше двадцати противотанковых фугасов. Пульты управления фугасами расположим в трёх местах.

Комбриг показал рукой точки расположения пультов на карте Никиты:

– Ваша задача: продержаться как можно дольше. Сил у нас немного. Ударить они планируют сразу по трём направлениям.

Комбриг достал из кожаного планшета карту и разложил её на куске фанеры, водружённом на бетонном блоке. На карте жирной красной линией была отмечена линия фронта. Напротив их блокпоста и окопов с блиндажом стояла синего цвета стрела, направленная на Кировск, Стаханов.

– Вот здесь одни будут ломиться со всей силы и постараются в первые же часы раздавить всю вашу оборону. Перед первым эшелоном от них пойдут сапёры со спецсредствами, чтобы проложить дорогу танкам.

Так что, дорогой комвзвода Евграфов! Готовь людей и готовься сам к самым тяжёлым боям. Стоять тебе придётся до упора, до конца твоих жизненных сил. Ты, главное, *дай шанс* всем, кто за тобой стоит.

Комбриг силился сказать ещё что-то важное, но видно не смог, не захотел сказать «Стоять насмерть!». Добавил только:

– Если пропустишь их, то вот по этому шоссе – Мозговой провёл ногтем по карте, – их танки и БТРы выйдут к окраинам Луганска через 3-4 часа. И тогда всем нам крандец. Так что твоя задача – *дать шанс* всем нам продержаться. Будешь ты держаться – остальные тоже упрутся, выстоят. Не устоишь – вся линия обороны рухнет...

Слева от вас, со стороны Светлодарска нацгвардия и ВСУ будут наступать мощной ударной группой в три мехбригады, одной танковой и одной артиллерийской.

Справа, со стороны посёлка Счастье, будут прорываться двумя танковыми и одной мехбригадой.

А в самом центре, со стороны Попасная – Золотое, по вам ударят их лучшие силы – мехбригада, танковая бригада, четыре специальных территориальных батальона

«Сич», «Тернополь», «Винница», «Чернигов». А им в затылок выстроился разный нацистский сброд – сборные команды из «Азова», «Айдара», боевики социальной Ассамблеи, «сотня Иисуса Христа» и другие негодяи. Заметь, мехбригада и танкисты укомплектованы в разы лучше, чем на других направлениях. Да и нацистские части – это ведь как заградотряды в Великую Отчужденную. Каждый солдат ВСУ, не выполнивший команду «Вперёд», получит пулю в затылок. Они об этом не устают повторять. Даже по радио не стесняются передавать: «Пуля в затылок каждому, кто остановится...»

Россия что-то медлит с военной помощью, осторожничают, на Минские соглашения надеются... Не поняли до сих пор, что надеяться надо на свои силы. Я это понял и перестал доверять всяким обещаниям. Сделаю для вас, что могу – завтра же будет пополнение. Подброшу вам из резерва «Утёсы». Вы только расставьте пулемётчиков по флангам и хорошенько замаскируйте.

Мозговой посмотрел ещё раз на карту и добавил:
– Силы они уже стянули. Тренируются. Расположились между Славянском и Северском, устроили там себе полигон – всего в 60 километрах от вас... Признаюсь, было предложение – устроить здесь бучу, пошуметь, разгромить их блокпост 13, уж очень он нам мешает. Да пришлось отказать – сил у нас мало, да и необученных бойцов много. Рисковать нельзя.

Ты как раз тот командир, что не рискует, в плане обороны – лучший, потому тебя и поставили в самый центр. Помню, как вы их на прошлой неделе пугнули. Мой Васильич тогда тебя вовремя поддержал. После этого они попритихли.

Вообще-то у них психология уличных бандитов: там, где они крепко получили по зубам, туда они снова не полезут. А если решатся на драку, то только при условии, что их будет вдесятеро больше.

Комбриг потянулся, разминая затекшие мышцы. Неожиданно попросил гитару:

– Спеть вам хочу одну славную песню. Написал её год назад, когда никакой войны и не предвиделось. Но вот не идёт она в последние дни из головы.

Сергей ловким движением откинул ширму, перекрывавшую вход в блиндаж и нырнул в темноту. Через несколько минут вернулся с гитарой.

Алексей даже не стал настраиваться, словно знал, что гитара сразу зазвучит нужными аккордами и спел одну из своих пророческих песен:

Неплохо в мае умереть,
Могильщику копать удобно.
И соловьи всё будут петь,
В последний раз так бесподобно.

Под грохот первых майских гроз,
Вместо унылых отпеваний...
И дождь, прольётся вместо слёз,
Он смоем грусть воспоминаний.

Могильный холмик приютит,
Под покрывалом трав зелёных,
Пусть даже крест там не стоит,
Среди берёзок утомлённых.

Под шелест листьев молодых
Что только к жизни потянулись.
Пока ещё нет трав седых,
А только-только всё проснулось.

Неплохо в мае умереть...
Остаться в свежести весенней.
И хоть не смог я всё успеть,
Но не осталось уж сомнений...
Неплохо, в мае умереть...

(Легендарный комбриг попал в засаду и погиб 23 мая 2015 года у села Михайловка, недалеко от Алчевска).

Сергей Якименко после отъезда комбрига ходил как неприкаянный по лесопосадкам, вокруг вырытых окопов, укрытий. Потом подошёл к Никите и высказал дерзкий, сумасбродный и в то же время спасительный план: среди бела дня без артподготовки, без бронетехники атаковать противостоящий блокпост ВСУ, называемый в сводках «Блокпост 13». Центральной фигурой этого плана была тётя Глаша. Серёжка извиняющимся тоном несколько раз называл её «Моя вторая мама». Ругал при этом себя нещадно, каялся, но возвращался раз за разом к идее захвата злосчастного блокпоста именно при её помощи.

ТЁТЯ ГЛАША

Им не хотелось втягивать тётю Глашу в опасную затею. Ведь она тяжело пострадала из-за этой проклятой войны. Её жизненная трагедия стала обычным рядовым эпизодом войны, которая притупила общественное сознание, превратила в привычное, ранее казавшееся невозможным. Она жила со своим мужем шахтёром-пенсионером в просторном добротном доме, в трёхстах метрах от блокпоста за полуразрушенной фермой. Их дом располагался на западной окраине небольшого посёлка, который выстроили семьи шахтёров, работавшие на соседней шахте. Выбирали место для постройки дома всей семьёй, вместе с мужем, готовящимся к выходу на пенсию, и дочкой, только-только вышедшей замуж. Земельный участок и окружающую природу бесконечно нахваливал восторженный муж, Пётр Тимофеевич. Однажды, в порыве восхищения благоденствием судьбы, так и сказал:

– В таком красивом месте и помереть не страшно.

Когда началась война, слова эти не раз всплывали в памяти Глафиры Сергеевны. И каждое такое воспоминание приносило тупую боль где-то глубоко внутри и трагическое предчувствие.

Пётр Тимофеевич тяжело болел распространённой шахтёрской болезнью – силикозом. После выхода на пенсию стал быстро сдавать. По ночам его мучил кашель, от которого болела и ныла вся грудная клетка. Жизнь в нём поддерживала тётя Глаша – парным молоком, мёдом с пяти ульев, что стояли на краю обширного участка. В последние месяцы его здоровье ухудшилось, он дни напролёт сидел у экрана телевизора и, натужно кашляя, повторял:
– Как же так!

А на участке этим первым военным летом яблони и вишни, посаженные Петром Тимофеевичем, дали первый урожай. Вначале созревающими вишнями любовались, несказанно радовались, но быстро и внезапно всё затмила война, непредсказуемо жестокая, сводящая на нет смысл созидания, смысл простых человеческих радостей, смысл жизни. В середине лета с запада стала бить артиллерия, с натужным воем прилетали тяжёлые мины, глубоко пробивавшие толстый слой донбасского чернозёма. Земля чёрными столбами взлетала в небо и покрывала деревья, дома, людей чёрным саваном. Посёлок быстро опустел. Жители бросали дома, имущество и спешно уезжали на восток, надеясь вскоре вернуться.

152-миллиметровый гаубичный снаряд прилетел беззвучно ранним утром и угодил прямо в спальню, в которой Пётр Тимофеевич, натужно кашляя, одевался к завтраку.

Тётя Глаша в это время доила любимую корову Дуньку, ласковую рыжую бурёнку, неизменно радовавшую хозяйку, дочку и зятя, двух внучек жирным ароматным молоком.

Взрывной волной ударило по стенам, снесло крышу. Осколки снаряда разметали всё внутри, раздробили мебель, выбили стену дома, ударили в тонкие стены сарая, стоящего напротив, острыми рваными рёбрами разорвали Дуньке кровеносные артерии и бросили грузную тушу прямо на тётю Глашу. Подбежавшие ополченцы вытащили её из-под коровьей туши, всю в крови. Филимоныч вспомнил свой афганский опыт исцеления раненых, уверенно, спокойно приговаривал:

– Щаас-щас мы тебя дышать попросим. Щаас-щас.

Когда тётя Глаша задышала и стала кашлять, Филимоныч ловким движением повернул её набок, снял кубанку и перекрестился...

Все предназначавшиеся тёте Глаше осколки остались в теле любимой бурёнки, подарившей ей вторую жизнь.

А вот Пётр Тимофеевич погиб мгновенно. Его тело, точнее его фрагменты, Никита, Сергей и Филимоныч с остекленевшими глазами собирали и заворачивали в бывшие некогда бело-синими простыни.

Ополченцы наскоро сколотили гроб и спешно накрыли его крышкой. Единственная их дочка Оксана с детьми находилась в России, в Воронежской области, и дозвониться до них не удалось.

– Куда уж ей с детьми сюда под бомбы... – повторяла и повторяла тётя Глаша.

С тех пор вот уже более двух месяцев тётя Глаша жила в полуразрушенной ферме. Никита с помощниками собственноручно оборудовал ей небольшую комнату, бывшую некогда кабинетом заведующего фермой. Починили участок крыши, вставили стёкла, затащили небольшую буржуйку. Из разрушенного дома принесли диван, стол, сколотили табуреты. Этой первой военной осенью уже в сентябре ночи стали сырыми, промозглыми, поэтому, когда в буржуйке заверещал огонь, пожирая куски добротного

донбасского угля, показалось, что пришёл конец её страданиям. В душе тёти Глаши, окружённой заботами ополченцев, поселилось какое-то удивительное чувство матери, решившей отдать всю свою душу, всю свою жизненную энергию этим отважным и бескорыстным мальчишкам. Она подолгу смотрела на пляшущий огонь, вытирала набегающие слёзы, потом губы её решительно и жёстко сжимались, высохшие глаза загорались такой решимостью и готовностью к жертве, что Никите, приходившему её навестить, становилось не по себе...

Так тетя Глаша стала полноправным членом команды Никиты и её «вторым эшеленом» (так выразился изобретательный на цветастые фразы Серёжка). С ней неизменно делились продуктами, приносили свежий хлеб, тушёнку, местную газету «XXI век», к ней забегали побриться, попить чайку. Она встречала ополченцев радостно, чувствовала себя нужной, ощущала тепло и сочувствие бойцов, потом провожала на позиции с какой-то застывшей скорбной улыбкой.

Когда два дня позиции взвода накрывал целый шквал артиллерийских снарядов и мин, тётя Глаша явилась в боевые порядки и принесла авоську, набитую разрезанными на полосы простынями и две бутылки крепкого самогона для обработки ран, тут же принялась перевязывать раненых. Потом, выждав короткую паузу в арталётах, решительно скомандовала:

— Давайте-ка всех несём ко мне. Я там всё подготовила.

Так тётя Глаша создала настоящий полевой госпиталь, в котором до конца ураганных обстрелов содержалось восемь раненых ополченцев.

Комвзвода в очередное посещение тёти Глаши размечтался о тех временах, когда война стихнет, и предложил ей уехать с ним в спокойный Саратов, пожить там в тишине и спокойствии, порадоваться саратовскому солнышку, кра-

савице-Волге. Тётя Глаша совсем растрогалась. В Никите и многих его бойцах она видела близких, родных людей. Всею душой чувствовала, что о ней будут обязательно помнить и заботиться, как бы не сложилась её и их судьба.

Когда Серёжа с Никитой пришли к ней и рассказали честно и откровенно о своих планах, о приезде комбрига, тётя Глаша разругалась, словно её порадовали, ошастливили, дали возможность быть полезной и свершить справедливое возмездие.

По замыслу, захватить объект надо было среди бела дня. Пока на блокпосту стояли солдаты из ВСУ, это было нереально. Но после прихода на него батальона «Азов» всё изменилось. Их смена совпала с объявлением очередного перемирия. Может поэтому, они в первый же день стали демонстративно «проставляться» беспорядочным огнём из всех стволов.

Кроме того, боевики нарушили установившееся было правило: пропускать мирных жителей, женщин, дедушек и бабушек, чьи семьи оказались разделёнными непримиримой линией фронта. Часть жителей они пропускали, но при этом отбирали у них продукты и вещи, не гнушаясь разным барахлом. В течение нескольких дней ручеёк пересекающих линию фронта мирных жителей иссяк. Они переориентировались на блокпост в районе посёлка Счастье, где проход был более безопасным. Это был дальний обход, люди теряли время, силы, но иного выхода не было.

Особо злобствовал высокий, крепкий телом «азовец», командир взвода, по кличке Шакал. Похоже, этот людоед даже гордился такой кличкой. Во время дежурства его взвода с блокпоста слышались пьяные выкрики, вселенский мат и утробный гогот перепившихся боевиков. Напившись, азовцы буквально сатанели. И после пика пьяных подвигов, сопровождавшихся беспорядочной стрельбой, пьяными воплями, боевики наконец выдохались. На блокпосту после

бессмысленной пальбы в белый свет наступала тишина, которую сменял нестройный топот и шарканье сапог приближавшейся смены.

На это и рассчитывал расчет Серёжка. Его примитивный и дерзкий план состоял в том, чтобы напоить бандитов и взять блокпост без особого шума за полчаса до пересмены.

Предложения Серёжки были предельно просты и рассчитаны на психологию этой безумной гражданской войны, на которой жестокость и насилие настаивались на пьяном угаре. Пьяные «нацики» всем коллективом входили в особое состояние, в своеобразную, созданную алкоголем дикую реальность, в которой они избавлялись от страха быть убитыми и обретали виртуально небывалую власть над «ватниками».

Центром психологического плана разведчика Якименко было пятнадцать бутылок водки и пара килограммов подкопчённого сала. Попадание такого «комплекта» на вражеский блокпост за час до смены – вернейший способ превратить вражеский гарнизон в кучку сброда, в людей неспособных адекватно отреагировать на вторжение диверсантов. Штурм не включал артиллерийскую подготовку и стрельбу групп снайперов. Всё выглядело так, словно далёкий от военного дела специалист по борьбе с бандитскими группировками спланировал психологически проработанную акцию с воздействием на бандитов психотропных веществ, к которым отнесли водку знаменитого украинского разлива «Мягков».

Никита послал донесение и к концу дня получил ответ. Начальство план Сергея не поддержало, но не возражало, если они сами рискнут осуществить бесшумный захват объекта, а потом, в случае удачи, вызовут подмогу, либо оставят объект, выведя из строя и заминировав основные узлы обороны. На том и порешили. Единственное, что су-

мел выпросить Серёга себе в помощь, это командирский АПС (автоматический пистолет Стечкина) в большущей пластиковой кобуре и ящик наступательных гранат РГД - 5.

Получив желанный «Стечкин», Сергей удалился в лесочек, расстелил на траве кусок ткани и принялся перебирать своё хозяйство. Вытащил длинноствольный пистолет из кобуры, попробовал его на вес – больше килограмма, разложил рядом коробчатые двухрядные магазины. Рядом уложил в каску новые, словно игрушечные, блестящие патроны 9х18. Перезарядил ими все обоймы. Со стороны можно было решить, что он вершит какой-то магический ритуал. На каждый патрон он заботливо дышал, потом протирал его белоснежным кусочком бинта, беззвучно шевелил губами, отсчитывая ровно двадцать штук в каждую обойму. Шептал каждому патрону ласково:

– Не подведи, пожалуйста, не подведи. Дай мне пожить ещё немного, не дай мне погибнуть, прошу тебя. Ладненько? Ну, просто очень прошу...

Он испытывал к этим крошечным орудиям смерти какое-то странное родственное чувство. В тот же день они отошли с Филимонычем подальше в лесополосу, где Сергей отстрелял целую обойму, исполняя его назойливое наставление:

– В ближнем бою ставь только на автомат (стрельбу очередями), иначе будет получаться один выстрел за две секунды. А тебе надо за секунду хотя бы две пули посылать...

ШТУРМ

Расчёт оказался верен. Нацисты первым делом заставили, для проверки (не отравлена ли?) выпить бабушку полстакана водки. Потом отобрали обе авоськи и вытолкнули её за пределы блокпоста. Спустя полчаса, после того

как демонстративно громко стенающая тетя Глаша, лишённая двух сеток с бутылками водки и двух шматов сала, проследовала через блокпост, оттуда послышался пьяный гогот. Через сорок минут, за час до пересмены, к блокпосту проследовал велосипед с бестолковой женщиной, наряженной в лиловый жакет, коричневые чулки и чёрную юбку ниже колен. Серые букли небрежно завитых волос, падающие на тщательно выбритые и нарумяненные щёки, огромные солнцезащитные очки довершали картину эксцентричной бабули, решившей проехать через пьяный блокпост. Это был Серёга, под его жакетом на уровне живота едва просматривались две выпуклости – АПС и гранатная сумка, подвязанные к поясу на капроновой верёвке.

Никита и пятеро бойцов сели в две старенькие машины, припрятанные в перелеске. Это было тяжёлое ожидание. Когда рядом с машинами громко заверещал сверчок, сапёр Яша нервно передёрнул затвор, вгоняя патрон в патронник. Сверчок мгновенно замолчал, и Никита стал про себя считать секунды. На счёт сорок пять со стороны блокпоста послышались частые, слитные пистолетные выстрелы. Обе машины с оговоренным интервалом в сорок метров рванули по шоссе, в каждое мгновение готовясь получить очередь в лобовое стекло.

На блокпосту их ожидал Сергей. Его палец судорожно нажимал на спусковой крючок. Патроны давно закончились. Да и стрелять было не в кого. Живых на блокпосту не осталось. окопы вокруг блокпоста тоже оказались покинутыми. Видно, оставшиеся в них боевики благоразумно решили в бой не вступать.

Вражеский блокпост, их вожделенная цель, был взят вопреки всякой военной логике, как и многое другое, что случалось на этой безумной войне. Никита сразу приказал собрать все боеприпасы, что могли бы им пригодиться. Благо всё оружие, которым воевали они и ВСУ было совет-

ского производства, всё выпускалось одними и теми же предприятиями. И кто знал, что этим оружием будут друг друга истреблять люди, бывшие совсем недавно гражданами одной страны...

Среди трофеев оказалось два крупнокалиберных пулемёта ДШК. Их прихватили с собой, вместе со снаряженными пулемётными лентами.

В нишах, вырытых рядом окопов, обнаружилось четырнадцать противопехотных мин и два ящика наступательных гранат. Мастер-взрывник Яша Погосян тут же расставил дюжину растяжек, подготовил мины к подрыву.

Через три часа ополченцы уже отбивали контратаку озверевших националистов. Никита знал, что совсем недавно батальон «Азов» преобразовали в полк, набрав в него, по выражению Филимоныча, «отборную нечисть».

О том, что они разворотили осиное гнездо, ополченцы поняли спустя несколько часов после «халявного» захвата блокпоста. А это было крайне неприятно, поскольку к боевикам стала присоединяться бронетехника украинской армии. В бинокль можно было наблюдать, как позади позиций батальона «Азов» начали устанавливать восьмидесятидвухмиллиметровые миномёты и подтащили несметное количество ящиков с минами. Эти обстрелы можно было бы стерпеть, если бы через пару часов враги не привезли стодвадцатимиллиметровый миномёт. А это стало для ополченцев настоящей трагедией. Потому что стодвадцатимиллиметровая мина – это «не просто убийца, а стиратель жизни», как выразился Сергей Якименко. Скоро появились танки. Один из них выполз прямо на шоссе и стал бить прямой наводкой метров с восьмисот. Спасения не было.

И Никита дал приказ на отход на свои позиции. Собственно, такой вариант он заранее согласовал с комбригом.

Через двадцать минут люди покинули блокпост. И во время. С запада слышался рёв танковых моторов, в небе вновь завывали мины двадцатого калибра.

К своим позициям бежали врассыпную, опасаясь пулёмётных очередей в спину. Среди вернувшихся не досчитались только Серёжку... Все видели, как он выходил демонстративно неспешной походкой с вражеского блокпоста. Потом Яша вспомнил, что он зачем-то возвращался, похоже, что-то он там забыл.

Филимоныч, шедший в замыкающей группе успокоил:

– Серёжка шустряк, вернётся. Не может он просто так пропасть.

Сергей Якименко не вернулся.

Потом выяснилось, что вернулся он за забытой коробкой с автоматными патронами калибра 7,62, которые были для него манной небесной. Не мог он их оставить. На выходе из блокпоста 13, он нутром почувствовал грозную опасность и побежал к своим что есть сил. В этот момент его накрыла коварная мина из «василька», рванувшая прямо над головой. Сергей провалился в тёмный грохочущий мир, за долю секунды успев понять, что ему грозит самая главная и самая страшная опасность – попасть в плен...

Первым его движением после возвращения сознания стала попытка вытянуть из разгрузки гранату с ввинченным взрывателем и выдернуть чеку. Он успел это сделать, успел страстно поблагодарить все Высшие силы, что дали ему этот славный шанс – умереть достойно.

Никита сел было за рацию, чтобы доложить комбату об исполнении задуманного, как вдруг услышал ропот своих бойцов. Все они столпились у переднего ряда бетонных блоков. Никита поднял бинокль и, предчувствуя самое для него страшное, омертвевшими руками навёл резкость. Новенький элитный охотничий бинокль – подарок командира батальона «Заря» сыграл с ним злую шутку, словно кто-то

невидимый нанёс удар глубоко в самый центр его тела, со злобной силой, не оставляющей шансов на исцеление.

В окуляры было отчётливо видно, как на верхний, третий ряд блоков блокпоста 13 подняли, словно большую тряпичную куклу, бесформенное тело, обёрнутое в разодранный камуфляж. О том, что этот окровавленный кусок плоти совсем недавно был человеком, говорила неестественным образом вывернутая рука, свесившаяся с самого верха и оставившая кровавый след на щербинках бетона. Не было сомнений и в том, чья это была рука. Многократное увеличение окуляров позволяло рассмотреть татуировку на тыльной стороне ладони – лучи восходящего солнца и радиальное расположение букв «ЗАРЯ». Это был его друг, ставший в эти дни прозрения частичкой его «я», разведчик Сергей Якименко.

И вот теперь его тело висит на бетонной стенке. Над ним глумились нелюди, которых теперь ему, Никите, надлежало наказать. За это он должен, просто обязан наказать их смертью. С этой самой минуты это стало для него самой важной в мире целью, главной молитвой. Весь мир вокруг стал другим, призрачным, нереальным. Он обращался с молитвой, просил Господа Бога дать ему шанс, пусть самый малый – ворваться на вражеский блокпост, истребить врага, забрать тело друга и похоронить с воинскими почестями. Всё остальное остановилось и превратилось в серо-белые плоские декорации игрушечного мира. Где-то глубоко внутри утвердилась уверенность: он всё сможет, он отомстит этим подонкам и похоронит тело друга достойно, как он того заслуживает. И уйдёт его друг в могилу отмищённым, успокоенным.

Никита сжал бинокль, ощутив, как из под ногтей левой руки продавилась яркая, с оранжевым отсветом кровь.

Почувствовал, как качнулась земля, и, чтобы позорно не свалиться, сполз вдоль бетонной стенки. Словно через

толстый слой ваты услышал, как заработал «Утёс» и в такт ему застучали, зловещим рокотом разрезали воздух все 19 «калашниковых» его товарищей.

Удушливая волна накатила таким непреодолимым валом, что стало трудно дышать. Казалось, мир вокруг рухнул и никак не желал восстанавливаться. Всё стало серым ненадёжным, хрупким...

ДАТЬ ШАНС

Никита прополз расстояние до «Утёса», на корточках оббежал, старательно пригнувшись, всех стрелявших, собрал всех в кружок и скомандовал: всем выполнять его приказ. Потом снял с себя бронежилет. Отложил в сторону свой автомат. Собрал в сумку от противогаза дюжину наступательных гранат. Одну – Ф-1 с ввёрнутым взрывателем уложил в левый карманчик разгрузки. Затем добавил к своему Макарову изъятый у Филимоныча ещё один пистолет, постарше возрастом, весь истёртый до матовой серости, положил в правый боковой карманчик разгрузки три запасных обоймы. Вспомнились слова Филимоныча, всего неделю назад наставлявшего новичков, из которых половина не прошла службу в армии:

– Выбросьте из головы все картинки из фильмов, как там от взрыва гранаты на десять метров тела людей летят и пламя всё вокруг сжигает. Всё это пиротехника. Сам взрыв – простой хлопок, никакого пламени, и осколки, если даже очень захочешь, не заметишь. Зато если граната внутри комнаты рванёт, то давлением может просто мозги выдавить. И запомните, в наступательной гранате РГД-5 взрывчатки в два раза больше, чем в оборонительной – 110 граммов. А в Ф-1, всего шестьдесят граммов. Зато от взрыва Ф-1 осколок может на двести метров пролететь. А от

РГД-5 – всего на тридцать. А потому, если в разведку идёшь – побольше наступательных и Ф-1 одну про запас, для себя – поскольку в плен к уродам сдаваться нельзя, это запомните. Её, спасительницу, надо всегда в самом удобном месте держать, в разгрузке – поближе к сердцу и обязательно – с ввинченным взрывателем.

Никита, ругая себя, всё же медлил, где-то глубоко внутри зрел и наливался силой облик Серёжки, живой, бодрый, словно вселившийся в сознание, вошедший в душу и плоть. В замедленном темпе вскрыл гранатный ящик, одну за другой выковыривал пластиковые заглушки из тел лёгких для его руки, казавшиеся почти невесомыми гранаты, ввинчивал в отверстия взрыватели.

Уподобляясь Васильичу, главному спецу по огневой подготовке, взял один из запалов, отогнул усики, выдернул чеку и бросил далеко за обочину. Раздался громкий хлопок. Живём! Значит, партия взрывателей в норме.

Потом вновь перебрал свои любимые РГД-5. Взвешивал каждую зелёную тушку с твёрдым глянцевым ободком посередине. Аккуратно вынимал заглушки и ввинчивал в отверстия серебристые запалы с ребристой головкой. Каждую гранату ласково гладил, как любимого домашнего зверька. Гранаты отсвечивали ему глянцевыми боками и при укладке в гранатную сумку, глухими благодарственными звуками.

Воспользовавшись паузой в артобстреле (похоже, нацисты подсчитывали свои потери), собрал всех бойцов вокруг себя. Пояснил:

– Минут через сорок ударим по ним из всех стволов. Главное – у нас есть два восьмидесятимиллиметровых миномёта и девяносто восемь мин. Их хватит на десять минут стрельбы. Так что «духи» (сам не понял, почему назвал тех «духами») залягут в траншеи и минут десять не смогут поднять головы.

Мы с Льюисом и Макаром проползём слева от дороги вперёд метров на сто. Вот тогда дам вам отмашку. Дальше поползу один. И мне потребуется 10 минут поддержки огнём. Когда Макар, а потом Льюис сделают по два выстрела из РПГ-7 – бейте из всех стволов. Патронов не жалеть. Я доползу и положу всех гадов гранатами. Как услышите взрывы и пистолетную стрельбу – срывайтесь и вперёд! Не сомневайтесь, я управлюсь и дождусь вас там... И тело Сергея заберём, похороним достойно.

Никита полз по небольшой поливной канаве, отрытой трактором для полива лесопосадок, как казалось, совсем недавно. Время непостижимым образом изменилось. Все события, люди, мелкие кузнечики в пожелтевшей траве стали двигаться медленно, лениво, словно заснули. Воздух уплотнился, превратился в густую осязаемую субстанцию, которую надо было преодолевать с серьёзным усилием. Повернувшись вправо и назад, Никита увидел, как в замедленном кино, две гранатомётные вспышки, выбросившие фугасные снаряды в сторону проклятого блокпоста. Понял, что пришёл его черёд. Встал на четвереньки и побежал. Вспомнились весёлые детские гонки по пляжу по жёлтому карьерному песку в родном Затоне. У него получалось тогда быстрее всех...

Выручало и то, что он ещё на учебке научился бросать макеты гранат дальше всех. Пристроившись за едва приметным земельным холмиком, разложил неровными рядками гранаты. Выверенными движениями распрямил запальные усики.

Когда бросал первую округлую «посылку» из положения лежа, совсем рядом натужно затренькали пули: его заметили. Зато третью и четвёртую гранаты он бросал стоя в полный рост.

Боковым зрением, наклоняясь за очередной гранатной тушкой, замечал, что каждая брошенная граната была густо

замазана его кровью. Похоже правую ладонь он серьёзно порезал, когда бежал на четвереньках. А сейчас, в состоянии восторга и в замедленном темпе увидел, как летящее округлое тело гранаты сбросило с себя каплю густой тёмной крови, чёрным пятнышком мелькнувшее на фоне белёсого неба. Руки сами выполняли задуманный план чётко и быстро. Совершенно отдельно от тела напористым потоком шли мысли, губы непроизвольно выдавали слова, больше похожие на странную молитву:

– Господи, освяти кровь мою! Дай мне сил покарать этих нелюдей!

Всё последующее вспоминалось одной колеблющейся деформированной картиной, словно отражённый горячий воздух, покидая землю, горячий асфальт, дымящиеся серой пылью сколотые бетонные блоки, расплавил и исказил картину смерти и разрушений. Перед глазами колебались струи горячего воздуха и воспаряли вверх, милосердно размазывая изображения разбросанных окровавленных трупов в обрамлении мелких осколков бетона, скомканных кусков обмундирования, расщеплённых и разбитых автоматов, лежащего на боку безоткатного орудия. В руках у Никиты было по пистолету. Каждый из них с непостижимой скоростью выбрасывал пули, Никита выстрелов не слышал, только ощущал рывки ствольных коробок, отбивающих такт смертельной музыки.

Слух не воспринимал криков и стонов раненых, контуженных. В голове звучал лишь голос старого вояки Филимоныча:

– Контрольный в голову – это обязательно. А то раненый дух очухается и шмальнёт тебе в спину. Контрольный... Держи это в своей башке как «Отче наш»...

Через несколько минут увидел, как толпой на проклятый блокпост вбегали ополченцы, его бойцы с Филимонычем во главе. Обрадоваться этому он не успел, так как

внутри щёлкнул какой-то переключатель и кто-то невидимый выдернул изнутри жизненный стержень. Дальнейшее он помнил какими-то рваными фрагментами. Словно неведомые силы превратили его в бездушного оператора, ведущего документальную съёмку на редкость кровавой войны. Он попытался взвалить на себя тело Серёжки, но его тут же качнуло в сторону и бросило на асфальт. Теперь время побежало по другой траектории – все люди, ополченцы во главе с Филимонычем стали двигаться многократно быстрее, чем он. Всего минуту назад казалось, что они еле передвигают ноги, вяло, лениво перепрыгивают через разбросанные по блокпосту тела. Теперь же всё вокруг ускорилося. Сознание его только автоматически отмечало, что его поддерживают и подталкивают, а сам он натужно передвигает по асфальту онемевшие ноги. Филимоныч скрипучим голосом покрикивал:

– Щас двадцатыми жажнут, всех порубают. Все бегом, бегом, кто ишшо пожить жалает!

Они успели...

Первые мины завыли в воздухе, когда они уже миновали ржавый обгоревший остов длинномера, означавшего границу их обороны. Все были живы. Все девятнадцать бойцов. Двадцатый, Серёжа Якименко, чьё тело сейчас несли четверо бойцов, тоже был с ними, мёртвый, но его тело Никита с бойцами смог спасти от издевательств, от невыносимой пытки, на которую способны только нелюди. Они заплатили за всё.

Ополченцы сползли в придорожные кюветы, оттуда – в окопы, кустарник и лесопосадки, спасаясь от бешеного артобстрела, от смертельных осколков, прилетавших со всех сторон. И тут контрудар нанесли танки с намалёванными звериными мордами. Первая группа из трёх танков шла прямо по шоссе. Следом, прижимаясь к обочинам, двигались боевые машины пехоты. Левый

из головных танков напоролся на фугас, выбросивший вверх и влево облако жирного чёрного дыма с вкраплениями ярко-оранжевых всполохов. Тело танка лениво взлетело в воздух и боком приземлилось на обочину. Справа из лесопосадок разом выстрелили два факела пламени – это сработали СПГ-9. Шедший в центре танк осел и будто ткнулся в невидимую стену. Через несколько секунд чудовищной силы взрыв сорвал башню и бросил её вперёд на двадцать метров.

Огромная многотонная башня с толстым длинным стволом орудия летела медленно, вращаясь подобно брошенной детской игрушке на игрушечной войне. Из неё выпали человеческие останки, словно кто-то решил, что отслужившую марионетку можно выбросить из этой заканчивающейся игры.

Никита, чей мозг уже не успевал верно оценивать происходящее, в этот момент пробился наконец по радиации в дивизион ополченческих гаубиц. Прокричал в микрофон что-то невнятное, но означавшее гибель всех его людей, если не будет артиллерийской поддержки. Отмечал, словно со стороны ход боя. Вот левый танк дважды выстрелил по обнаружившим себя гранатомётчикам. Двое из них, включая Николая, свалились, словно кто-то невидимый с чудовищной силой отбросил их тела в разные стороны. Тяжёлый танковый снаряд, летящий с огромной скоростью, срезал ему правую ногу и, не разорвавшись, ушёл через лесополосу в степь.

Обходя подбитые танки, на первый план выдвинулись вражеские боевые машины пехоты. Чувствовалось, что в этих грозных машинах были лучшие механики-водители и операторы-наводчики. Крупнокалиберные танковые пулемёты очень точно ударили по позициям укрепрайона 14,5-мм пулями, пробивающими насквозь мешки с песком, разби-

вающие в мелкие куски остатки бетонных блоков, Никита только успел скомандовать всем обороняющимся: покинуть ячейки, отойти в окопы и вырытые щели.

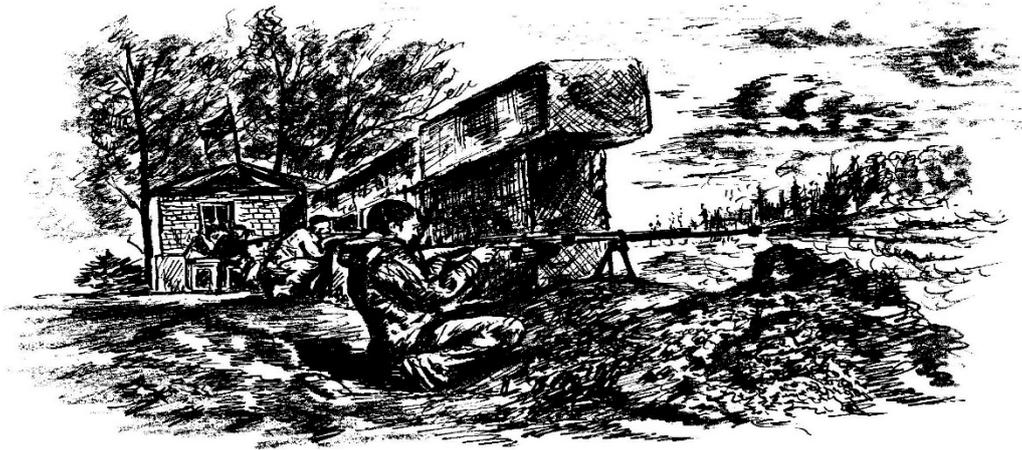
– Неужели конец, неужели он, Никита, не справится? Неужели слёзы женщин, целовавших его руки, растворились, ушли в песок, канули в бездну? – Горечь от украденной победы ударила в мозг. Комвзвода выпрямился в полный рост и побежал к ячейкам, в которых были тщательно замаскированы пульта для подрыва фугасов. Надеялся, что взорвав фугасы даже на некотором отдалении от БМП, удастся сбить прицелы и пугнуть матёрого врага.

Его заметили и стали бить прицельно. Горячие волны от пролетающих у виска пуль обжигали, словно плазменные предвестники неминуемой смерти. Но какая-то высшая сила берегла Никиту. Видно, не всё он ещё сделал из предназначенного.

Об этом же подумал Васильич, нажимая на заветные кнопки подрыва фугасов.

Об этом думал и бронебойщик Фёдор, несмотря на истошные крики своего второго номера Мити: «Стреляй, дядя Федя! Ведь погрём! Все погрём!»

В этот критический момент чётко, с ровным интервалом, несколько раз ударило его легендарное ружьё. Первая бронебойно-зажигательная пуля пробила броню левого БТРа, угодила в механика-водителя и застряла в броне у ящика с боезапасом. Вторая ударила в височную кость командира машины. После двух последующих попаданий БМП густо задымила и, съехав на левую сторону от дороги, ткнулась в мясистый ствол придорожной осины.

Вторая БТР-80 дала задний ход. Видно, механик-водитель почуял запах смерти. На той стороне хорошо знали о бронебойщике, который не давал никаких шансов прорыва. Наводчик стал лихорадочно разворачивать ствол пулемёта в поисках бронебойщика. Но было поздно. Пуля ударила со стороны механика-водителя, разбила приборную доску и зашипела в боеукладке. Первым из БМП выскочил командир, вытолкнув своё непослушное, скованное страхом тело через полукруглый люк. За ним через бортовые двери посыпались остальные десантники. Последний из них ухватил раненого механика-водителя и потащил к выходу. В этот момент сработал взрыватель одной из трёх противопехотных мин, опрометчиво уложенных в боеукладке. Бронированная машина, словно живой раненый монстр, присела, прижалась к асфальту шоссе и через долю секунды, срывая приоткрытые люк и бронированные двери, выбросила два могучих факела пламени, смешанных с чёрным дымом. Звук взрыва, разрывая перепонки, прозвучал словно слитный звук сотни литавров сошедших с ума военных оркестров.

В этот момент вся земля вокруг вражеских позиций начала медленно, словно в замедленном кино подниматься выше, выше, покрывая всё пространство вокруг чёрной россыпью осколков, смешанных с жирным донбасским чернозёмом. Это ударила артиллерия ополченцев. Знамени-

тый командир отдельной артиллерийской бригады Александр Бабич наконец решил сказать своё веское слово. Над позициями ВСУ зависло два беспилотника необычной формы.

– Наши! Это наши корректировщики, – закричал мальчишеским срывающимся голосом новобранец.

Вражеская атака захлебнулась кровью атакующих. Около чадящего БТРа кто-то громким мальчишеским голосом кричал с надрывом – просил о помощи. Но никто на помощь не спешил. Все знали и ощущали – прощения и снисхождения не будет. Высовываться под огонь никак нельзя...

СИЛА ЖИЗНИ

Никита был жив, только получил несколько касательных ранений. То, что он остался жив после второго штурма блокпоста 13, всем казалось чудом. Он упал, прополз несколько метров и скатился за обочину, в придорожную канаву:

– Нет, ребята, ещё не выполнил я своего предназначения – дать шанс. А тем, со звериным оскалом, брошу одно, презрительное: не достанете вы меня, не надейтесь.

Только судьба распорядилась иначе. Когда обессиленный Никита прилёг в ложбинку в нескольких метрах от позиций, а Петя Захватов побежал за порцией воды для него, в трёх метрах рванула последняя в этом бою мина, двадцатая... Через минуту едкий дым рассеялся и Филимоныч подбежал к распластанному телу – у комвзвода шла кровь горлом и из ушей. Петя, застывший с флягой в руке у ложбинки, осипшим плаксивым голосом сказал:

– Ну вот, теперь встретятся на том свете два друга, Никита и Серёга, никак видно не могут расстаться...

Через сорок минут Никиту, Николая и ещё двух раненых гранатомётчиков увезли в госпиталь в Стаханов. Мало кто верил, что тяжелораненые выживут...

Никита был контужен, сгоревшая оборванная одежда ключьями свисала с носилок. Один из бойцов, грузивших раненых в машину, сообщил, что с комвзвода ключьями слезала обгоревшая кожа...

В темноте беспомощности перед Никитой метались знакомые лица живых и мёртвых. Среди них на первом плане – Серёжка Якименко. Оторвавшись от созерцания собственной татуировки «ЗАРЯ», он поднял на него взгляд, в котором непонимание и отрешённость сменились осмыслением случившегося. Этот взгляд наполнился какой-то внутренней силой и благодарностью: «Спасибо, Брат!»

Несколько раз в палату приходили его фронтовые друзья. Первым пришёл Пётр Васильевич Наливайко. Долго сидел на заботливо пододвинутом медсестрой стуле и всматривался в лицо больного. Натужно кашлял и рассказывал, как после тяжёлых боёв и его ранения на их участке фронта неожиданно установилась тишина. К ним стали заглядывать разные комиссии из ОБСЕ. Седовласые эксперты ходили по укрепрайону, замеряли глубину воронок, цокали языками и что-то лопотали по-своему. Комбриг потом рассказал: наблюдатели заявляли, что ранее не видели таких ожесточённых боёв и обилия воронок от снарядов и мин. Они посчитали, что все защитники укрепрайона должны были погибнуть.

На следующий день пришёл Филимоныч. Постоял у дверей, разминая красноверхую кубанку в руках. Потом помахал призывно рукой, и в палату бочком вошла тётя Глаша. Она робким шагами подошла к кровати и порывистым движением попыталась обнять раненого. Мгновением ощутила исходящий от него дух тления и зарыдала во весь голос. Медсестра и Филимоныч вывели её в коридор успокаивать. А в Никите боль от неловких движений тети Гла-

ши лишь пробудила желание закрыть глаза и поплыть по волнам детских воспоминаний о солнечных днях на берегу Волги в Затоне, о живых струйках воды, омывающих ноги... Он любил это воспоминание, эту живую картинку из детства. Одновременно он понимал, что картинка эта влечёт, манит его в тот мир, в котором не будет боли, операций, капельниц и жгуче болезненных отдирааний бинтов от гноящихся ран.

Последними ночами Никита впадал в странное, тревожное состояние. Чаще всего приходил Серёжа Якименко, садился на краешек кровати и благодарил, заглядывал в глаза. Ругал себя за промашку с возвратом на проклятый блокпост. Уходил, прощаясь, одним движением отталкиваясь от панцирной сетки: «Держись, Брат!»

Потом всё закрывал чёрным куполом большой бесшумный взрыв. И Никита проваливался в чёрную удушливую пустоту, откуда выкарабкивался с трудом, теряя последние силы.

Врачи, выведя его из комы, надеялись на постепенное восстановление всего организма. Возвращалась память, заботливо показывая важные моменты, вехи его жизненного пути. Однако тяжёлая контузия и полное истощение всех сил сводили на нет усилия медиков и его собственного организма.

Никита угасал.

Сознание работало предельно чётко, пронзительно высвечивая картины из прошлого. А настоящее воспринималось отстранённо, словно Никита со стороны наблюдал за своим телом в старой больничной палате с облупившимся потолком и сырым, пахнущим плесенью воздухом. Однажды утром, во время врачебного обхода, Никита услышал спор врачей, один из которых настаивал на его перевозке в Ростов на Дону. Второй голос, принадлежащий главному врачу, утверждал: пациент просто не выдержит этого переезда. Никита воспринял этот спор как свершив-

шийся вердикт, но не испытал при этом ни отчаяния, ни горечи. Где-то глубоко жило покрывающее все боли и невзгоды осознание – он исполнил свой долг достойно. И теперь не так уж важен финал его жизни...

Как выяснилось, не так думал об этом другой человек, судьба которого прошла по касательной, но потом какой-то неведомой силой развернулась в его сторону. Произошло это в тот момент, когда Никита уже устал бороться. Этот человек, Марина, словно фея из сказки, оказалась неожиданно сидящей на краешке его кровати и держащей его правую ладонь своей мягкой тёплой рукой. Её горячие слезы струйками потекли на его руку, и случилось чудо. Никита вдруг ощутил, что тепло солёных струек превращается в жизненный сок, который побежал от её ладони внутрь его тела. Вот этот жизненный сок достиг сердца, и оно заработало с новой силой, ритмично, уверенно направляя поток крови в мозг, желудок, в мышцы. Что за несусветную глупость говорят кардиохирурги о сердце, как о насосе для перекачки крови. Неправда! Сердце повинуется Душе и ещё каким-то таинственным, неведомым силам. Сердце способно решать – жить ему или не жить. Сердце может отторгнуть жизнь, а может и принять жизненный сок и направить живительную силу, возрождая бережно и нежно каждую клеточку. Марина невольно ощутила этот ток жизненного сока и смущённо опустила руку. Никита пробормотал:

– Нет-нет, наоборот, держи меня покрепче. Тогда, может, останусь в этом мире. – Так пролетело несколько минут. Щёки раненого слегка порозовели, с них разом ушла мертвенная бледность, синюшные губы налились свежей кровью. – А чем так вкусно пахнет? Неужели это те самые блинчики со сметаной и мёдом?

Марина быстрыми порывистыми движениями стала доставать и укладывать на тумбочку стопки блинов на тарелочке, сметану, баночку с мёдом, малосольные огурчики. Решительно наклонилась над раненым, подложила допол-

нительную подушку под голову, и поднесла верхний румяный блин к его губам.

Никита проглотил его так, словно впервые за последние годы ощутил настоящий вкус еды, вкус жизни.

После третьего блина Никита обессилено откинулся на подушку:

– Прости меня, пожалуйста, сколько дней прошло со дня гибели твоего Николая? Наверное, скоро 9 дней отмечать...

– Через неделю будет сорок дней. Будем поминать... Но ты не смущайся. Николай успел тебя по-настоящему полюбить. Он мне рассказал, как ты его хотел отправить со своего участка, поскольку знал, что там бойня будет. Говорил, что ему белой завистью завидуешь и хочешь его спасти. Благодарен он тебе за это, – Марина зачерпнула ложечку мёда. Ты меня прости, я слишком сильно горевала. А так нельзя, за тобой надо было ухаживать. Ведь вся твоя родня там, в Саратове. Ты не только им – нам всем живой нужен. Нельзя, чтобы ты вслед за Николаем ушёл. Понимаешь – нельзя! Ты нужен! О тебе столько людей думает, и так Бога просят, чтобы дал тебе жизнь!

С этого дня Никита обрёл новое жизненное измерение, почувствовал особый вкус жизни. Время, протекавшее в последние дни и недели тягуче и монотонно, вдруг оживилось, словно, в его слабеющую речушку сильным притоком влилась другая, более могучая река, дающая новое мощное течение.

Ночные беседы с Сергеем Якименко прекратились. Изредка, просыпаясь среди ночи, Никита слышал удаляющийся голос: «Спасибо, Брат!!!»

Марина стала приходить каждый день, принося в каждое посещение особым образом приготовленные блюда. Поясняла: все боевые друзья добывали ей продукты, щедро снабжали деньгами. Больше всех старались два ветерана Пётр Васильич и, конечно же, Филимоныч. Несколько раз

приезжала тётя Глаша привозила молоко и сливки от подаренной ей ополченцами молодой бурёнки. Марина щедро угощала всех пятерых соседей по палате, благо продуктов хватало.

Просыпаясь ранним утром, Никита просил всех святых, чтобы сегодня опять пришла Марина. Ему нужно было только одно: уловить её взгляд, ощутить исходящий от неё аромат, силу энергии жизни... Каждый её уход казался ему жизненной трагедией, которую предстояло переживать бесконечно долго – до следующего дня... Однажды он записал в своём заветном блокноте:

– Неожиданно, на самой грани жизни между мной и Мариной выросло бесплотное связующее жизненное полотно. Оно бесплотно, но всесильно, сумев забрать меня из объятий смерти. Это какая-то мистическая, могучая жизненная сила, заворачивающая своим величием, Спасибо тебе, Господи, за самую возможность ощутить это!

ГЛАЗА ДЕТЕЙ ВОЙНЫ

Никита начал вставать и попытался ходить. Ему было очень важно избавиться от унижительных хлопот, когда ему приносили и подкладывали судно. Непривычно и тяжело было справлять нужду. Все эти процедуры лишали сил, притормаживали надежды и навевали образы инвалидов, заполонивших Россию после Великой Отечественной войны. Эти сцены увидел комвзвода в одном из современных фильмов и воспоминания об этом фильме навязчивой волной накрывали его, принося боль и сомнения. Он словно вновь встал перед новой тревожной необходимостью выбора.

Но этот выбор за него сделал кто-то другой. А случилось это так.

Однажды ранним утром в палату Никиты вошла Марина, привычным жестом приоткрыв дверь и пронеся к никитиной тумбочке банки и тарелочки с кулинарными изысками. Однако дверь она необычным образом оставила открытой, что никак не соответствовало её аккуратным привычкам. В оставшейся открытой двери очень осторожно проявились детские глаза. Комвзвода эти глаза отметил и привычно повернул лицо к Марине, намереваясь хотя бы взглядом раскрыть свою благодарность. Но через секунду глаза вернулись к двери, потому что следом за одной парой детских глаз на нём сосредоточили небывалую силу внимания ещё две пары детских глаз. Они смотрели с грустной надеждой и глубинной мудростью, свойственной только детям, увидевшим лики войны и познавшим горечь утрат, ещё не ощутив радостей обычной человеческой жизни.

Трое детей, незаметными движениями подталкивая друг друга, вошли в палату. Три детских голоса сказали «Здравствуйте». Дети подошли к Марине, раскладывающей продукты у тумбочки Никиты, и остановились в смущении. Подошедший первым мальчик лет семи представился:

– Товарищ командир, меня зовут Семён, а Марина моя мама. Со мной вот ещё сестрёнка Ирина и мой новый братик, Миша. Стоящий рядом мальчик лет пяти неловко повернулся правым боком к кровати, и Никита увидел, что у мальчика нет правой руки. Грубо наложенные на культю швы выше локтя были пронзительно ярко освещены солнечным лучиком, заглянувшим в больничное окно. В сознании мальчика сохранилось инстинктивное мужское правило, привитое погибшими родителями – пожать руку. Теперь правой руки не было. Один из осколков крупнокалиберного снаряда срезал её начисто. Остальные осколки убили Мишиных родителей, младшего братика, бабушку и дедушку. Семья в момент прилёта снаряда собралась ужинать. Все сидели за одним столом. Только Миша пошёл

открывать дверь своему другу из соседнего подъезда. Благодаря этому он остался жив, потеряв руку.

Миша покраснел и неловким движением развернулся, протянул для рукопожатия левую руку.

На минуту в палате зависла тишина. Потом Никита неловким рывком поднялся с постели, качнулся, наклонился вперёд, прижав руками малышню к себе:

– Как же я вас всех люблю, детки! Как я благодарен, что вы пришли меня навестить!

Комвзвода потом ещё много говорил с детьми, расспрашивал, шутил. Но в голове его уже созревал план, словно зазвучала музыка, призывающая в дальний поход. А сознание уже прорабатывало решение: как детей увезти с этой войны. Надо эти детские глаза запомнить на всю жизнь и сделать всё, чтобы в детских глазах не отражалось столько горя. А самое главное – эти три пары глаз в будущем должны отразить благодарность за отцовскую защиту, за отцовскую щедрость и доброту. Почувствовал – эта цель с лихвой перекрывает его неудовлетворённое чувство долга и ответственности за судьбы людские, которые он взвалил на себя.

Никита увлечённо рассказывал детям о своей Родине, о Саратове, о матушке-Волге, о золотистом песочке на пляже, о шикарном речных островах и протоках. Прощаясь, посмотрел в глаза каждому:

– Я вас очень прошу поехать со мной в Саратов. Я обещаю вам, что очень скоро выздоровлю, и мы вместе поедим на мою родину. Там нет войны, дети играют на площадках, ходят в кукольные театры, едят мороженое, его в каждом киоске продают. Клянусь, вам очень понравится.

Когда дети прощались, где-то вдалеке разорвался снаряд. Маленький Миша упал первым и закрыл голову левой ладошкой. На культе правой руки, которой он порывистым движением нечаянно задел разбитый придорожный бордюр, медленно налились кровавые капли.

Ирочка прощалась с дядей Никитой последней. Помяла обеими ручками его всё ещё одутловатую, непослушную левую ладонь:

– Дядя Никита, наш папочка улетел на небушко. А здесь, на земле, у нас нет папы. Ты мог бы нам стать папой? Ведь ты был папиным другом!

Никита почувствовал, как земля плавно и мягко качнулась, приподняла ставшее невесомым тело:

– Дорогая моя Ирочка, я очень буду просить вашу маму, Марину, чтобы согласилась стать моей женой. И если она согласится, то ваш папа и мой друг Николай там, на небесах, очень порадуются. А вы уж меня поддержите и попросите вашу маму, чтобы мы все вместе стали дружно жить одной семьей – ты, Семён, Миша, мама и я...

Через три дня Никита настоял на выписке из больницы и стал собираться в родной Саратов.

Вечером третьего дня комвзвода в новенькой униформе зашёл в палату попрощаться. В ней было шумно и дымно. Выздоровливающие не спешили брать в руки костыли и выходить в курилку. В это время посетителей становилось намного меньше, чем днем. Дверь открылась так, словно в короткий миг успел прозвучать торжественный победный марш. В палату неспешно вошёл грузной походкой командир первой особой бригады полковник Бабич. Был он, что называется, при параде – в хорошо подогнанной форме с полковничьими погонами и с двумя орденами Красной Звезды и Георгиевским крестом. Александр Фёдорович махнул рукой, демонстративно показывая, что в палате курить нельзя. Прищурился, ища взглядом кого-то. Остановившиеся на Никите глаза потеплели. Зычным басовитым голосом комбриг провозгласил:

– Все, кто может, встаньте и поклонитесь этому герою, Никите Евграфову, командиру блокпоста. А кто не может встать, мысленно поблагодарите от всей души этого человека. Он и его бойцы всех нас спасли, и заплатили они за то дорогую цену. Они всем нам *дали шанс* выжить и победить!

САРАТОВСКИЙ КУДЕСНИК

Наша встреча с Никитой Евграфовым состоялась на фоне увядания общественного интереса к проблемам войны и выживания на юго-востоке Украины. У многих русских людей не сложилось понимание смысла войны на Донбассе. Многие, а быть может большинство, живут по законам мира потребления. В современном мире так уж сложилось – интерес подогревается яркими картинками на

телевидении, показом масштабных жертв, разрушений, крови, насилия. Но вот в другой земной точке вспыхивает очередной кровавый конфликт – и интерес падает. Россия вошла в зону «общественной психологии попкорна»: чем больше сцен насилия, убийств, ярких страстей на очередном показе фильма в кинотеатре, тем больше попкорна потребляют зрители. У obsługi кинотеатров есть самый верный способ измерить интерес к фильму (а следовательно и выручку) – количеством потребленного попкорна. Так что, выражаясь словами Никиты: «Потребление попкорна по поводу войны на Украине резко упало, грустно – но факт».

Никита энергично поднимался на наш четвёртый этаж, обогнав меня на целый лестничный пролёт.

– Простите, задумался. Знаете, с некоторых пор мозг у меня находится в процессе непрерывной работы. Ищу решения некоторых задач, преимущественно технических, иногда это скучная логистика. Но главное, что меня сейчас прямо-таки жжёт, это чем могу помочь людям с Донбасса. Вы уже знаете, что почти год я воевал там добровольцем, был дважды ранен. Получил Георгиевский крест. Потом несколько раз отвозил туда гуманитарную помощь. Теперь вот взял паузу. Решил подзаработать денег, чтобы быть не просто свободным, но свободным в поступках, в умении влиять на некоторые процессы. Но об этом позже.

Как выяснилось, Никита – успешный предприниматель. Сумел раскрутить оригинальную, не имеющую аналогов технологию энергосбережения. У многих производителей и учёных его идеи вызвали сомнения. Но для Никиты чужие сомнения не значили ровно ничего.

Выяснилось, что он за последние полгода выполнил ряд контрактов с предприятиями и фирмами по энергосбережению – до двадцати процентов. Причём оплата его работ осуществляется заказчиком только после того, как со-

зданная им система в течение трёх месяцев будет экономить более 20% электроэнергии.

В монтируемых им комплексах применяются как известные технологии, например, установка энергосберегающих ламп освещения по датчикам движения, так и неизвестные ранее приборы, снижающие расход энергии непостижимым образом. Сотрудники электросетей, подозревая, что снижение расхода энергии означает хитроумный обман счётчиков, учинили серию проверок и убедились: да есть у Никиты и его компании «ноу-хау». Он назвал свои приборы «никоэкономайзерами». Более пяти десятков блестяще выполненных контрактов принесли Никите известность и деньги. Только делиться своими секретами он не стал ни с кем. Просто прокомментировал:

– Когда стал вникать в процессы генерации, в принципы работы разных электрических приборов (не только электрических двигателей, конденсаторов) убедился: электричество – это процесс движения «живых» электронов. Знаменитый Тесла в своё время открыл это. Потом, правда, «закрыл», закодировал свои главные открытия. С той поры никто по-настоящему не пытался разработать этот подход к электричеству как к живой субстанции. Мои приборы – это только попытка осмыслить некоторые аспекты создания и движения электронов.

Никита задумался на минуту. Потом улыбнулся:

– С некоторых пор я стал задумываться о многом. Как мне кажется, кое-что в нашем мире стал понимать глубже, чем ранее. Но стараюсь поменьше распространяться об этом, поскольку мало кому можно доверять в наше время. Поэтому многие секреты таковыми и останутся. Есть несколько фигур, которые мне близки и понятны. Им я и буду помогать, – так пояснил Никита свою непатриотичную позицию.

В нашем офисе Никита внимательно осмотрел комнату с гуманитарной помощью, полистал журнал, в котором были сделаны все записи о приёме беженцев с Украины. Потом достал ежедневник, списал с него несколько фамилий с телефонами и выложил на стол пять пятитысячных купюр:

– Прошу принять этих людей и направить в нужную сторону – помочь оформить документы для разрешения на временное проживание, включить в программу переселения соотечественников.

Эти деньги на первое время.

С трудом убедил его забрать деньги, пояснив, что за консультативную, гуманитарную помощь переселенцам мы денег не берём, и это принципиально. Никита согласился с этим не сразу. Потом как-то незаметно взгляд его потеплел и он довольно быстро превратился из собранного делового человека в расслабленного мечтателя.

Стал рассказывать о себе, говорил необычно, короткими рубящими фразами. Иногда бескомпромиссная уверенность сменялась рассуждениями, размышлениями вслух о двойственности, хрупкости его судьбы. Постепенно приоткрывался занавес таинственности и необычной энергетики вокруг него. Стало понятно, что жизненный путь этого сильного духом человека заполнен не только решительностью, железной волей, но и сомнениями, метаниями в поисках истин.

ЭПИЛОГ

На следующее утро в дверь нашей приёмной уверенно и настойчиво постучали.

– К нам входят без стука, – заметила наша бухгалтер Маша.

Дверь распахнулась решительно и широко. Через порог размашистым шагом переступил Никита и сразу шагнул влево, подав руку шедшей за ним следом молодой женщине:

– Это моя супруга, самый надёжный и самый добрый в мире человек, Марина. Она будет у вас трудиться добровольцем, волонтером, поможет собирать гуманитарную помощь на Донбасс. Она и сама оттуда. Там занималась распределением гуманитарной помощи нуждающимся, выхаживала раненых.

Никита присел за стол, задумчиво повертел в руках лежащую на столе ручку.

– Мы с первым мужем Марины воевали вместе. Хорошо воевали. Он командовал двумя расчётами станковых гранатомётов «копьё». В один день нас тяжело ранило. Только Николай от ран скончался. А мне повезло, выжил. Мне в этом Марина очень помогла. Теперь у нас четверо детей. Двое – дети Марины и Николая, моего друга, третий – Миша, сирота, его родители погибли от взрыва снаряда в Кировске, четвёртая – моя Ленка. Бывшая моя супруга уехала за границу и там замуж вышла, дочку мне оставила. Теперь мы – многодетная, дружная и сильная семья. Мы счастливы!

А для Вас, для Вашей писательской работы я припас интересный документ. Он недавно выплыл из секретных донесений Вооружённых сил Украины, добытых Луганским разведуправлением. Одна из последних сводок октября 2014 года – продолжение моего рассказа о подвигах мо-

их друзей Сергея Якименко, Николая, бронебойщика Фёдора, двух Васильичей, сотен и тысяч других, оставшихся пока безымянными. Это сводка о том, что мы выполнили задачу *дать шанс* выстоять всем, кто тогда держал оборону на стахановском направлении, – Никита посмотрел вдаль, словно там, за окном, раскрылся новый горизонт, доступный только его глазам. – Это была трудная, почти невыполнимая задача. Но мы справились.

Расплывшиеся буквы на потертом листе бумаги сообщали:

Разведка народной милиции ЛНР.

Донесение 9 МБр ВСУ от 29 ноября 2014 года.

Представлен подлинный текст и перевод на русский язык. Переводчик, капитан Алевтина Гончаренко.

Строго секретно

«Оборонительный рубеж противника на направлении Кировск-Стаханов в последние недели укреплен превосходящими силами противника и спецподразделениями. Сепаратисты сосредоточили на данном направлении силы до трёх батальонов, усиленных артиллерией и миномётами. Наш блокпост 13 и оборонительный рубеж подверглись массированному артобстрелу и штурму. Блокпост 13 в результате действий двух батальонов сепаратистов и их спецподразделений дважды захватывался, но был нами отбит с большими потерями с обеих сторон. В боях за блокпост 13 и оборонительные позиции вдоль шоссе только батальон Азов потерял убитыми и ранеными более половины личного состава. Тяжёлые бои на данном направлении показали, что сепаратисты постоянно наращивают силы, вводят в бой специально обученные спецподразделения. Скорее всего, это

российский спецназ ГРУ. В связи с этим запланированное наступление на данном направлении прошу отменить и направить сосредоточенные ранее резервы на укрепление обороны на этом участке».

Командир бригады, полковник

Секирко М.С.

Месть майора Вишняка

*Сам Господь Бог решил наказать эту нечисть.
Так назначь, Господь, меня, Вишняка,
выполнить твою волю, и я исполню.
Не должны эти мальчишки
уйти в небытие неотомщёнными.*

*Майор В. Вишняк.
Славянск-Дебальцево,
2014-2015 годы.*

ВСТУПЛЕНИЕ. САРАТОВСКОЕ ПРИСТАНИЩЕ

Майор Вишняк Виктор Александрович, командир танковой роты Донецкой народной республики, выписался досрочно из ростовского госпиталя 20 декабря и добрался до Саратовской области 23 декабря 2014 года. Надеялся найти единственного близкого человека – четырёхлетнего внука Никиту, вышедшего живым из мясорубки гражданской войны.

В далёком Воронеже, куда привезли детей из полыхающего Славянска, сообщили, что Никиту направили в Саратовскую область, а определить где его родители не удалось. После долгих и трудных поисков майор разыскал воспитательницу детского сада, помнившую Никитку и все ужасы той эвакуации. Она, плача, рассказывала о безумно тяжёлой дороге, об обстреле в районе Краснодона двух переполненных автобусов, везущих детей. Автобус, шедший первым, получил пулемётную очередь в упор. Водитель скончался на месте, неуправляемая махина съехала на обочину и завалилась на бок. Второй автобус отстал метров на сто – и это спасло детей и сопровождающих. Увидев рухнувший транспорт, остановились на безопасном расстоянии. Воспитательницы, медсестры, родители бросились спасать раненых и пострадавших. Оказалось, что в

первом автобусе двое убитых – водитель и медсестра, четверо детей ранены и нуждаются в срочной медицинской помощи.

Раненых повезли в краснодонскую больницу, остальных кое-как распределили во втором автобусе и двух легковых машинах, сопровождавших колонну. Когда размещали детей в единственном автобусе, выбросили все лишние вещи, дорожные сумки. Часть документов и вещей потерялись. Многие испуганные дети плакали навзрыд. Наверное, эти рыдания и детские вопли тогда прозвучали словно вознесённая ввысь молитва, начавшая охлаждать ненависть воюющих сторон. Ожесточённая миномётная канонада вокруг горящего Краснодона стала постепенно стихать.

Оставшиеся двенадцать километров до пограничного пункта пропуска Изварино показались всем бесконечно длинной дорогой, бегством из ада, которое никак не хотело завершаться. Эта дорога навсегда вошла в подсознание детей как вечное напоминание о жестокости и непредсказуемости взрослого мира.

Начали приходить в себя только в приграничном российском Донецке. Автобус остановился на одной из тихих городских улиц. Мимо проходили спокойные люди, женщины прогуливались с грудничками в детских колясках.

Показалось, что попали на другую планету: нет войны, люди улыбаются, а главное – вокруг тишина.

Маленький Никитка, по словам воспитательницы, три дня пробыл в пункте временного размещения в Воронеже. Затем его и нескольких других детей, которые попали в Россию без родителей, перевезли в Саратовскую область в город Энгельс. Сюда и направился майор Вишняк, начавший приходить в себя после тяжёлого ранения.

Для Виктора Вишняка, командира танковой роты Донецкой народной республики, всё стало трудным и неподъёмным в этом послегоспитальном мире.

Во-первых, тяжелейшая контузия привела к заиканию, что было нетерпимым для него, привыкшего отдавать приказы чёткими рубящими фразами убедительно и громко.

Во-вторых, унижительно и нетерпимо было объясняться по поводу утерянных документов: его паспорт, пенсионное удостоверение, удостоверения к государственным наградам СССР, которые он бережно носил в нагрудном кармане, пропали. Дело в том, что его вывозили с линии фронта без сознания, с остановившимся дыханием, в обгоревшей, пропитанной кровью одежде. На поле боя его вытащили из огня, сняли тлеющую одежду, укрыли грязным походным брезентом и отвезли в госпиталь в Луганск. Оттуда, как тяжелораненого, которого невозможно вылечить в Луганске, перевезли в Ростов-на-Дону.

В-третьих, чувство долга настойчиво управляло всей его сущностью, собирало в кулак все нравственные, физические силы и требовало возврата на фронт, несмотря на то, что разбитый, израненный организм подходил к последнему пределу, просил тепла и покоя. Так что это «в-третьих» так сформулировало задачу для Вишняка: съездить в Саратовскую область, навестить внука и сразу же вернуться на фронт, где ополченцы готовились к отражению нового мощного наступления врага.

Единственным документом, который ему привезли в Ростов-на-Дону накануне выписки из госпиталя, было удостоверение командира танковой роты ДНР, подписанное министром обороны. С этим удостоверением и плотной пачкой выписок из истории болезни с перечнем перенесённых операций Вишняк и отправился на поиски внука.

В заснеженном Энгельсе, на улице, прямо перед отделом Федеральной миграционной службы, случилось то, о чём предупреждали ростовские врачи: Вишняк потерял сознание. Два дня пролежал в реанимации, благо врачи нашли в нагрудном кармане многочисленные выписки из истории болезни. Оказалось, что тяжёлая контузия была осложнена компрессионным переломом позвоночника, многочисленными ожогами и касательными осколочными ранениями. Три недели Вишняка лечили в энгельсской больнице. Вокруг его койки собирались больные и слушали рассказы о войне, о людях, втянутых в кровавый водоворот, переламывающий человеческие судьбы. Часто послушать приходили врачи и медсёстры. Заикание при этом страшно мешало и было тяжёлой проблемой для Вишняка: он никак не мог привыкнуть к тому, что порою приходится мучительно долго выдавливать из себя нужные слова и фразы, что в другое время смог бы красочно и образно описать главное в считанные минуты. Но он не унывал: строил планы поисков внука, пытался дозвониться до далёких Донецка, Горловки, Луганска, готовился к возвращению домой.

После выписки из больницы Вишняк всё-таки дошёл до отдела ФМС, где настоятельно просил поискать его внука среди многочисленных беженцев, осевших в Саратовской области.

Спустя некоторое время в ФМС подъехали бдительные полицейские, тщательно проверившие Вишняка – всё-таки человек приехал из другого государства, из зоны военных действий.

Выяснилось: он проходил срочную службу в далёком 1981 году в Афганистане. После этого, по направлению командования, поступил вне конкурса в Ленинградское высшее военно-политическое училище, по окончании которого опять попал на службу в Афганистан. Там успешно командовал взводом, ротой, батальоном. Вишняк имеет ряд правительственных наград. В 1989 году досрочно получил воинское звание майора.

Развал СССР майор пережил очень тяжело: в армии самоистийной Украины служить отказался, пошёл работать на угольную шахту имени Засядько, где и доработал до выхода на пенсию простым проходчиком.

Женат. Жена, Мария Николаевна Вишняк пропала без вести во время боев за Славянск. Единственный сын погиб, сражаясь в рядах ополченцев в донецком аэропорту. Невестка и тесть с тещей погибли во время артобстрела Славянска: тяжёлый снаряд угодил прямо в погреб, в котором они прятались от арталёта. В живых остался только внук Никита – единственная его надежда и смысл жизни.

Полицейские по своим каналам проверили рассказанное. Всё подтвердилось.

Майору Вишняку принялись помогать правозащитники, казаки. Подобрали ему временное жильё на Кумысной поляне, где он долечивался ещё несколько недель, пока областные власти пытались найти его внука. Но оказалось, что четырёхлетний Никита в Саратовскую область не прибывал. Скорее всего, находится в детском доме в Белгородской или Ростовской области.

Вскоре, в феврале, на юго-востоке Украины начались ожесточённые бои на всей линии фронта, и Вишняк засобирался в дорогу, поскольку счёл своим долгом вернуться в ополчение.

Через пару недель удалось узнать, что он успешно воевал под Дебальцево и продолжил череду своих воинских

дел. Многие ополченцы, жители Горловки, Славянска, Новосветловки хорошо знают о его военной биографии и тепло отзываются о нём. Его рассказы легли в основу повести, в которой этот необычайно скромный командир предстаёт человеком, испытавшим и преодолевшим тяготы и безумные жестокости военного времени. Гражданская война воорвалась в его жизнь неожиданно и грозно, привела к гибели родных и близких, изменив представление о мире, об Украине и о себе.

О его воинском подвиге постараюсь рассказать в коротких главах повести, над которой, отложив другие дела, начал работать, считывая долгие часы диктофонных записей. Это было трудным занятием, поскольку временами майор мучительно заикался – сказывалась тяжелейшая контузия, замыкался, уходил в себя...

Другая, почти непреодолимая сложность – с трудом верилось в его необычные рассказы о военных удачах и промахах, приходилось проверять, сравнивать, сопоставлять. Потом убеждался, что Вишняк всё рассказывал, не преувеличивая и не утаивая. Во многое из того, что он рассказывал, верить не хотелось, поскольку натуральные сцены гражданской войны вообще воспринимаются с трудом, уровень жестокости в них просто зашкаливает, и тогда сознание отказывается принимать происходившее, но прочитав его исповедь, совсем по-другому начинаешь воспринимать то, что показывают наши федеральные каналы. Понимаешь: за словами киевских политиков не просто обман и пустота – там бездна ненависти и преступлений, за которые неизбежно придёт расплата.

РОДНАЯ ГОРЛОВКА

Если бы кто-нибудь сказал Виктору, что ему придётся участвовать в гражданской войне, что вообще такая война возможна, он бы ни за что не поверил. Да и кто мог поверить в Украине, привыкшей к сытной размеренной жизни, что чокнутые радикалы, только и способные на дикие шоу в дурацких нарядах на юродивом Майдане, обретут власть и деньги? Никто не захотел заглянуть в будущее, в котором бандеровцы сменили бутафорские наряды на настоящие бронежилеты и каски, вооружились не только автоматами Калашникова, но и реактивными системами залпового огня и дальнобойными гаубицами.

Вот и Вишняк, вплоть до совершенно неожиданного для него майданного переворота, вполне обоснованно считал Украину сонным царством, населённым простым, многонациональным, спокойным народом, у которого порой бывало много гонора, но обычно этот гонор побеждала лень, косность и вековая привычка довольствоваться малым.

Оставалось только удивляться, как собственная недалёковидность, скорее даже слепота и истинные, скрытые ранее историческим покрывалом качества украинской души внезапно заставили его проснуться. Более того, проснувшись, он встал у края пропасти, перед тяжким и страшным выбором: бежать куда глаза глядят, спасая семью, оставив дом, нажитое имущество, или взять в руки оружие и истреблять себе подобных с твёрдой уверенностью в своей правоте.

Родился и вырос Виктор в Горловке – уютном донбасском городе, мирном и спокойном, окружённом высоченными горами отвалов «пустых» пород из угольных шахт – терриконами. Одним из любимых развлечений Вити Вишняка был скоростной спуск с этих огромных крутобоких

гор. Здесь он был всегда первым, до той поры, пока один из сверстников не сломал ногу во время этого «развлечения». После этого происшествия родители категорически, под страхом отлучения от телевизора, запретили детям приближаться к выработкам. Но Витя проявил упорство и самостоятельность – продолжал тренировки с рискованными пробегами ёлочкой на самых высоких горках. Прodelывал это уже в сумерках, рискуя вдвойне. Зато в сумерках

мало кто мог распознать его и «сдать» родителям.

Рисковый, непокорный характер потом не раз доставлял ему неприятности, но и выручал также не раз. Ни он, никто другой и предположить не могли, что Витя, он же Виктор Александрович, останется живым и успешным на войне именно благодаря этим дурным свойствам характера.

Шахтёрские обычаи обретали в городе негласный статус своеобразных законов. Шахтёрский

труд забирал огромную жизненную энергию и постоянный риск взрывов и обрушений тяжёлым роком висел над подъёмниками шахт, насыщая всю атмосферу города неосознанным тревожным ожиданием беды. Временами случались аварии, тогда город заполнялся воем сирен «скорых» и аварийных машин горноспасателей, шахтерские жены и матери застывали в смертельном страхе, сердца их гулкой

дробью отсчитывали минуты до трагических либо спасительных известий – правды жизни или смерти.

Так случилось, что отец Вити стал очередной жертвой каменноугольного монстра, который взимал свою плату за отнятый у него первоклассный антрацит. Александр Семёнович Вишняк и ещё одиннадцать горняков погибли в забое от взрыва метана. Случилось это тихим летним вечером, когда очередная смена готовилась спуститься в забой.

Витя не сразу осознал, что отца нет в его мальчишеском мире, не ассоциировал с его смертью небольшую аккуратно прибранную могилу, о которой неустанно заботились мама с бабушкой. Он не понял, что теперь нет опасности получить от отца нагоняй, что теперь он не ощутит тяжёлый, грозный взгляд отца исподлобья. Лишь постепенно, с годами, в душу пришло ощущение потери.

Одновременно придавила огромным грузом ответственность перед матерью и бабушкой. Он был единственным ребёнком в семье, единственным мужчиной. В школе он в короткий срок превратился из забияки и возмутителя спокойствия в молчуна. Смотрел на учителей взрослым пытливым взглядом, чурался шуток и мальчишеских игр, с какой-то страстью стал работать над домашними заданиями.

В девятом классе он отделил себя невидимым забором от мальчишеских забав. Когда в яркий майский день все мальчишки и девчонки сбежали с двух последних уроков химии и направились в городской парк на озеро, он не присоединился к сверстникам. В парке мальчишки угощали девчонок мороженым, а мальчишечий верховод Вадик, сын замдиректора шахты, раздобыл с десятков бутылок пива. Он сумел организовать настоящий пир. Тогда-то мальчишки и решили как следует наказать Витю Вишняка, заклеив его предателем.

А он в одиночестве остался на уроке и старательно возился с химическими реактивами, ставил свои опыты по выщелачиванию нужных металлов. Расстроенная химичка, утерев заплаканные глаза, сидела рядом и помогала.

На следующий день зачинщиков побега с уроков вызвали вместе с родителями к директору, где устроили изрядную головомойку. Спас положение Вадимов отец, пообещавший своему сыну всяческие моральные наказания, а школе – материальную помощь и замену всех изношенных разбитых классных дверей. Всё бы так и обошлось мирно и спокойно, но директор школы, молодая, очень высокая и худая, фанатично влюблённая в педагогические идеи сотрудничества (тогда ещё советской педагогики), посоветовала всем брать пример с Вити Вишняка, который «не поддался общим развращающим настроениям». Директриса предложила назначить Витю старостой класса.

Вечером того же дня Вадим собрал пятерых наиболее крепких ребят и составил план: проучить, а ещё лучше – отпетушить (так предложил Стас, у которого отец отбывал срок на зоне) как следует предателя Вишняка.

Лучше бы они отправились запивать свою злобу пивом в парк, потому как Витя Вишняк имел врождённое качество характера, не свойственное в подростковом возрасте: не сдаваться врагу и не просить пощады. Это качество было наследным и передавалось из поколения в поколение от предков по мужской линии непокорных, драчливых терских казаков. Так что, когда побитого, со скрученными назад руками Витю поставили на колени перед Вадимом и заставили просить прощения и кукарекать петушиным голосом, наследственность проснулась и решительно заявила о себе. Витя закричал не своим, страшным утробным голосом, нырнул лицом вперёд и вцепился крепкими зубами в левую ляжку Вадима. Когда растерявшиеся одноклассники выпустили руки, Витя схватил валяющуюся рядом поло-

винку кирпича и крепко угостил её вначале Вадима, а потом его напарника Стаса. Бил наотмашь, по головам. Двое окровавленных мальчиков остались лежать на пожухлой траве, остальные разбежались. Пострадавших на машине скорой помощи увезли в больницу.

Ранним утром за Витей пришёл милиционер из инспекции по делам несовершеннолетних. И сидеть бы ему в закрытом спецучреждении для несовершеннолетних (травмы у Вадима и его подельника были весьма серьёзные), но тут в дело вмешалась худосочная директриса. Она была принципиальной и упорной, как железобетонные стены столь любимого ею Донецкого пединститута.

Возмущённая директриса потребовала собрания общественности, рассказала о нападении на Витю пятерых крепышей, о подлой роли сына шахтного начальства. Родители и общественность взбунтовались, прокуратура и милиция дала обратный ход делу Вишняка.

Директрису по-тихому уволили всего через месяц после происшествия, а Вите лишь дали закончить девятый класс и, несмотря на пятёрки по профилирующим предметам, снисходительно вытолкнули в профтехучилище.

АРМИЯ – ДУША МОЯ И СЕРДЦЕ

После окончания ПТУ его призвали в армию. И тут «везение» юного Вишняка продолжилось – служить пришлось в Афганистане в мотострелковой бригаде под Джелалабадом. Попал в мотострелковый батальон, где комбатом был настоящий «батяня» – человек с открытым солдатским сердцем, с удивительной способностью сочувствовать и сопереживать и в то же время быть строгим и требовательным. Благодаря этому «батяне» Виктор по-настоящему полюбил армию и твёрдо решил служить Отчизне в точно-

сти так, как обожаемый комбат. Более того, с тех пор он утвердился во мнении, что Родина начинается с людей чести, отдавших свою жизнь служению Отечеству. И если таких людей становится меньше чем нужно, то государство рушится, что и случилось с СССР. Это обрушение стало для него самой тяжёлой жизненной трагедией.

Долгие бессонные ночи девяносто первого года вызвали шквал мыслей, которые охватывают человека, пережившего тяжёлое поражение и попадание в плен к ненавистному врагу. Закономерно, что под обломками гибнут огромные массы людей, ничего не сделавших для сохранения государственных конструкций. И один из этих погибших духовно людей – он, майор Вишняк, не сумевший помочь государству и потому погребённый под его обломками.

Настоящей опорой и самым близким человеком на свете стала жена Мария. Здесь майору несказанно повезло, ведь в жизни он не успел насладиться счастливыми временами влюбленности, «гуляний под луной», прочувствовать всю силу любви к женщине. Об этих чувствах он лишь мечтал, перечитывая, прямо-таки глотая романы и повести о любви, о страданиях и счастье. Величайшим потрясением для него стали стихи Петрарки. Многие из них запомнились и впечатались в память удивительными, упоительными образами. С тех пор милая Бианка грезилась ему чуть не в каждой симпатичной молодой девушке. Так он подготовил себя к переживаниям, которые не замедлили случиться, когда он, молодой и успешный капитан, аттестованный на должность комбата, влюбился в дочку командира бригады полковника Несмеянова. Предмет его любви – почти настоящая «царевна Несмеяна» – так прозвали Машу в гарнизоне. Она была высокой, белокурой, очень красивой, могла бы затмить любую фотомоделю. Вишняк пытался ухаживать, но довольно быстро понял – пришёлся не ко двору. Он изрядно похудел от переживаний, начал срывать-

ся без повода на подчинённых, сочувственно поглядывавших на него.

Наконец комбриг вызвал его в шикарно обставленный кабинет для личной беседы. Разъяснил сухо и конкретно – Маша уже просватана, и жених не кто иной, как сын генерал-полковника, замглавкома сухопутных войск. Сын уже успешно служит в войсках и дослужился до подполковника. Потом Вишняк не без удивления разглядел, как у полковника покраснела лысина, как после недолгой паузы он стал нарочито-тщательно протирать лежащие на дубовом столе очки в золотой оправе, и совсем по-простому завершил:

– Скажу тебе откровенно, Вишняк, парень ты хороший, служишь честно, воевал достойно. Ты у нас правдолюб! Но с твоим характером и установками тебе даже в полковники не пробиться. Если не сорвёшься и не нахамишь начальству, то уйдёшь на пенсию подполковником. И советую тебе в армии особо не задерживаться. Такие как ты в военное время «героя» получают. А в мирное время – вообще «не проходные». Так что без обид. Через месяц за Машей жених приедет и повезёт на свадьбу, в Москву. А на этот месяц могу дать тебе отпуск – отдохни, отвлекись, съезди на родину в Донбасс, подыши родным воздухом, может там и невесту подберёшь.

От отпуска Вишняк отказался. В тот же вечер купил букет цветов и отправился в медсанчасть, где заметил скромную процедурную медсестру, делавшую ему электрофорез и внутривенные инъекции, когда он болел острым бронхитом. Во время процедур Вишняк заметил пару раз пристальный взгляд её серо-зелёных глаз. Иногда Вишняк отмечал, что взгляд у девушки становился всё мягче и глаза покрывались странной поволокой.

Идя к девушке, он даже не мог бы рассказать, как она выглядит, симпатичная она или нет. Не было и ответа

на вопрос, нравится она ему или нет. Тогда главным было то, что медсестру звали Машей. В тот же вечер Вишняк сделал этой второй Маше предложение.

Это стало редчайшим везением в жизни Вишняка. Он, конечно же, не сразу оценил достоинства молодой жены. Скорее наоборот. Маша всё делала невпопад. В однокомнатной квартирке, выделенной молодожёнам, было совсем мало места, и Вишняк постоянно сталкивался с Машей то в узком кухонном коридорчике, то, с трудом сдерживаясь, ожидал, когда Маша освободит душ, совмещённый с туалетом. Часто случалось, что в спешке, собираясь на службу, не мог найти свежей рубашки, которая была приготовлена с вечера, но Маша по ошибке её постирала и не успела вывесить на просушку.

Особая проблема заключалась в чайной посуде. Чашки, которые Маша старалась тщательно промывать, предательски выскользывали. Так что через неделю-другую все они покрылись сколами и трещинами. Для Виктора чашки со сколом с детства были не приемлемы. Мама отзывалась на эту тему так:

– У тебя, Витенька, чашки да тарелки с трещинками уже в «тараканов в голове» превратились.

После несчастливой судьбы нескольких комплектов чашек, Виктор отыскал на рынке две жёлтых эмалированных кружки, что и решило эту проблему с «тараканами».

К чести Вишняка, он всегда сдерживался и не срывался на грубости и упрёки. И здесь главную роль сыграли семейные традиции, в которых главное было уважать и беречь друг друга в большом и малом. Это и спасло семейную жизнь молодожёнов.

Маша с какой-то особой деликатностью, ненавязчиво вызывала Вишняка на откровения, чувствуя в нём несогласие с происходящим вокруг, в стране, в гарнизоне. Это несогласие перерастало в мощный протест и готово было взо-

рваться. Она выслушивала всё, соглашалась, смахивала набежавшую слезу и говорила:

– Всегда пойду рядышком с тобой, Витенька, ты у меня самый лучший, ты – настоящий мужчина. Я так счастлива, когда ты рядом.

Пришёл день, когда она сказала:

– Ты самый лучший не только для меня, но для него, – и показала на живот. Добавила, – а правильнее будет – для нас.

Этот момент стал для майора поворотным. Словно спала с глаз какая-то пелена, и он увидел свою Машу необычайно красивой какой-то особой красотой. Пожалуй, дело было в том, что красота эта была развёрнута целиком и полностью в сторону Вишняка. Никто другой этой красоты не видел и не мог видеть. Никому другому она не принадлежала и не была понятной. И это было навечно. С тех пор Вишняк влюбился в свою жену по-настоящему и навсегда, так, как и все мужчины в его роду, слывшие однолюбам.

В девяностые годы, когда качнулись прежде незыблемые жизненные установки на служение Отчизне, на верность воинскому долгу, Вишняк не стал присягать на верность державной Украине. Служил он в то время в Крыму командиром батальона в мотострелковой бригаде. Успел увидеть алчность и продажность новых командиров новой украинской армии. В бесконечных ночных бдениях перед ним вставали картинки полного предательства прежних ценностей. А когда появились правила доносительства друг на друга – это повергло в шок.

Командир одной из его рот написал донос, в котором особо выделял, что во время распития водки на территории гарнизона комбат майор Вишняк сокрушался по поводу развала СССР и называл предательством Беловежские соглашения, ругал бранными словами всех подписантов,

в том числе, нецензурно – президента Кравчука и даже называл его бандеровцем.

Об этом доносе рассказал ему особист из штаба, прошагавший в мотострелках афганскую войну и сохранивший уважительное отношение к заслугам майора. Этот же особист посоветовал Вишняку написать рапорт об увольнении, поскольку иного пути «отмазаться» от грядущего разбирательства у него не было.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГОРЛОВКУ

Благодаря Маше Вишняк пережил-перетерпел разрушение государства в скорбном девяносто первом году и последующий уход из армии, сумел внутренне перестроить себя. Не роптал, не жаловался на жизнь и не проклинал позорных правителей, а просто вернулся к разбитому корыту в родную Горловку, надеясь излечить душу и найти покой, забираясь на полюбившиеся с детства терриконы, встречая на вершинах рукотворных гор ласковый напористый ветер, несущий едва уловимые запахи угольных выработок и цветущих яблоневых садов.

Витя Вишняк, на мгновение вновь ощутивший себя мальчишкой, охлаждал горевшую душу на терриконах недолго. На третий день по возвращению в родные края пошёл устраиваться на шахту. Приняли без долгих разговоров и после короткого обучения поставили проходчиком.

На третий год работы на шахте случилась авария, забравшая жизни многих проходчиков – товарищей Вишняка. Они уходили из жизни на его глазах, полные отчаяния и страстного желания выжить. Он же, словно отгородившись от жизненных страстей, сидя в аварийном забое, не ощущал особых тревог и волнений, дышал спёртым воздухом спокойно и уверенно – ведь там, наверху, его ждала

верная жена, да ещё сын, давшие ему вторую жизнь и новое жизненное пространство.

Потом, после удивительного спасения из аварийного забоя, Вишняка пригласили к директору шахты. Тот уважительно полистал личное дело, расспросил уважительно о наградах, предложил возглавить бригаду. Виктор уже окунулся а атмосферу шахты, узнал об интригах вокруг профсоюза и попытках руководства взять под свой контроль лидеров. И потому ответил коротко:

– Спасибо, но я уже накомандовался. Хочу честно отработать до пенсии, день в день, чтобы потом заниматься семьёй, детьми, внуками, навещать друзей. Иного мне в жизни, похоже, не дано. Да и не хочу я ничего другого – ни власти, ни больших денег. По моему разумению, и то и другое нормальной человеческой жизни мешает.

Вишняк работал и в самом деле спокойно и уверенно, коллектива не чурался, начальству на глаза не лез. Дважды попадал в аварии. Один раз просидел в засыпанном забое двое суток без еды и воды. Потом получил заслуженную компенсацию и ни на кого не жаловался. Отказался участвовать в забастовках и протестах по поводу повышения зарплат. Отказался потому, что не верил уже в благие намерения одной и второй стороны. Ему просто надо было дослужить, дотерпеть.

Наконец, миновали тринадцать лет работ в подземелье. Ушёл день-в-день с нелюбимой шахты. Холодно вато попрощался с товарищами и начальством. Сжимая в руках трудовую и пенсионные книжки несколько раз проговорил с внутренней расцветающей радостью:

– Оттарабанил! Слава Богу! Вот теперь впереди настоящая жизнь!

Первые дни после выхода на пенсию ощущал себя свободным человеком, с которого сняли кандалы и выпустили на белый свет из замкнутого, душного до тошноты про-

странства. Дал себе небольшую, совсем короткую передышку, по прошествии которой понял, что жизнь его в очередной раз обманула и, подсмеиваясь, загнала во вновь изобретённое и старое как мир приспособление, называемое обычно «беличьим колесом».

Мелкие хлопоты переросли в стратегические планы хозяйственного обустройства семейной жизни, заполнили мысли и всё сознание. Жена, любимая Маша (а кто ещё смог бы это сделать!) уговорила взять кредит на покупку дома в полюбившемся ей Славянске, где жила многочисленная родня.

А тут произошло ещё одно знаковое событие, совсем разоружившее Вишняка и подмявшее все его честолюбивые планы: взрослый сын, искренний продолжатель семейных традиций и главная надежда Вишняка, влюбился беззаветно в однокурсницу. Вскоре привёл её в дом знакомить с родителями. Звали её Дашей, и являла собой, по мнению Виктора Александровича, нераспустившийся цветок, поскольку фигурой, походкой и покрытым прыщиками лицом больше напоминала девчонку-подростка. Однако, когда она, неловкая, стеснительная, грохнула вдребезги дорогую чашку китайского фарфора, то посмотрела извиняющимся и таким умоляющим и влюблённым взглядом на Серёжку, что Вишняк прочувствовал горячей волной:

– Ах, Серёжка, как тебе и всем нам повезло, какие мы счастливые!

С этого дня так раздражавшие Вишняка хозяйственные хлопоты и строгая необходимость вкалывать на двух работах, зарабатывать на жильё молодожёнам, стали вполне терпимой жизненной практикой.

Жена, просыпаясь рано по утрам, говорила, что слышала уже лепет внука и смеялась радостно, поглаживая огрубевшие мужнины ладони с навечно въевшейся угольной пылью.

Так Вишняк отодвинул на задний план прежние мечты и погряз в ежедневной суете, в необходимости добывать деньги, бесконечно подрабатывать, чтобы вовремя платить по кредитам. А время бежало, неумолимо растаптывая прежние жизненные планы.

ДОНБАССКАЯ ВОЙНА. НАЧАЛО

Пройдя горячие точки, Виктор осознал неизбежность смертельного исхода вражды и ненависти. У последних есть чёткая определенная закономерность: один цикл взаимного уничтожения неизбежно переходит в спираль, раскручивающуюся вплоть до полного истребления всех участников. Зачастую выходило так: война давно закончилась, но выстрелы, взрывы, ненависть и насилие на каком-то жизненном этапе всплывали из глубин памяти и материализовались, истребляя жизнь вокруг, неся смерть и разрушения.

Но он и предположить не мог, что дикая фантастическая истерия войны придёт в родной Донбасс и уничтожит, превратит в прах все представления о ценности жизни.

Донбасская война застала майора в Петербурге. Там друзья, окончившие в безмерно далёком 1987 году Ленинградское военно-политическое училище, помогли найти хорошую денежную работу. Вишняк, поработав в Питере некоторое время, решил перебраться с семьёй в Пушкино, где приметил небольшую уютную квартирку.

Но всё разрушила внезапно начавшаяся война. Она поглотила сына, а вместе с ним все его мечты о семейном счастье. Гибель сына заставила Вишняка срочно вернуться в родную Горловку, потом – в Славянск. Там он вступил в ополчение.

Майора Вишняка неприятно поразила расхлябанность и полное отсутствие воинской дисциплины в подразделениях ополченцев. Подавляющее большинство из них просто не знали, что такое армия, что такое воинская дисциплина. Он был убеждён: те, кто отслужили срочную в украинской армии, просто превратились в испорченный человеческий материал, который невероятно трудно переучивать. Поэтому, когда ему предложили командную должность, решительно отказался. И тут накатила такая вселенская тоска, что Вишняк почувствовал себя одиноким, всеми брошенным странником, который стоит перед бездонной пропастью и не знает, как её преодолеть. Больше всего это стояние на краю бездны неверия, изнывающее и едва переносимое, было похоже на неутолимую жажду в неприятном пригороде афганского Джалалабада. Всё более ощущал: пропасть начинает притягивать с огромной непреодолимой силой...

Слоняясь неприятно по территории заброшенной, полуразрушенной автоколонны, занятой группой ополченцев, заметил в отдалённом полуразвалившемся боксе два КамАЗа. На них были смонтированы столь полюбившиеся ему в Афганистане ЗУ-23-2⁹. С жадностью набросился на спаренные зенитки, поглаживая пыльные, начавшие ржаветь двухметровые стволы. Рядом в разбитых ящиках россыпью небрежно лежали снаряды, патронные ленты. Кучка БЗТ¹⁰ смешалась с ОФЗ¹¹.

Внутри включился какой-то особый механизм, какое-то новое начало, новый смысл. Тут же побежал к начальству, которое баловалось пивком в тенёчке единственного большого тополя, произраставшего на заброшенной АТП.

Волнуясь как мальчишка, сообщил:

---

⁹ *Зенитные спаренные установки калибром 23,2 мм*

¹⁰ *Бронебойно-зажигательные трассирующие снаряды*

¹¹ *Осколочно-фугасные зажигательные снаряды*

– Беру вот эти две «зушки». Ребята, вы просто не понимаете, какая это великая ценность! С ними всех бандеровцев ублажим!

Потом узнал: обе машины выменяли у украинских военных за четыре ящика водки «Мягков». Тогда подобные сделки случались часто. Офицеры и контрактники украинской армии с лёгкостью бесшабашно списывали, продавали, обменивали сотни, тысячи единиц оружия, накопленных за послевоенные годы и небрежно хранившихся на бесчисленных армейских складах в Волновахе, Донецке, Луганске, Мариуполе.

– Эх, дурачьё, не осмыслили, какое сокровище приобрели, – подумалось майору. – За них и сто ящиков беленькой не жалко.

Получив благословение, побежал на склады разыскивать головные взрыватели, поскольку те, что были – МГ-25 часто отсыревают, а при столкновении с дождевыми каплями и простыми листьями срабатывают. Скоро удалось найти несколько сотен надёжных добротных В19УК. Это были «умные» супер-взрыватели, выдающееся создание советского ВПК.

Затем занялся снаряжением лент. Шпиговал их сам, не доверив никому. Протирал чистой тряпочкой каждый снаряд, потом любовно вставлял в ленту четыре осколочных – один бронебойно-зажигательный снаряд.

С людьми было много проблем. И хотя это было ожидаемо, майор всё же приуныл. Укомплектовал два расчёта с превеликим трудом. Безмерно раздражало и то, что все бойцы взяли себе какие-то нелепые позывные: Колобок, Падре, Знахарь, Кубик и т.п. Но потом с этим смирился, потому что знал – у всех остались родственники на оккупированных территориях. И если всех называть по фамилии и имени, то СБУ и Правый сектор устроят страшные расправы. Одесская бойня второго мая всем тогда показала,

что ждёт решившихся на сопротивление, так что к подчинённым приходилось обращаться не по званиям, не по фамилиям, как положено в армии, а по коробящим слух кличкам.

Себе также взял кличку – «Скиф». Она хоть звучала благозвучнее, чем, например «Бес» – так прозвали Безлера, безусловного военного лидера ополченцев в Горловке, которого Вишняк хорошо знал как достойного и здравомыслящего человека. Не укладывалось, как этот толковый и грамотный командир мог взять себе дурацкую кличку «Бес»?

Порою возмущение нравами нарождающегося ополчения перерастало в отчаяние, ведь непреложный закон воинского формирования, пусть даже партизанского – строгая дисциплина. Мгновенное подчинение командиру решало не просто успех боя, решалось – жить тебе и твоим бойцам или бесславно, безвестно умереть. А такое случалось, если боец в панике бежал с поля боя. Чтобы такого не произошло, внутри каждого должен быть стальной стержень чувства долга, сплавленного с чувством страха перед позором за бегство; сплав этот должен быть неизмеримо выше, чем желание сохранить жизнь любой ценой. А что будет с ними, собранными вместе случайными людьми, не связанными воинской присягой, не умеющими чеканить шаг в строю, не ощутившими всепоглощающего чувства прикосновения к полковому знамени, впитавшему в себя грозную память о славных победах и тяжелейших жертвах?

Здесь и сейчас всё было по-другому. Было какое-то подобие ощущения необходимости сплочённого жертвенного воинского труда, но не было чувства локтя, боевого братства. Эти мысли делали мучительными короткие летние ночи. Так что днём майор ходил полусонным, придавленным ночными сомнениями и страхами.

Скоро эта главная проблема очень явственно дала о себе знать. В ответ на приказ майора все чаще звучало:

– Щас, докурю, потом сделаю.

Или ещё горше:

– Ты чё, сам не можешь сделать?

Так что основные трудности, как считал майор, были впереди и заключались в отсутствии воинской дисциплины и требованиях неукоснительного исполнения приказов. Ополченцы представляли собой некое свободное сообщество, отдававшее анархистской демократией. В этих условиях обучение проходило по схеме: «послушайте, пожалуйста», «подай, пожалуйста, вон тот ящик со снарядами».

Майора это выводило из себя, он пару раз срывался и бранился нецензурно, страшал свои расчёты позорной смертью на поле боя. Не помогало. Однажды сцепился со своенравным командиром второго расчёта. Тот взял себе позывной «Колобок». Их растаскивали оба расчёта, восемь человек.

Все решили тогда, что майор избавится от Колобка. Но Вишняк быстро взял себя в руки. Военный опыт говорил: из Колобка, при всей расхлябанности и задиристости, получится хороший командир расчёта. Он в бою не подведёт, не растеряется. А это дорогого стоит...

На четвёртый день мучений Вишняка его любимые «зушки» засияли особым военным блеском. Установки бодро и вызывающе, задиристо крутились по периметру и мгновением вздымались в небо. Надраенные стволы поворачивались на 180 градусов за положенные по нормативу три секунды. На учебные демонстрации собирались десятки ополченцев, бесцельно слонявшихся по территории АТП. Снаряды, протёртые ветошью, светились темноватым, отливающим свинцом светом, словно говоря: с нами всё будет «смертельно хорошо». Так выразился однажды майор, вспомнив присказку из афганской войны...

Эта присказка родилась, когда он, молодой старший лейтенант, недавний выпускник ленинградского высшего военно-политического училища ПВО, возглавил батальонную группу с особым заданием: не пропустить в «зелёнку» довольно большую группу моджахедов. Особая ценность операции заключалась в том, что духи волокли с собой пленного, взятого в качестве «языка» новобранца – юного туркмена, прибывшего в часть две недели назад, которого за замедленность реакции прозвали обидно «Чукча».

Задание он тогда, можно сказать, провалил, потому что в дороге сломались сразу два «Урала» и он не решился бросить их на грунтовке. Машины пришлось буксировать, прицепив к БТрам. Так что когда они прибыли в точку, моджахеды уже вошли в зелёнку и растворились в ней, как это у них водилось.

Тогда Вишняк рискнул, да так, как никто другой и не решился бы (ведь терять было нечего, его в любом случае наказали бы). Он выставил «зушки», спустив их с откоса дороги до уровня зелёнки, распределил сектора обстрела и дал команду: прочистить немедля рубящими очередями спарок весь массив зелёнки.

Обе «зушки» сработали чётко, обученные операторы вовремя заменили стволы и через десять минут закончили стрельбы, словно исполнили учебное задание на полигоне¹².

Молодой солдатик-новобранец из Уфы, закрывший уши, но всё равно оглохший от стрельбы, радостно тряс Вишняка за рукав гимнастерки:

– Товарищ старший лейтенант, да там ничего живого не осталось.

Действительно, зелёнка со срубленными переломанными ветками, выглядела феерически. А из глубины пору-

---

¹² *На полигонах стрельбы велись по условным воздушным целям, а не по «зелёнке».*

шенных зарослей доносились по нарастающей вопли и стоны раненых моджахедов, крики «Аллах Акбар».

Когда зелёнку обыскали, то нашли в ней двадцать семь трупов, одиннадцать раненых. Пленённый моджахедами парнишка, туркмен по прозвищу Чукча, оказался в числе раненых и его отправили на базу на подлетевшем вертолёте. Из банды мало кто остался в живых, а из раненых, которых Вишняк сострадательно приказал перевязать, выжили лишь четверо.

Вишняка тогда, с формулировкой «За находчивость и поднятие боевого духа» наградили Красной Звездой и присвоили досрочно капитана.

Тогда новобранец из Уфы, которого тяжело стошнило после осмотра и пересчёта убитых моджахедов, сконфуженно высказался:

– С нами всё смертельно хорошо.

Эта фраза предательски въелась в память и стала дурацким слоганом, который изрядно раздражал майора, и от которого он не в силах был избавиться в будущем.

ПЕРВАЯ ПОБЕДА СКИФА

Вишняк оторвался от воспоминаний и стал решительно всматриваться в старую карту времён Великой Отечественной войны. Карта была стёрта до дырок на сгибах, многие названия населённых пунктов едва просматривались. Но других карт не было. Ещё раз вспомнил о задании, отданном устно командиром. Тот высоко поднял вверх указательный палец и заявил:

– Слушай сюда. Задание тебе сам «Стрелок» (Игорь Стрелков) даёт. И знай – за невыполнение у Стрелка одна мера – расстрел. Всё, хватит партизанщины. Воюем теперь как по-

ложено, дисциплина прежде всего. Приказы исполняем досконально.

Майор вспомнил любимые дневные посиделки командира с неспешным потягиванием из горлышка холодного пива «Тинькофф», столь любимого начальником и его друзьями, и мысленно сплюнул. Ну как ещё можно отреагировать на степенные привычки командира, пару месяцев назад возглавлявшего проходческую бригаду на шахте «Стахановская»? Человек, конечно, авторитетный и порядочный, но в настоящий момент ему можно лишь отделение доверить. Да и то всё время проверять. Ведь не знает человек, что такое приказ, что значит «исполнение донести», что такое «головная походная застава», что такое «планирование военной операции», взаимодействие артиллеристов, сапёров-минёров, пехоты, наконец, как обеспечить грамотную разведку позиций противника – ведь с этого и начинается любая боевая операция.

– Эх, смертельно хорошо всё у нас будет, это точно, – Не раз с иронией мысленно заряжал себя Вишняк, с тревогой пытаясь заглянуть в ближнее будущее. Там, в этом будущем, можно спроецировать первые бои, первую «притирку» бойцов и командиров, только после того можно подумать и о налаживании воинской дисциплины.

Их направили к Семёновке – небольшому селу в двадцати километрах от Краматорска. Впоследствии это село стало настоящей мясорубкой, а потом – кладбищем для сражающихся сторон.

Само задание, как выразился командир, «боевое поручение», было сформулировано странно и расплывчато. Им надлежало «воспрепятствовать проникновению боевых подразделений противника из Краматорска в сторону Донецка, для чего организовать охрану шоссе в районе посёлка «Семёновка». В завершение командир сказал, что взаимодействовать предстоит с группой «Молчуна».

Чтобы попасть в Семёновку из Славянска пришлось ехать по трассе М-03, буквально утыканной блокпостами. Причём, порою заранее трудно было угадать, чей же блокпост перед тобой. Главными ориентирами на тот момент было наличие у военных БТРов. У ополченцев было тогда лишь несколько захваченных БМД¹³. У украинских же вояк были в изобилии БТР-80 с высоко вздетыми на длинных стальных штырях жовто-блокидными флагами.

По этим флагам и ориентировались. Завидев их, сворачивали на просёлок и гнали по нему на предельной скорости, развернув стволы в сторону дороги.

Вишняк много поездил по белу свету и, возвращаясь в Донбасс, не переставал удивляться насколько мало здесь пространства, как один населённый пункт жмётся к другому. Вот и сейчас проскочили все просёлки за какие-то пару часов, тем более что все, за исключением Васи из Одессы с позывным Вектор, были местными, могли проехать здесь с закрытыми глазами.

Прибыв на место, майор расставил машины в пятидесяти метрах друг от друга вблизи основного магистрального перекрёстка, аккуратно на границе лесопосадок. Сразу же организовал маскировку – так, как учили в Афгане. Заранее припасённые куски брезента закрыли стёкла, окрашенные металлические двери, борта – всё, что могло дать отблеск. Нарубили топориком веток, прикрыв борта, капоты. К стволам «зушек» прикрутили мягкой проволокой пышные ветки ольхи. Через какой-то час громоздкие КамАЗы и двухметровые матово-чёрные стволы спарок даже не угадывались на фоне лесопосадок.

– Ну ты даёшь, Скиф, – восхищённо развёл руками Колобок. Вишняк стянул с себя насквозь промокшую от пота тельняшку:

---

¹³ *БМД – боевая машина десанта*

– Что можем, то можем.

А потом потянулось томительное ожидание. Вишняк раз за разом проверял запасные стволы и боекомплект. Затем велел ввинтить запалы в гранаты и уложить в верхние карманчики разгрузок: слева Ф-1, справа - РГД-5. Курил сигарету за сигаретой с такой страстью, что Знахарь не сдержался:

– Скиф, коптишь как паровоз в первую мировую. Ты нас всех без курева оставишь.

Вынужденное безделье расслабляло и тревожило одновременно. Отовсюду приходили свидетельства о зверствах добровольческих батальонов, выросших как грибы после дождя. Одному из ополченцев, Степану Фёдоровичу по кличке «Кубик», сын привёз видеозапись пыток, устроенных пленным ополченцам в батальоне Айдар. Вишняка, военного человека, полдня мутило после просмотра этого видео и фото. И тут курить стали все без перерывов. Так что к утру весь запас сигарет иссяк.

Молчун со своими людьми не появлялся и никак себя не проявлял.

– Вот уж в самом деле, молчун, тебе бы не в армии служить, а преподавать бедной жёнушке уроки молчания, – бормотал майор себе под нос.

Наконец, Вишняк решился на разведку. Решил пойти в неё самолично, оставив старшим Колобка. Взял с собой в помощники Кубика:

– Степан Фёдорович, выходим с тобой на разведку, а там и курева достанем. Приказываю: взять с собой три рожка, три гранаты РГД-5 и три – Ф-1. Готовность – через пять минут.

Перед Семёновкой, небольшим, плотно застроенным селом с позеленевшим шифером на крышах, располагалось большое поле высокой, в рост человека, кукурузы. Отдельные стебли вымахали за два метра и дали крупные початки,

наполненные нежно-жёлтыми зёрнами. Крупные стебли уже деревенели и начали желтеть. Главное – при прикосновении они издавали вызывающе громкий шелест, так что приближение любого человека можно было уловить за версту.

Передвигаться по рядкам было не просто неудобно, но противно до оскомины. В конце концов майор стал передвигаться баскетбольным шагом – левым боком вперёд. Автомат перехватил в левую руку и держал на локтевом сгибе. Кубик тоже начал двигаться баскетбольным шагом и даже стал обгонять Вишняка.

Скоро в междурядье мелькнул забор из серого, побитого грибком штакетника. За ним виднелась хата, точнее сборно-щитовой дом, один из углов которого изрядно просел. Дом был обшит вагонкой, которая до уровня подоконников, была окрашена свежей светло-зелёной краской.

Вишняк отогнул в сторону ветхий штакетник и шагнул к дому. Навстречу из-за угла выпорхнула светловолосая девочка лет шести. Заплетённые в косы волосы словно взвились надо лбом, когда она, притормозив, увидела Вишняка и Кубика.

Майор вдруг увидел себя и Кубика глазами испуганного ребёнка. Оба небритые, с седой щетиной, засаленными ремнями автоматов, в грязных ботинках и пыльном камуфляже. Вспомнился внук Никита, который смотрел снизу исподлобья на чужих людей, входящих в его собственный, совсем недавно купленный дом в Славянске.

Вишняк расстарался: растянул рот в улыбке, да так, что обветренные губы лопнули и слева внизу выступила капелька крови. Он прикрыл губы рукой и поздоровался: – Здравствуй, миленькая. Ты только не пугайся, мы хорошие и добрые. И у меня есть внук, очень на тебя похожий. Вы бы с ним подружились...

Девчоночка прокричала:

– Деда, деда, тут двое дядей с ружьями.

Вишняк шагнул вперёд, обогнул девочку. За углом, перед фасадом дома у небольшого стола, укрытого цветастой клеёнкой, сидело целое семейство: пожилой мужчина лет шестидесяти, сорокалетняя женщина, девочка лет пятнадцати и двое десятилетних мальчиков-двойняшек. Представился, бросив автомат на плечо, сняв фуражку и вытянув по швам руки:

– Майор Вишняк из ополчения Донецкой Республики. Временно расположились тут рядом с вами. Вот, с просьбой одной: не одолжили бы вы нам курева. Продовольствие у нас есть, а про курево забыли.

Хозяин встал и опёрся на прислоненный к скамейке костыль:

– Да вы присядьте, чайку чашечку выпейте. Хоть расскажете нам, что на белом свете творится.

Вишняка и Кубика проводили к рукомоюнику, подали чистое полотенце. На столе появился свежеиспечённый домашний хлеб и тоненько порезанное сало. Пожилой Иван Михайлович рассказал, что у него гостит дочка Нина с четырьмя детьми. Жена его, Валерия, в больнице в Донецке, ей вот-вот будут удалять опухоль. А Нина с детьми решила пересидеть тревожное время в родительском доме, поскольку в Макеевке, где у них с мужем двухкомнатная квартира, сейчас тревожно, по городу ездят военные. Муж трудится на шахте, до пенсии ему осталось всего-навсего три года. На семейном совете решили, что Нина с детьми пересидит тревожное время в Семёновке.

Иван Михайлович сходил в дом и вынес оттуда три пачки сигарет и бумажный кулёчек:

– Вот, попробуйте самосад. Крепкий, но ароматный и горло лечит. Семена выписывал аж из Киева, сам растил. Жутко капризное растение, но табачок из него ароматнейший и лечебный.

Сделали из крупно нарезанного самосада самокрутки. Майор затаился сладковатым терпким дымом. Сразу показалось: нет войны, нет рядом ненависти и страха. Трещат совсем рядом кузнечики и мирно, успокоенно шелестят кукурузные стебли на соседнем поле...

Вишняк совсем расслабился. Казалось, все тревоги последних дней куда-то отступили. Захотелось выпить рюмочку самогона, от которого они с Кубиком отказались не без труда, и сидеть бесконечно долго в этом уютном уголке простого человеческого счастья.

Интуиция в этот раз его круто подвела. Не сразу он слышал гул натужно ревущих БТРов. Первой об этом оповестила младшенькая Настенька, выскочившая за палисадник и сообщившая, что к дому подъезжает два танка, а за ним едут автобусы с военными. Вишняк успел отметить цепким взглядом: к палисаднику приближались два БТР-80 и старенький трактор, тащивший на прицепе грузовую машину. Вплотную за ними следовали жёлтые автобусы, плотно заполненные людьми в камуфляже.

Бежать было поздно.

Иван Михайлович заковылял к погребу и поманил за собой ополченцев, но Вишняк перехватил его:

– В погреб нельзя. Давай-ка сюда, – Вишняк указал на боковую стену дома, к которой были прислонены несколько десятков крупных стеблей срезанной кукурузы. – Да закидайте нас сверху.

Взвёл автоматный затвор. Напомнил Кубику: – Стреляем в крайнем случае, сам понимаешь, дети здесь, – уселся на корточки, вытянув колени в упор до стеблей. Слегка раздвинул пожухлые листья и сделал себе щель для наблюдения. Достал гранаты и отогнул усики у одной чеки, потом, подумав, у второй. Снял затвор с предохранителя. Проследил, чтобы Кубик проделал то же самое. Взял за под-

бородок, развернул лицо к себе и посмотрел пристально ему в глаза:

– Держись, брат. Струсишь, побежишь – умрём оба. Выдержишь спокойно, не обоссешься – будем жить. Понимаешь, оба будем жить и баб любить, детей и внуков растить и баловать. – Ухватил крепко за запястье и сжал уверенно и сильно, прошептал: «Будем жить».

Первым во двор зашёл крупный, почти квадратный айдаровец, одетый в новенький камуфляж. На брюках и куртке были видны свежие вставки клиньями. Никакая форма не вместила бы эту гору костей, мышц и жира. Большое, круглое как блин лицо обрамлялось короткой иссиня-чёрной бородкой. Маленькие чёрные глаза казалось вот-вот просверлят насквозь. На груди и на правом рукаве красовались ярко-жёлтые нашивки с синими свастиками. Новенькие берцы огромного размера громко шаркали по цементированной дорожке.

Айдаровец демонстративно передёрнул затвор новенького автомата и высоким, тонким, почти женским голосом пропел:

– Так цэ ж гнездо террористив, – затем перешёл на привычный русский. – А ну-ка, дед, показывай где прячешь террористов. Где погреб?

Следом за ним во дворик вошли ещё двое военных. Первый, мужчина лет сорока с узким длинным лицом, тонкой морщинистой шеей. Второй, совсем мальчишка, с тонким пушком над полными губами и наивными васильковыми глазами. Одеты оба в выцветший застиранный камуфляж. Свои автоматы они лениво сняли с плеч и стали обходить хату с двух сторон.

Тем временем мордастый, как его мысленно оценил Вишняк, так же демонстративно вынул из разгрузки округлую тёмно-зелёную гранату РГД, не спеша достал откуда-то снизу взрыватель, ввернул его в гранату и направился к погребу. Хозяин, прихрамывая, пошёл следом.

Дальнейшее майор видеть не мог. Услышал только крик хозяина: «Не надо!». И через несколько секунд хату грузно тряхнуло. Глухой взрыв ударил по перепонкам. Громко лязгнула выбитая взрывом крышка погреба, обитая кровельным железом.

Мальчишка с васильковыми глазами прокричал ломающимся баском:

– Дядь Федь, зачем ты у людей погреб разбомбил. Глянь, у них же детки малые!

А дядя Федя уже громко и смачно грыз яблоко, взятое со стола:

– Ты, малец, быстрее соображай. Вот перед тобой настоящая террористка. – Он указал на старшую девочку, испуганно сгорбившуюся, зажавшую в детские кулачки края

серой кофточки. – Веди её на допрос в автобус.

Небрежным жестом ухватил девочку за косички и рывком бросил прямо в руки длинноголового. Тот сжал в согнутом локтевом сгибе девчоночью головку и потащил её к автобусу.

Тем временем мордастый таким же лёгким небрежным движением ударил прикладом автомата вставшую со скамейки Нину. Удар пришёлся прямо в грудь и вызвал у бедной женщины глухой кашель и последующее оцепенение. Сработал материнский инстинкт; ей пришлось собрать в кулак всю волю, чтобы не допустить гибели остальных детей, чтобы удержать сознание от провала в бездну неистовства. Сквозь щель в стеблях кукурузы Вишняк увидел, как женщина сжала зубами губы и прикрыла обеими руками. Тотчас от левого уголка губ потекла струйка крови.

Страх липким клеем охватил, обезножил сидящих за столом детей, оцепеневшего Ивана Михайловича.

Вишняк почувствовал, как у сидящего рядом Кубика дрогнули мышцы ног. Пальцы правой руки побелели, сжимая в неистовстве приклад автомата. Майор протянул левую руку и что есть силы сжал на мгновение плечо товарища.

Казалось, время остановилось и повернуло вспять.

Послышался голос мордастого:

– Веня, сходи в автобус. Если ... не встанет, то хоть на сиськи посмотри. Ты ж, наверное, их в жизни не видел. – И захохотал заливисто. Словно залаяла маленькая безобидная комнатная собачка...

Вишняк почувствовал, как громко и настойчиво застучала кровь в висках. Показал жестом Кубику: через десять секунд начнём. Потом поднял вверх два пальца, показав, что обоим айдаровцев он завалит сам, а ему, Кубику надо быстро рвануть к автобусу и бить по сидящим там боевикам...

На счёте девять где-то вдалеке ударила автоматная очередь, потом вторая. Над деревенькой взлетела красная ракета. Мордастый боевик пропел петушиным голосом:

– Тревога! Все в автобус. Выезжаем, – повернул голову, издевательски улыбнулся. – Не расстраивайся, дед, скоро вернёмся и всю твою семью, террористов и сепаратистов, осчастливим. Не сомневайся.

Ещё через минуту в калитку вбежала девочка в разорванном, с пятнами крови платье и бросилась на спасительную материнскую грудь.

Заревели моторы могучих БТРов, совсем рядом затарахтел очумело старенький трактор, тащивший на прицепе сломанный ГАЗ-33, забитый смесью мешков с крупами, банками свиной тушёнки и цинками с патронами. Украинское войско двинулось вперёд – устраивать засады, усмирять, насиловать и покорять донбасские сёла.

Вишняк толкнул прикладом автомата Кубика, встал на четвереньки и осторожно пополз к углу хаты, стараясь не задевать похрустывающие стебли кукурузы. На углу перекинул автомат за спину, расчётливо отогнул на место усики первой и второй чеки. Пополз к ограде по-пластунски, обдирая до крови коленки, цепляя деревянные колышки, к которым были подвязаны стрелчатые кустики помидоров с обильными завязями.

Проползли два десятка метров по кукурузному полю. Потом Вишняк поднялся и осторожно, боком стал передвигаться по рядку, стараясь не задевать стебли. Кубик неловко шагал сзади, задевая плечами шуршащие кукурузные початки. Майор оглянулся и увидел мертвенно серое лицо, глаза, застывшие с ненавистью и вобравшие в себя страх смерти. Сделал пару шагов назад, взял крепко за грудки и слегка приподнял. Прошептал-прошипел в лицо, в побелевшие глаза:

– Будем жить, понял! Обязательно будем, если ты очень захочешь отомстить, жену свою и детей спасти! – Повернулся и легко поскакал по рядку баскетбольным шагом. Кубик попытался двигаться так же, но стал шумно задевать стволом автомата по кукурузным стеблям. Вишняк опять вернулся к бойцу, перехватил его автомат и всё так же легко поскакал по полю. В мозгу зрел план, матёрый и жестокий, выстраданный в беспомощном сидении у окрашенной стены хаты.

Через полчаса они уже были у слившихся с зелёной стеной лесопосадок спасительными «зушками».

Майор не дал себе отдышаться. Хриплым свистящим голосом начал отдавать приказания. Колобок, слава Богу, не подвёл. Выслушал молча, понял всё с полуслова. Вместе с Вишняком переставил свою машину на полсотни метров вперёд в неглубокую балочку. Майор проинструктировал:

– Через полчаса в лесок войдут бандеровцы. Когда все втянутся, жмёшь на спуск. Смотри, сейчас стволы на уровне груди. Так их и надо держать: не выше, можно чуть ниже – на уровне пояса. Вот сектор обстрела. Дальше идёт моя территория. Отстреляешь два боекомплекта, меняй стволы. И опять – в том же порядке. Бей ниже – по лежачим. За наводчика сам сядешь. Запомни: их две сотни. Чуть что не так, угол не выдержишь, стволы медленно менять будешь – нас всех положат.

Майор не стал говорить, что после первых залпов ему, Вишняку, придётся бить по двум БТрам и надо обязательно

разбить их, иначе их открытые для любой пули или осколка «зушки» и их расчёты будут одномоментно прошиты яростными очередями огромной многоствольной армады киевских бандеровцев. И это сверхзадача! А надеяться можно разве что на собственное хладнокровие, твёрдость рук, везение и Божью помощь.

Первую машину Вишняк также спустил в балочку. Лично выверил установку с тем, чтобы стволы прошивали насквозь лесопосадки на уровне груди и чуть ниже.

Едва закончили забрасывать ветками машины, подтянули поближе к установкам коробки с боекомплектами и сменными стволами, как ветки в лесополосе, всего в двухстах метрах от них зашевелились. Вначале осторожно качнулись несколько молодых кустов, потом густые заросли заколыхались, слышались грузные шаги, треск сломанных сучьев. Скоро вся лесопосадка зашевелилась, затрещала, наполнилась гомоном сотен голосов, перемежаемым матерными выкриками. Бандеровское братство, неопытное и расслабленное, развращённое безответным насилием и безнаказанностью, готовилось организовать засаду на ополченцев.

– А нам ведь страшно везёт, – подумалось Вишняку. – Эти хреновы вояки умеют пока грабить да насиловать. А разведку выслать, грамотно озадачить бойцов – это слабо. Нет головной походной заставы, нет фланговых дозоров, нет вообще никакой рекогносцировки местности. Ну, значит – Бог с нами, не с этими гадами.

Потом в голове вдруг явственно всплыла совсем недавняя сцена: возня в жёлтом автобусе, страшный вскрик о помощи девчонки, её кровь на кремовом платъице в зелёный горошек. И скошенные, обезумевшие от страха и боли глаза. Подумалось:

– Девчонке этой теперь всю жизнь маяться, переживать в страшных снах эти подлые рожи, вонь и грязь этих проклятых нелюдей.

Это видение чуть не стоило успеха всей операции и их висевших на волоске жизней. Рука Вишняка непроизвольно повела стволы в сторону, и висевшая между стволами ветка сползла, провалилась вниз, выставляя чёрный воронёный ствол под жгучее июньское солнце. Но и в этот раз их спасла беспечность и самоуверенность айдаровцев. Пьяные от безнаказанности и распитого самогона, что выгребли в погребах Семёновки, бандеровцы громко смеялись и перебрасывались матерными шутками, готовились к обеденному приёму сала и горилки.

Вишняк дождался, пока экипажи БэТээРов, шофёры из машин перебрались в лесочек, чтобы пообедать, а потом и соснуть часок, прячась от жаркого солнца.

Первые ряды бандеровцев стали подбираться вплотную к расчётам «зушек». За секунду до столкновения лицо в лицо Вишняк нажал на ножной спуск, уверенно повёл стволами по намеченному сектору. Смотрел чуть выше вздрагивающих стволов, выбрасывающих полукилограммовые снаряды со скоростью четыреста выстрелов в минуту. Явственно услышал последний выстрел, медный звон случайно выпавшей гильзы и ощутил падение отщёлкнутой ленты.

Присевший рядом Падре подкинул как перышко тридцатипятикилограммовую патронную коробку и заправил ленту. В эти же секунды замолчала вторая «зушка».

Вишняк мысленно поблагодарил себя и порадовался своей терпимости к командиру второго расчёта. Колобок был на высоте.

Бросил мельком взгляд на лесок впереди и содрогнулся. Лес превратился в бурлящее море. Волны с треском поднимались и опускались, срезанные, сломанные ветки явственно вздымались и падали. Это бушующее море ревело, один вал накатывал на другой в утробном страхе и бессильной ярости.

– Смертельно хорошо, – пробормотал Вишняк, нажимая на ножной спуск, поводя вздрагивающими стволами

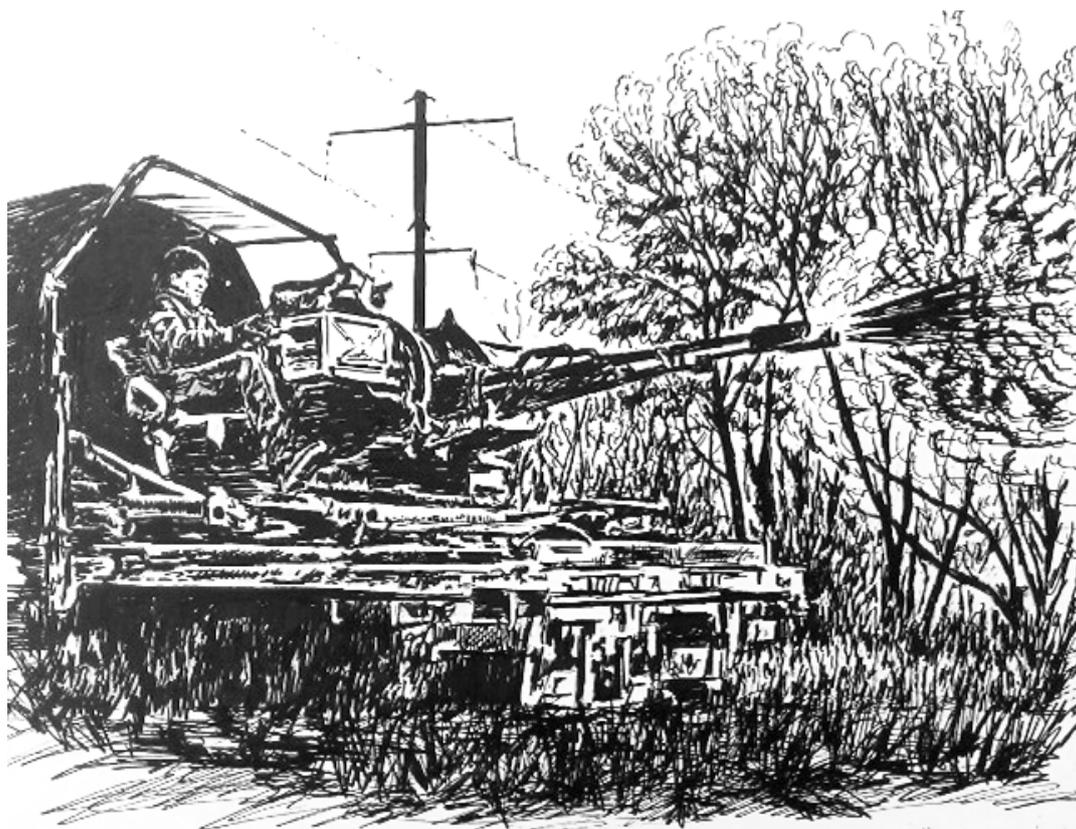
от обреза того сектора, который обстрелял Колобок. Дальше бормотал что-то совсем неуместное:

– Только на уровне пояса, не выше.

Успел дважды пройти стволами по своему сектору. Опять услышал щелчок закончившейся патронной ленты. Двинул кулаком по плечу Падре и просипел:

– Стволы меняй, убью гада. – Вспомнил: тренировал расчёты по скоростной смене стволов, сгибал пальцы посекундно, потом поднимал так же. Добился наконец – оба ствола меняли за 20 секунд.

В этот раз Колобок опять оказался на высоте. Он раньше Вишняка сменил стволы и вновь разрубал слитными снарядами очередями упругую, качающуюся волнами зелёно-красную массу лесополосы.

Стволы рыкнули двумя короткими очередями, трассеры упёрлись прямо в борт первого БТРа. Над башенкой сразу показался сизый дымок. Фигурка, прыгнувшая было

на броню, сломалась пополам, поползла в сторону. А второй БТР уже стал поворачивать ствол КПВТ¹⁴ в сторону «зушки». Вишняк представил, как 14,5-миллиметровые пули прошивают расчёты «зушек», рвут плоть, разбивают на куски стволы и станины его установки.

Нога механически нажала на педаль – и оба ствола выбросили длинные очереди. Бандеровский БТР неожиданно распух и начал расползаться по швам. Башня стала в замедленном темпе отрываться от корпуса и уходить всё выше и выше. Через долю секунды воздух упруго ударил в уши: внутри БТРа взорвался боекомплект. Потом выяснили: в этом БТРе перевозили ящики с противопехотными минами, которые айдаровцы планировали поставить перед лесопосадками.

Только теперь майор решился взглянуть на то, что несколько минут назад было цветущим густым лесочком. Неожиданно и неуместно взгляд остановился на рукотворных выемках для полива. Бороздки, выходявшие прямо к его установке, расположенные продольно, показывали, что совсем недавно люди этот лесочек заботливо поливали и радовались окрепшим стволам берёзок, ясеней и осин. Теперь же это была та самая картина, о которой тридцать лет назад новобранец из Уфы высказался когда-то предельно точно: «смертельно хорошо».

Весь бывший лесочек представлял теперь собой трагическую площадку, заваленную срезанными, перемолотыми ветками.словно гигантская мясорубка горстями втянула в своё жерло огромное количество деревьев, кустарников вперемишку с расположившимися в них людьми, их оружием, снаряжением и безжалостно перемолола их. Раздробленная зеленоватая биомасса вспучилась грязно-оранжевыми пятнами. В некоторых местах виделось робкое шевеление. Казалось, какая-то жизнь ещё теплилась на от-

---

¹⁴ *КПВТ – крупнокалиберный пулемёт Владимирова, танковый*

дельных участках. Потом всю площадь накрыл вопль раненого, перешедший в надрывный вой.

Через минуту первый из подбитых БТРов густо задымил, и ветер выбросил большую порцию копоти на бывшую лесопосадку. Второй БТР начал выбрасывать серии звонких выстрелов – это продолжал взрываться боезапас, иногда крупнокалиберные патроны рвались пачками. Ветер погнал целую тучу чёрной копоти и с этого БТРа прямо на точку, откуда раздавался нечеловеческий вопль. Скоро всю площадь бывшего лесочка милосердно накрыло чёрным саваном.

Майор подал сигнал вращением правой руки над головой, прокричал, выбрасывая с силой воздух из прокуренных легких:

– Заводи!

Приказал трогаться в сторону, параллельно шоссе. Машина Колобка прошла с десятков метров и остановилась. Вишняк почувствовал, как что-то ёкнуло под сердцем. Спрыгнул с машины и побежал ко второму расчёту, забыв подправить автомат, который больно бил по правому бедру.

Уже подбегая к машине, увидел: Колобок и Вектор рысцей спешат к ползущему со стороны лесопосадок зелено-оранжевому существу, бывшему совсем недавно человеком. Подошёл быстрым шагом к лежащему, на ходу снимая поясной ремень. У молодого айдаровца, того самого юнца с васильковыми глазами, бронебойным снарядом была отсечена правая рука выше локтя, из среза выглядывала снежно белая кость и сгустками плескала алая кровь. Вишняк туго стянул ремень чуть выше раны и бросил Колобку:

– Неси аптечку. Умелыми движениями сделал противошоковый укол, перетянул бинтом рану и приказал грузить раненого в кузов, набросав туда несколько срезанных веток. Посмотрел в глаза Колобку:

– Такая она, война. Ты не видел ещё, что они творили в Семёновке. А что они творят с пленными, с девочками! И запомни: теперь между нами и ними будет долгая война, кровавая, победитель получит главное – право жить на этой земле. Сжал крепко кулак и постучал по плечу, добавил:

– Больше не останавливаться и раненых не подбирать. Надо занять новую позицию и ждать авианалёта. Уж теперь нас не пощадят, сам понимаешь.

На новой позиции их нашли конные разведчики от группы Молчуна. Пятеро храбрых казаков-кавалеристов были находкой и несказанной радостью для ополченцев.

Вишняк коротко описал боестолкновение. Добавил:

– Противник потерял около ста человек убитыми и ранеными. С нашей стороны потерь нет.

Статный казак с пышным чубом снял кубанку с красным верхом и присвистнул:

– Ну ты даёшь, Скиф. У них сотня жмуриков – а ты без потерь. Тут любой скажет: заливаешь

Вишняк криво усмехнулся:

– А ты пойдёшь и пересчитаешь. Только смотри, не пугайся со страху.

Казак шептался и попрощался:

– Прощайте, только ваше донесение мы перепроверим. – Пожилой казак, с орденом Красной Звезды на груди обернулся:

– Ежели полсотни насчитаю – приеду поклониться и бутылку горилки притяну.

Казак вернулся через час с небольшим. Переднего, статного всадника качало в седле из стороны в сторону. Вишняк удивился: неужели зацепило где-то. Вроде выстрелов не было. А может, горилки пропустил с полбутылки? Подъехав, казак спешил. Молодой статный командир разведчиков, сделавший было шаг в сторону майора, вдруг

качнулся, его развернуло, и послышался утробный рык: казака рвало тяжкими, могучими порывами, выворачивало наизнанку. Пышный чуб упал на глаза, скрывая глаза, в которых застыл ужас.

Бледно-серый пожилой казак положил на землю несколько трофейных автоматов, протянул майору в подарок длинноствольный увесистый пистолет – настоящий АПС¹⁵ потом, поглаживая зачем-то свой изрядно потёртый орден на левой стороне груди, проговорил тихо, изогнув каким-то странным жестом губы:

– Извини, майор, ты там такого наворотил, что с непривычки любого вывернет. Я вот тоже едва стерпел. Знаешь, там руки оторванные, мозги и внутренности человеческие на кустах. Тяжко смотреть. Но командир настоял на досмотре: надо же докладывать самому Стрелку. Тот оправданий и пустой болтовни не принимает. Строгий. Да сейчас по-другому и нельзя. Кто строже будет, тот и победит.

Потом казак взмолился:

– Ребятки, дайте граммов сто, дурно мне.

Колобок свинтил крышку с фляги и забулькал в подставленную Падре крышку от котелка.

Казак жадно, одним глотком проглотил спирт, закашлялся, запил заботливо поднесённой водой и с силой выдавил из себя:

– Я насчитал сто двадцать восемь трупов. Это не считая тех, что ты положил около их БТРов и машин. Там тоже все «двухсотые». Раненых почти что не осталось. Пожевал губами. – Прав ты был, майор, ты весь их батальон положил. Были б все у нас такими как ты, мы бы давно уже войну закончили.

Майор почувствовал на себе взгляды ополченцев и казаков, пробормотал:

---

¹⁵ АПС – автоматический пистолет Стечкина

– Спасибо, казак, что похвалил. Не я один победил, все мы. Только я считаю: нам сам Бог помог, он вложил в меня силу, я словно на полчаса вперёд в жизнь заглянул и увидел там всё так, как должен был сделать. Только гадов этих всё равно жалко. – Майор посмотрел на раненого айдаровца, вспомнил его красивые васильковые глаза, которые сейчас, в обморочном состоянии, мелко подёргивались. Бросил казакам: – Вот что, ребята, берите раненого, кладите поперёк седла и рысцей до шоссе. А там в любую машину его положите, до госпиталя. Сами галопом к Молчуну, а лучше прямо к Стрелку. Мы же пленных не взяли. Никого допросить и узнать, кто ещё там двигается следом за этим грёбаным «Айдаром». Вдруг там танковый батальон объявится! А нам сейчас отсюда отлучаться никак нельзя. – Прокашлялся. Потом добавил:

– Давайте с Богом.

Посмотрел вслед удалявшимся конникам и занудливым командирским голосом приказал:

– Патронные коробки заполнить, как прежде – четыре осколочных, один бронебойный трассер. Машины замаскировать, как учил. Срок на всё сорок пять минут. Всё делать как на тренировках. Время пошло!

После большой кроваво-резонансной победы под Семёновкой к майору пришла военная слава, точнее – обросшая небылицами и легендами баллада об уничтожении банды преступников, называвших себя «батальон Айдар», стала первым громким событием этой войны по обе стороны фронта. На место боя приехал сам Стрелок¹⁶, осмотрел внимательно и изрёк:

– Только дисциплинированный военный отряд и может так воевать. Значит, правильно ввожу законы: за ма-

---

¹⁶ *Игорь Стрелков – министр обороны самопровозглашённой Донецкой народной республики.*

родёрство – расстрел, за самовольный уход с поля боя – расстрел, за пьянство – расстрел. Так и победим.

Его слова потом передавались по всем отрядам ополчения.

СБИТЬ ГЕНЕРАЛА

В полдень к Вишняку заглянули разведчики. Майор несколько раз встречался с этими ребятами в штабе. Старший, Владислав, двадцати восьми лет от роду, не производил никакого серьёзного впечатления. Простой парень, худощавый, скорее даже худосочный, гибкий, подвижный, с короткой стрижкой, производил впечатление шаловливого студента-старшекурсника, любителя устраивать всяческие подвохи. Под стать ему была и команда – ребята в возрасте до тридцати, не выделяющиеся бицепсами и накачанными бычьими шеями. Словом, полная противоположность сложившимся представлениям, согласно которым разведчики – это команда, сформированная из современных Рэмбо, тренированных, мясистых, задиристых. Лишь один из разведчиков выглядел на все пятьдесят. Это был снайпер по кличке «Михалыч». Оснащён он был снайперской винтовкой импортного производства калибром 12,7 мм. На дальности в полтора километра попадал в маленький кочан капусты.

Казалось, собралась группа случайно подобранных бойцов, которым ещё предстоит учиться и учиться на этой войне. Но майор знал – Стрелок в таких вопросах не ошибается и подобрал тех людей, что способны добывать самые ценные сведения о противнике в условиях военной обстановки, меняющейся стремительно и непредсказуемо, в условиях отсутствия линии фронта и дилетантского отношения к военным действиям с обеих сторон.

В этот раз разведчики подъехали к замаскированным машинам Вишняка на небольших, скорее даже – крохотных мини-мотоциклах. Причём два мотоцикла работали на бензине и имели какие-то дополнительные глушители. Так что услышать их можно было только, когда они подбирались очень близко. А вот ещё три – работали исключительно бесшумно, на аккумуляторах.

Владислав сразу отвёл майора в сторонку и бесцветным голосом сообщил: в зону АТО прибыл новый командующий, генерал от киевского МВД. Ему дали особые полномочия, подбросили артиллерии, особо много реактивных систем залпового огня, и он поклялся «перебить террористов» за пару недель.

Первые несколько дней он летал на вертушке МИ-24 с навороченными системами безопасности. Всего пару лет назад американцы помогли этот вертолёт переделать, установили модернизированные двигатели, станцию оптико-электронного противодействия, спутниковую навигационную систему JPS MAP-695, смонтировали дополнительное бронирование. Словом, летающая крепость, да и только. Сбить такой вертолёт практически невозможно, к тому же его оснастили новым инфракрасным локатором целей и новыми очками ночного видения для лётчика.

Но самонадеянному генералу надоело летать в тесноте и два дня назад он пересел на просторный МИ-8. Теперь он таскает с собой целую свору полковников, начальников родов войск и готовит какие-то серьёзные гадости для ополченцев. А вчера он совсем обнаглел и подлетал довольно близко к позициям ополченцев, где нахально и демонстративно провёл рекогносцировку.

Словом, появился шанс сбить эту летающую корову – Ми-8, если устроить настоящую засаду.

– Ты, Скиф, настоящий мастак устраивать засады, поэтому Стрелок выбрал тебя. – Владислав внимательно

осмотрелся и продолжил. – У тебя всего пара дней. Потом этот грёбанный генерал опять пересядет на свой супербезопасный МИ-24. Тогда уж мы его не достанем. Подумай хорошенько. Если что решишь – действуй самостоятельно. Мы готовы прикрыть тебя несколькими БТРами и артиллерией. Подкинем с десятков твоих любимых 82-мм карамултуков (так разведчики называли самодельные миномёты).

Владислав достал карту, показал обозначенные красными кружками места полётов генерала. Подумав, достал копию карты и обвел кружками самые напряжённые зоны боевых действий, где генерал мог проводить рекогносцировки. Протянул карту майору и хлопнул на прощанье подставленную ладонь.

Майор долго не мог заснуть, ворочался, вставал, курил глубокими затяжками сигареты, отрывая жёлтые в крапинку фильтры. Включал свой старый, выдавший виды фонарь на щелочных батареях, разворачивал карту, выверял расстояния спичечным коробком.

Ранним утром оправился в город к разведчикам. Вернулся под вечер на поржавевшем дребезжащем мопеде, одетый в старую гражданскую одежду, разодранную сверху серую фетровую шляпу.

На раздолбанном мопеде он доехал аж до горы Карачун, вглубь украинских позиций, стараясь мысленно прочертить трассы полётов тяжёлых вертолётов, облетающих цепочку вражеских блокпостов. Пару раз сталкивался с украинскими военными. Его досматривали, подозрительно вглядывались в морщинистое лицо. Выручало, что выглядел он гораздо старше своих лет. Въевшаяся глубоко в кожу рук угольная пыль выдавала в нём шахтёра, местного жителя. Это спасало.

Но, как мысленно представил себе майор, закручивался круто только первый виток злобной гражданской войны

и быть может через неделю или даже через день такие поездки вряд ли будут возможны. Уже в ближнем будущем могут не просто задерживать согласно своей майданной правде, но и пытаться, избивать или просто расстреливать в лесопосадках. Он видел это будущее в глазах национальных гвардейцев неотвратимо.

В трёх километрах от Карачуна дорога была перегорожена толстыми бетонными блоками. На длинном флагштоке вяло повис жёлто-голубой флаг. Безветрие, похоже, возбуждало флегму у национальных гвардейцев. Потом Вишняк понял: безветрие и флегма спасли его тогда. Прямо перед ним блокпост проезжал небольшой ярко-жёлтый автобус, следовавший в сторону Карачуна. Когда Вишняк подъехал к блокам, автобус уже трогался. Чуть в стороне лежало окровавленное тело молодого мужчины. Его дружно пинали коваными ботинками несколько гвардейцев. Толстый, лоснящийся от пота гвардеец поманил Вишняка к себе пальцем:

– Вон видишь – це террорист. Был живой, щас будет неживой. А ты что, тоже террорист? – Лениво осмотрел его. Приказал показать руки, всмотрелся во вьевшуюся в пальцы угольную пыль.

– Шахтёр, значит. – И словно нехотя, как кот лапой махнул правым кулаком. Костяшки угодили точно в переносицу.

Кровь хлынула горячей струей, обрызгав грудь и рукав левой руки, которой Вишняк безуспешно пытался кровь утереть. Толстяк брезгливо ухмыльнулся и пнул кованым ботинком по мопеду. Пошёл... Скажи спасибо своей... мамаше, что кровь у тебя такая яркая. И много у тебя такой крови. В следующий раз сделаю в тебе пару дырок в мозгах, чтоб не зыркал в мою сторону. Собрал под пухлыми губами густой, липкий сгусток мокроты и плюнул в лицо Вишняка. Это действие вызвало одобрительный гогот груп-

пы солдат территориального батальона Днепр, взиравших на происходящее с нескрываемым удовольствием.

Майор не вытирался, спешно сел на мопед, сжимая пальцами левой руки ноздри, отъехал метров триста от блокпоста, остановился. Прилёт в придорожную траву, усмиряя кровотечение. Потом отъехал подальше в правую сторону от дорожного полотна. Решил: вот отсюда ублажит этот блок-пост полным комплектом снарядов, поскольку отсюда глупо и небрежно расставленные блоки его не прикрывают. А с этой позиции прямыми очередями «зушек», косым рикошетом с дороги и придорожного кювета будет сметено всё живое. Вслух прошептал:

– Да что я их живыми называю. Это нежить. И смести эту нежить с нашей земли – святое дело.

Сцена у блокпоста зарядила майора какой-то злой уверенностью в успехе. Ведь предстояло сбить вертолёт с генералом, который отдавал приказы на расправы, создавал ту самую зубодробительную систему уничтожения всякого сопротивления.

Добрался до боксов с установками вечером. Под сочувственными взглядами обеих расчётов приложил смоченную в холодной воде марлю к разбитой переносице. Подсвечивая фонариком, развернул карту и стрелками набросал маршрут движения своей маленькой колонны. Решил отказаться от БМД¹⁷, которую ему выделило начальство. Взамен бронетехники решил взять два 82-мм миномёта и несколько ящиков мин. Тщательно проработал пути отхода от Карачуна. Получалось, что придётся проникнуть на вражескую территорию почти на двадцать километров. Даже если удастся успешно сбить вертолёт, то шансов уйти живыми будет немного, особенно с учётом боевой мощи того самого блокпоста, где стоял батальон Днепр, те самые «истребители кацапов», как они себя называли. Ведь на нём

---

¹⁷ *БМД — боевая машина десанта.*

Вишняк насчитал два крупнокалиберных миномёта, одно безоткатное орудие, три «Утёса» и множество гранатомётов.

Рано утром собрал оба расчёта, рассказал о задании, об убитом на блокпосту парне из жёлтого автобуса, о мордастом национальном гвардейце, кованных ботинках, терзающих тело мужчины, и планах гвардейцев по «истреблению москалей». Слушали молча. Также молча, играя желваками, пошли готовить машины к рейду. Только Колобок сказал прокурренным голосом:

– Сделаем, Скиф, мы их сделаем. Всё будет смертельно хорошо.

Через пару часов подвезли 82-миллиметровые миномёты и четырёх миномётчиков, трое из которых представились одесситами: Моня, Клинт и Вектор. Четвёртым был восемнадцатилетний парнишка из Артёмовска – невысокий, подтянутый крепыш по кличке «Везун». Все четверо сообщили, что дважды выезжали на полигон и хорошо усвоили правила миномётной стрельбы. Проверять было некогда, и майор просто распределил их по машинам, забросив в каждую по пять ящиков с минами.

Порадовал Колобок, притащивший пару обрезков труб, внутри которых были грубо и нескладно вварены округлённые пластины в несколько рядов.

Обрезки закрепили хомутами к выхлопным трубам КамАЗов. Завели – и в самом деле, шум выхлопа упал до минимума. Все восторженно разулыбались. Падре предложил качать Колобка, но майор эту затею отменил. Сказал только:

– Знаешь, может своими мозгами ты нас всех спас. Так что будет тебе низкий поклон от всех наших жён и матерей.

Под вечер свежесрезанными ветками обвязали обе машины, особо – зенитные установки, так, чтобы не снимая веток можно было стрелять по врагу. Для этого тщательно

срезали все веточки и листки в обозначенных векторах обстрела. Старые ветки, которые хотел нетронутыми оставить Колобок, были тщательно сняты и выброшены на свалку. Майор пояснил:

– От этого жизнь наша и весь успех операции зависят. Ветки и листочки живыми должны быть. Время жизни срезанных – двадцать часов. Дольше этого – всем нам смерть и поражение.

С наступлением темноты стали опробовать приборы ночного видения, которые Вишняк с трудом выпросил в штабе. Из всех членов его команды и прибывших миномётчиков только сам майор, да бывший прапорщик Захар умели ими пользоваться. Это были простенькие монокуляры «Беринг оптикс» с увеличением всего 2.5 крат. Побродили с ними по территории завода. Через час майор собрал всех испытателей, чтобы сообщить: на приборы не надеемся, хотя использовать их обязательно будем.

Расписал диспозицию. Впереди идёт его КамАЗ. Интервал двадцать метров. Двигаются все только по просёлку, обнаруженному и исследованному Вишняком. Он развернул карту, показал Колобку весь маршрут движения, обозначил ориентиры. Напоследок проинструктировал:

– Бронежилеты не снимать, На случай ночного боестолкновения всем иметь в разгрузках по три гранаты РГД-5 с ввинченными взрывателями. Чтобы в темноте не перепутать выстрелы своих и чужих, перезарядить автоматные рожки трассерами через каждые три обычных патрона.

Выехали в двенадцать ночи и к двум часам были уже у линии блокпостов карателей. Здесь их встретили вездесущие разведчики и комроты из батальона «Восток». С ними согласовали план выхода с вражеской территории. По традиции Вишняка послали «к чёрту».

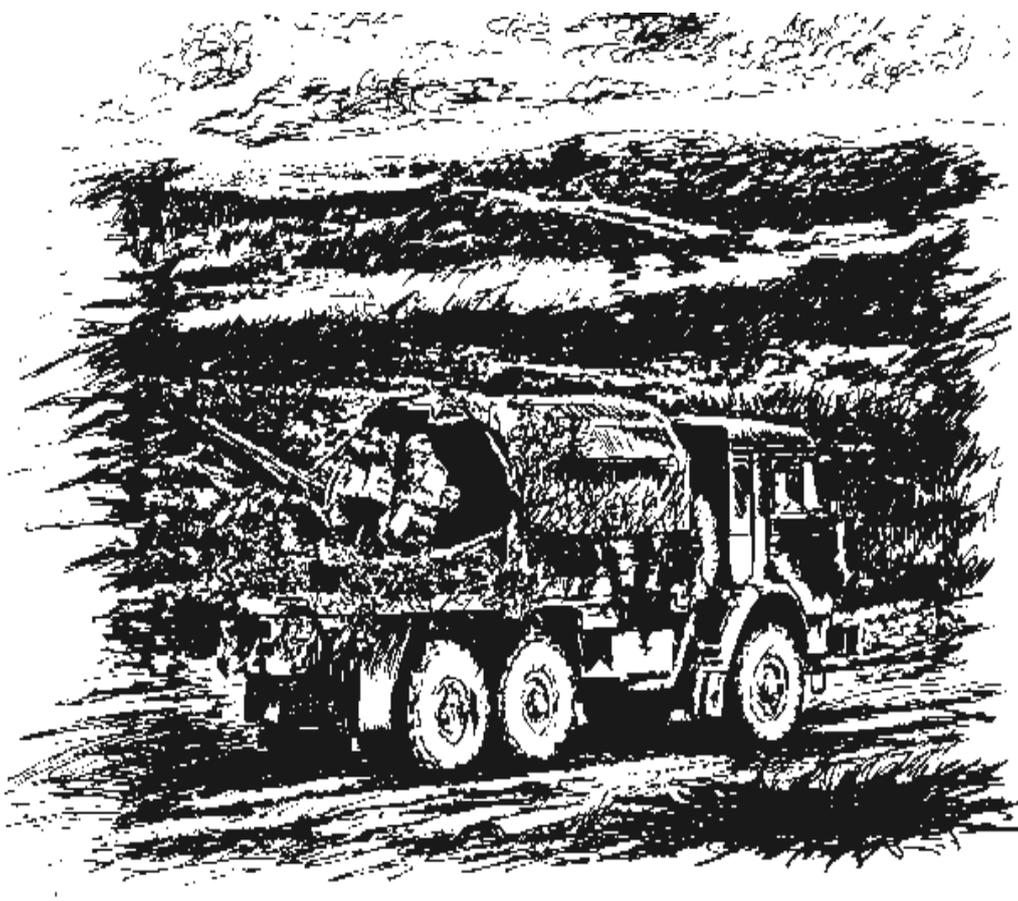
Двигались медленно и, по мнению Вишняка, бестолково. Проехали метров триста, и он почувствовал зудящую тревогу, остановил машину, спрыгнул с подножки и пошёл вперёд, поглядывая в окуляры приборчика.

Им повезло: с одной стороны – небо была безлунным, пасмурным, поэтому противник ничего не видел. В то же время и вся команда Вишняка была слепой, продвигались, надеясь лишь на опыт и интуицию майора, который трусцой бежал впереди, держа в левой руке крохотный, обмотанный тряпкой фонарик, обозначая своё продвижение по просёлку. Ощущал, как тревога внутри стала перерастать в тихую панику. Понимал: велика опасность промазать, уйти на другую дорогу, подставить людей и установки под шквал пуль и снарядов.

Через полчаса Вишняк не выдержал. Остановил движение. Велел заглушить двигатели и сидеть тихо. Не курить, переговариваться тихим, очень тихим шепотом.

В наступившей тишине пошёл один вперёд, прислушиваясь к шелесту осиновых листьев. И тут, в чёрной безликой тьме, вспомнил вчерашний день. Осиновый перелесок располагался в двухстах метрах от головного блокпоста украинских силовиков, от того самого поста, где при нём апросто, с лентой убивали молодого парня из жёлтого автобуса, а ему, Вишняку, разбили переносицу. Вспомнил плевок мордастого гвардейца, насмешки врагов, их готовность пытаться, убивать, насиловать. Воспоминания породили прилив какой-то странной внутренней волны, приток энергии силы и возмездия. Голос внутри произнёс спокойно и торжественно:

– Да, пришло время – и тебе дана сила...

Вишняк вернулся к машинам. Скомандовал:

– Кубик, укрой тряпкой руку с фонариком, оставь для света маленькое отверстие и сядь поближе к заднему борту. Водителю второй машины приказал ориентировать машину по едва заметному лучику фонарика точно по центру, в десяти метрах впереди. Своему водителю определил также дистанцию в десять метров. Обозначил подъёмы поднятием фонаря вверх, спуски – вниз.

Когда отъехали на сотню метров, с блокпоста ударила очередь крупнокалиберного пулемёта. Били по тому месту, где они стояли пять минут назад.

Через час вышли в нужную точку и расставили машины правыми бортами в сторону ожидаемой посадки вертолёта.

Вишняк уловил ощущение слитности с окружающим, какое-то странное чувство уверенности в успехе. Приказал очень тихо нарезать тонких веток и укрыть ими дополни-

тельно установки со стороны кабин и бортов. Добавил шепотом:

– Пописать отходить на три метра в сторону, не более. Может так случиться, что мы стоим вплотную к их лагерю.

Через полчаса пришёл рассвет – серый, мутный, с болотным духом. И тут Вишняк увидел, насколько он был прав: всего в тридцати метрах, за перелеском, чётко выделились контуры палаток украинской механизированной бригады.

Вишняк жестом подозвал Колобка, зашептал в ухо:

– Если кто из солдат набредёт на нас, ну, в туалет решит с комфортом сходить, придётся его тихо кончить, ножами. Колобок кивнул, чуть вытащил из ножен кинжал, произведённый на местной зоне из расплющенного автомобильного клапана. Потом ещё раз проверил, чтобы пространство перед стволами «зушек» было свободным от веточек.

Когда совсем рассвело, невдалеке, примерно в километре, послышался рокот прогреваемых двигателей. Вишняк вспомнил: у Ми-8 два двигателя, мощных и надёжных. Даже если разбить один из них машина всё равно уйдёт. Значит, надо бить длинными очередями по обоим двигателям и главное – винту. Через пятнадцать минут звук двигателей вырос и послышался присвист вращающихся лопастей. Майор слегка повернул стволы установок и положил ногу на спуск.

Вертолёт стал медленно ползти вверх, когда слева внизу показался отсвет от поднимающегося солнца. Вот в прицеле «зушки» показался вращающийся винт. Майор шептал, ощущая подрагивание в занемевшей ноге:

– Ещё чуть-чуть. Надо бы побольше высоты, чтобы в падении разбился вдрабаган. Через секунду он нажал на спуск. Не слышал, оглушённый, стрельбы установки Ко-

лобка, но увидел трассер, шедший параллельно его очереди, упершийся прямо в борт вертолѐта.

Винтокрылая машина замерла и начала разваливаться прямо в воздухе. Первыми высоко вверх и в сторону полетели осколки огромных лопастей, потом блеснуло кровавым отблеском остекление кабины пилотов, куски дюралюминия, освещѐнные пламенем вспыхнувшего керосина, разлетелись в разные стороны.

Вишняк вовремя остановил себя, развернул стволы влево вниз и ударил по вражеским палаткам. Колобок в это время добивал вертолѐт. С тоской и горячей ненавистью встретил перерыв в стрельбе, необходимый для смены патронных коробок. Падре суетился где-то внизу, громко матерясь. Наконец, звонкий щелчок – и ещё несколько длинных, рубящих очередей по палаткам, стоящим около них машинам, разбегающимся человеческим фигуркам.

Похоже, одна из стоящих поблизости машин была бензовозом, поскольку высоко вверх поднялся багровый, яростный выплеск огня.

Падре, стоящий чуть в стороне, замер и стал что-то кричать. Вишняк пнул его ботинком, прокричал:

– Стволы меняй...

Оглянулся влево: Колобок кричал, широко раздирая оскаленный рот. Майор понял – тот тоже командует заменить стволы. Вишняк принялся считать вслух. Досчитал до двадцати, с трогательным восторгом погладил заменѐнные стволы и крутнул рукой над головой: «Заводи!»

Водители дружно жали на газ, давая высокие обороты двигателям, освободившись от плена ночной необходимости тишины. Теперь, наоборот, машины дружно ревели и жадно пожирали километры. Столбы пыли милосердно закрывали их от прицельного огня: ведь даже пара автоматчиков сможет перестрелять всех их, совершенно открытых со всех сторон.

За километр от блокпоста, который Вишняк уже мысленно назвал проклятым, остановились. Майор приказал сбросить оба миномёта и прицелиться.

Забрался на крышу КамАЗа и принялся корректировать миномётные выстрелы. С третьего залпа положили мины точно на блокпост. Майор поднёс к глазам бинокль. Но и без него было видно, как там засуетились фигурки, прячась за толстостенными блоками. Вишняку показалось, что его миномётчики стреляют уж очень медленно. Спрыгнул с кабины одним движением и сам принялся закидывать мины в ствол, чуть пригибаясь перед выстрелом. Ушей не зажимал, как это делали миномётчики. Побросав в жерло ствола с десятков мин, опять взобрался на крышу кабины.

Взглянул в бинокль: на блокпосту был полный хаос. Гвардейцы разбежались с полотна дороги в ближайший лесок, только несколько фигурок, пригибаясь залегли около крупнокалиберных пулемётов, надеясь отстреливаться после миномётной атаки.

Вишняк приказал Колобку оставаться на месте и подстраховывать. Свою «зушку» вывел на невысокий холмик, ощущая знобящий холодок, бесшабашно рискуя и ударил прицельно железными струями прямо по расчётам пулемётов, по безоткатному оружию, пристроенному на обочине. Через прицел видел, как высоко вверх и в стороны полетели куски сколотого бетона, обрубки металла и снарядных ящиков, смешанные с человеческими останками.

Взгляд настойчиво искал тело парня, забитого до смерти на блокпосту. За несколько минут до этого майор заметил скорбный серый комочек в ближнем перелеске.

Через несколько минут всё было кончено: разбитые пулемёты валялись в стороне, пулемётные и орудийный расчёты были превращены в месиво. Когда автомат отщёлкнул последнюю ячейку снарядной ленты, Вишняк наконец увидел в прицел скорченное тело чуть в стороне

от блокпоста. Это было тело того самого безымянного парня из жёлтого автобуса.

Майор прошептал и повторил несколько раз как молитву:

– Парень, за тебя мы отомстили, за нас всех отомстили, – ругнул себя за промедление и крутанул над головой правой рукой, – пора домой.

Через полчаса машины выскочили на разведчиков и ротного из «Востока». Здесь их ждали.

Колобок, чей экипаж шёл замыкающим, доложил:

- В машине с десятков пробоин – стреляли вдогон, но все пули ушли по касательной. Никто не пострадал.

Командир разведчиков, не скрывая восхищения, прокричал:

– Ну, вы наделали шухера, послушай, что они по радиации кричат: сквозь треск и помехи майор услышал надрывный голос радиста-офицера, кричащий о тотальном наступлении «террористов» по всему фронту, о гибели генерала, и десяти старших офицеров.

Разведчик оторвал наушник и бросил:

– Давайте-ка ребятки к себе на базу и прячьтесь получше. Сейчас они ударят и авиацией и артиллерией. Тем более, мы у них засекли готовые к стрельбам «Ураганы», даже пару «Точек У»¹⁸. Всё, Скиф, бегом на базу.

Весь день силовики били по городу из всех орудий. Периодически появлялись истребители-бомбардировщики СУ-25, разбрызгивали тепловые ловушки, уходили на большие высоты, прячась от зенитных ракет, и оттуда пытались достать ополченцев. Но бомбы и ракеты с большой высоты летели хаотично и рвались в основном на городских окраинах, разбивая частные дома, поднимали высоко в небо тучи пыли и обломков зданий. Достать их из

---

¹⁸ «Точка У» — баллистическая ракета большой мощности с дальностью действия 90 километров.

«зушки», бившей всего на пару километров, было невозможно.

Вишняк приказал выдвинуться к западной окраине города, восстановить маскировку установок. Там, на границе города, всматривались в небо над горизонтом, били по юрким, неприметным американским беспилотникам. Маневренные самолёты с мощными тупыми лбами напоминали огромных злобных, коварных насекомых, объявивших людям тотальную войну.

«Зушки» определённо были замечены одним из летающих монстров. Самолёт, управляемый опытным оператором, сделал пробный круг, потом задрал вверх тупой упрямый лоб и ушёл горкой вверх. Майор попытался достать его в момент, когда самолёт в замедленном темпе начал набирать высоту. Дал длинную очередь, но беспилотник, ведомый опытной рукой, вильнул в сторону, потом словно поднырнул под огненную трассу.

Вишняк громко выругался и приказал срочно менять позицию. И упредил летящую к расчётам смерть ровно на десять секунд, потому что через десять секунд то место, где стояли установки, превратилось в клокочущую воронку взрыва 155-миллиметрового снаряда гаубицы натовского образца.

На следующий день майор написал докладную о том, что беспилотники очень точно корректируют огонь и передают по спецсвязи сигнал на гаубицы-пушки натовского производства, калибра 155 миллиметров. Причём команда на огонь с указанием точных координат цели поступает на батарею практически мгновенно. Орудийному расчёту надо только довернуть маховики наводки и произвести выстрел. Вишняк рекомендовал, при обнаружении вражескими беспилотниками, которыми явно управляют специалисты-иностранцы, скорее всего американцы, немедленно менять дислокацию.

ВЕЧНОСТЬ И СЫН. ДОЛГОЕ ПРОЩАНИЕ

Вернулись в расположение в сумерках. Бессонная ночь и тревожный день дали о себе знать. Загнав установки в боксы, все разбрелись спать. Вишняк устроился прямо в кузове, рядом с подругой «зушкой», отдающей терпким духом сработавшего артиллерийского пороха и особой магической силой мощного оружия возмездия...

Он провалился в чёрную пустоту едва коснувшись головой своей подушки – старого потёртого рюкзака, в котором хранился весь его походный скарб. Вначале ощущал долгое падение в кромешной темноте, потом услышал какой-то внутренний голос, требовавший, настойчиво просящий очнуться, выплыть из темноты. Но тьма держала крепко, опутав необычайно прочными верёвками всё тело, не позволяя шевельнуть ни одной клеточке.

Падение остановило только прикосновение тёплого, оживляющего воздуха. Сразу понял: «пришёл» сын. Сергей, как живой, сидел рядом, опершись спиной о рифлёную сталь борта, в руке держал белеющий кусочек картона, словно стараясь укрыть от посторонних взглядов необычную, ценную вещь:

– Папа, я хочу вернуть тебе ощущение жизни. Это моя фотография, о которой ты, наверное, успел забыть. Знаешь, я ведь всё время рядом с тобой. Я тобой горжусь. Ты храбрый, сильный. Такими были и твой отец, твой дед. Ты отважный и успешный воин. Но и меня и тебя грызут сомнения: чем больше твоих военных побед, тем больше ненависти вокруг, тем отдалённее конец этой страшной войны. Тебя это не страшит? – Сын протянул руку и положил картонный прямоугольник рядом с Вишняком. – Мне пора...

– Серёжа, сынок, скажи, мама там, с тобою? – Майор говорил торопливо, надеясь хоть на секунду продлить видение.

– Нет, папа, её здесь нет. Наверное, тебе нужно отставить всё и поискать её и Никитку. Ты ведь знаешь, весь смысл нашей жизни в близких людях, чтобы они и в самом деле были рядом и были счастливы, а тебя, видишь ли, совсем поглотила война. Это плохо. – Последние слова сына растаяли, приглушённые звуком дальнего разрыва.

Серая пелена рассвета пришла одновременно с пробуждением и возвращением сознания. Ох, как не хотел майор возвращаться в этот мир, в котором не было сына, его глаз, его голоса и наивной, совсем детской улыбки!

Вишняк протянул руку к белеющему кусочку картона, лежащему рядом с форменным бушлатом, прислоненным к стальному борту. Это была фотография, насыщенная пронзительно счастливым светом пятилетней давности.

Вишняк поднёс её к глазам и увидел счастливые лица жены, сына, свои улыбающиеся глаза. И вспомнил всё...

То был удивительно счастливый момент семейной жизни Вишняка. Тогда он в первый раз после выхода на пенсию привёз жену и сына в Петербург. Серёжка к этому времени с отличием закончил второй курс истфака Донецкого университета. Ночи напролёт читал Карамзина, Соловьёва попеременно с Пушкиным, Достоевским. Но главным его увлечением, как когда-то у отца, был Петрарка. Временами показывал свои первые стихи и очерки, опубликованные в университетской многотиражке и городской газете, делился с родителями: «У меня каша в голове. Но эта каша такая прекрасная... Нет, скорее не каша, а прекрасный пространственно-временной хаос, в котором я живу хаотично и таинственно».

Именно Серёжка прямо-таки настоял, заставил мать и отца вырваться из тесной от суеты жизни и уехать вместе в Питер, забыв на время обо всём другом.

Вместе ходили по Эрмитажу до полного онемения ног. Потом бесцельно и беспечно бродили по Лиговскому,

по Невскому, ели люля-кебаб в крохотном ресторанчике на Невском и запивали его терпким красным сухим вином, плавали на речном трамвайчике по каналам.

На третий день Вишняк повёз их в Царское Село. На четвёртом этаже знаменитого Царскосельского лицея, у крохотной комнатки, в которой жил лицеист Саша Пушкин, Серёжка, восхищённый, обнял мать, потом самого Вишняка:

– Мам, пап, я воспарил над нашим удивительным миром. Здесь столько тревожащих душу таинств. Я здесь почувствовал, что каждая строчка, написанная в этих стенах, ещё витает в эфире, каждая радостная и печальная картина нашей жизни открывает такой просторный мир чувств, который нельзя принять иначе как величайший смысл жизни. Знаешь, пап, как жить хочется и словесными ниточками старательно вы ткать новую картину своего мира. И вас с мамой. Особенно тебя, папа.

Раз за разом всплывали, искрились красками живые картинки из Царского Села, населённые родными лицами и душами. Картинки проплывали в ночной тишине (когда такая случалась). И эти яркие сны-воспоминания давали майору новый жизненный посыл: «Надо жить и помнить. Живые картинки – это и есть продолжение моей жизни, сплетённое в причудливое полотно. Умру – и полотно истлеет, превратится в ничто».

Вишняк в каком-то странном, замедленном состоянии обходил новые позиции, продвинул, подумав, колобковскую установку на двадцать метров вперёд, потом принялся рубить пышные ветки молодого ясеня и закидывать их на крышу КамАЗа. Где-то глубоко внутри чувство исполненного долга смешалось с тоской и желанием уйти, испариться из этого мира.

Достал из старого стёршегося портмоне две фотографии сына. В который раз ощутил приступ тоскливой вины

за то, что не уберёг, за то, что воспитал в нём чувство долга и справедливости, то, что на определённом этапе так старательно изживал из себя. Он тогда замкнулся на собственных горестях, на утере жизненной мечты. Похоже, тогда всё это передалось сыну.

Вспомнились последние встречи с сыном. В далёком теперь феврале этого года (а ведь прошло с тех пор всего три с небольшим месяца!) он собрался в ставший почти родным Питер, к друзьям и знакомым. В те дни старался не смотреть телевизор, где с экрана зримо надвигалось чудовище, явленный Левиафан ненавистной бандеровщины, огромный, яростный, бескомпромиссный, скорый на расправу.

Посмотрел в глаза сыну, заглянул во взрослые глаза страдающего человека и увидел в этих глазах себя, изнывающего от невыполненного чувства долга, от угрызений совести за то, что не принял на себя никакой ответственности, отгородился от всего семейным мирком.

Попросил неуверенно:

– Сынок, дай слово, что не будешь лезть в эту свару. Плохо нам всем на здешней бессовестной Украине, а я поеду в Россию, в Питер, подготовлю там плацдарм для всех нас. Для тебя – прежде всего. Хочу, чтобы внук Никитка жил в счастье и спокойствии, а здесь теперь этого не будет. Никогда. Буду звонить тебе, сынок. Приедешь, посмотришь. Жильё мне друзья помогут подобрать. Да и работа для тебя подходящая там обязательно найдётся. Прошу сердечно: не лезь в эту грёбаную политику, не испачкай в крови руки. Лучше уедем в Россию, там теперь наш дом.

На прощанье ещё раз повторил:

– Дождись, я скоро.

Вторая фотография была его тайной. Он не показывал её никому. Её сделал врач-доброволец из Самары, оказывавший помощь раненым и вывозивший их из района про-

клятого аэропорта. Раненый в грудь сын улыбался бескровными губами и выставил перед объективом ладонь правой руки.

Этот снимок и обшарпанный телефон сына передал Вишняку донецкий комендант, старый добрый знакомый, сослуживец по Краснознамённой мотострелковой дивизии сороковой армии. Увольнялись с ним вместе в одно и то же время из бывшей Советской армии.

КаМАЗ с ранеными и сопровождавшим их врачом попал в засаду к национальным гвардейцам и азовцам в трёх километрах от аэропорта. Машину расстреляли в упор из гранатомётов. Потом открыли задний борт кузова и методично в упор добивали всех раненых, превратив их в кровавое месиво. Тогда каждый из них получил по полному рожку пуль. Боеприпасов Азов не жалел.

Вишняк убрал обе фотографии и старый потёртый телефон «Нокия». Всего пару месяцев назад этот телефон грел руки сына. И хранился он обычно в нагрудном кармане слева, совсем рядом с сердцем...

МИНОМЁТНАЯ САГА

Стрелок приехал поблагодарить майора и его команду лично. Он был скуп на поощрения, не любил хвалить и награждать. Все знали его главную отличительную черту, одно из главных свойств характера – никогда не бросать своих в беде. Когда в славянской больнице кончились медикаменты и жизни десятков раненых повисли на волоске, Стрелок пробил коридор до Донбасса, по которому раненых повезли в лучшие клиники. И не только в Донецк, но и в Ростов-на-Дону.

Стрелок обошёл выстроенные в линию расчёты, взгляделся в лица. Поблагодарил от лица всего ополчения и жи-

телей Славянска. Вишняк собрался было вытянуться и привычно ответить, как принято в армии: «Служу Советскому Союзу», но вовремя опомнился: СССР не было уже долгих 24 года, да и в ополчении ещё не сформировалась воинская субординация, могут подумать, что подхалимничает.

Первое, о чём попросил начальство Вишняк – отпустить его на поиски пропавших безвестно жены и внука. Рассказал Стрелку о гибели сына, о тяжёлом снаряде, угодившем в подвал, в котором прятались все родные и ставшем их братской могилой.

Стрелок, как и обычно, был сух и пессимистичен. Но майор сразу заметил: что-то угнетало его, делало рассеянным, несобранным. Вишняк почувствовал, как глаза у собеседника повлажнели, когда он сказал:

– В общем, майор, ты столько сделал для Новороссии, что тебя надо на руках носить. Но вот отпускать тебя рано. Поработай ещё, восприми так – без тебя, твоей интуиции и везения туго придётся, когда назрел настоящий кризис и нас всех могут в Славянске окружить и перебить. И вот о чём попросить хочу: помоги пустить в дело миномёты восьмидесят второго калибра. Пойми, сейчас всё наше дело висит на волоске! Никто нам не поможет, только сами, только через невозможное. Иного не дано...

Рассказал о ситуации. К середине лета мин такого калибра было не просто много. Их несметное количество ещё весной вывезли с Волновахи в Донецк, там зачем-то погрузили в вагоны и загнали целый состав в тупик. Теперь эти несметные запасы могут сыграть огромную роль в начинающихся боях под Новосветловкой, Мариуполем, Иловайском и Краснодоном.

На следующий день за Вишняком приехал пожилой офицер, одетый в потёртую полевую форму. Такую одежду носили в армии в провальных «девятиностях». Подполковник был ближайшим сподвижником Стрелка, чувствовалось,

очень переживал за обстановку и за попытки отлучить Стрелка от командования ополченцами в ДНР.

Было начало августа. Донбасское солнце вошло в раж, высушило все просёлочные дороги. Каждая ополченческая машина, двигавшаяся по просёлку, поднимала столбы пыли, по которым сразу начинала бить украинская артиллерия.

Вишняк с подполковником удачно проскочили все обстреливаемые участки и через пару часов въехали в обезлюдевший, словно вымерший, Луганск. Скоро их старенький уазик заехал на территорию одного из Луганских предприятий.

Надо было видеть, с каким энтузиазмом люди крутились вокруг токарных станков и сварочных полуавтоматов, изготавливали и приспособляли к работе какие-то особые резцы. Токарь-расточник Пётр Владимирович Заслонко показывал идеально расточенные стволы миномётов и приспособлялся к шлифовке внутренних поверхностей, у самого входа, за трёхметровой створкой проржавевших ворот стояли первые полсотни миномётных стволов.

Скоро Вишняк разобрался: все ждут решения миномётной проблемы именно на этом участке расточки миномётных стволов и сборки-сварки их донной части. Именно Пётр Владимирович, высокий полный пятидесятилетний мужчина, да седовласый мастер Иван Иванович оказались в центре яростных производственных споров.

Дело в том, что первая партия миномётов оказалась непригодной к стрельбе. И это стало огромной трагедией! И никто не мог понять, в чём же дело. Первые десятки миномётов не стреляли. Вначале решили, что это партия мин попалась бракованная. Потом попробовали эти мины на стареньком миномёте 1942 года выпуска – все мины благополучно сработали и упали на километровой дистанции, недалеко от мишеней.

Вишняк приехал вовремя: спустя полчаса подъехал старенький ГАЗ-33, на который начали грузить изготовленные миномёты и зелёные ящики с минами. Полигон располагался за полуразрушенной фермой в десяти километрах западнее города. Майор, как человек бывалый, первый взял в руки зелёную шестипёрую мину и спустил её в жерло миномёта. Выстрела не произошло. Выждав несколько минут, мину осторожно извлекли из ствола. Испробовали второй миномёт – та же картина.

Вишняк выставил на глазок единственный старый миномёт 1942 года выпуска. Привычным жестом вставил мину и сразу присел рядом. Миномёт ответил яростным хлопком и через несколько секунд мина взорвалась недалеко от расставленных мишеней.

С испытаний все вернулись расстроенные. Больше всех волновался Пётр Владимирович. Он долго возился около своего станка, что-то вымерял микрометром, потом выключилась подстанция, погас свет, все стали расходиться в полной темноте.

Вишняк решил остаться в цеху и попробовать разгадать ребус. Внимательно осмотрел, ощупал старенький миномёт БМ-37, выпущенный в 1942 году. Особо долго сравнивал высоту и конфигурацию ударника с опытными образцами самоделок. Вдвоём с токарем принялись вымерять микрометром внутренние поверхности миномётных труб, раз за разом сверять, сравнивать скорость падения макета мины в стволе. После долгих сравнений Вишняк констатировал: в самодельных миномётах скорость падения мины в стволе гораздо меньше, чем у серийного образца. Решили: надо подумать, как увеличить скорость падения мины.

Под утро Вишняк оставил Петра, закурившего очередную сигарету и прикорнул на скамейке, что стояла в курилке у входа.

Скоро дали электричество, и когда бригада стала втягиваться в полураскрытые ворота, цех огласился громкими воплями Петра Владимировича. Он кричал:

– Нашёл, нашёл! Какие мы все балбесы! – И добавлял что-то нецензурное.

Оказалось, что внутренний диаметр стволов был расточен с ювелирной точностью до восьмидесяти двух миллиметров. Всё проверялось микрометром. Когда мина вставлялась сверху в ствол, её падение вниз задерживалось воздушной пробкой, поэтому капсуль на дне мины не ударялся с должной силой о боёк. Пётр Владимирович за полчаса снял с внутренних поверхностей две десятых миллиметра. Тотчас поехали на полигон, где в лихорадочной спешке установили новенькие миномёты на позиции. Все десять миномётов сработали «на отлично». Удачными оказались и примитивные прицелы, выполненные, по совету майора, в виде двух крестиков из широких пластин. Винт с трапециевидной резьбой с лёгкостью прицеливал ствол в нужном направлении. Правда, градус горизонтальной наводки не превышал шести единиц, но это легко было компенсировать перемещением двуножной опоры. Жаль только, что не было специальных таблиц для стрельб, наводили на глазок. Но и здесь нашлись умельцы, с лёгкостью корректирующие стрельбы.

Рабочие упростили конструкцию и снабдили винты ограничителями для вертикальной наводки – от 45 до 85 градусов, а на промежуточных позициях винтов сделали отметки: от двухсот метров до трёх километров. Как сказал Пётр Владимирович, дёшево и сердито.

Слесарь Виктор Михайлович (все обращались к нему попросту «Михалыч») изготовил специальный тяжёлый «пятак» – опорную плиту с приваренными снизу крест-накрест толстыми пластинами. Плита вбивалась кувалдой в грунт. Сверху в пятаке была выполнена глубокая свер-

ловка. В неё вставлялся штырь, приваренный к казеннику миномёта. С такими приспособлениями изготовиться к стрельбе можно за пару минут.

Особое достижение – приспособления для стрельбы из кузова машины, например «газели». На дно кузова намертво закрепляли старую крышку. На неё накладывали и крепили на длинных болтах пятак – опорную плиту с высверленным отверстием посередине. При выстрелах машина ходила ходуном. Но успевали за минуту делать десять-двенадцать выстрелов и быстро покидать позицию, на которую сразу начинали сыпаться снаряды противника.

Одна из модификаций – в коляске мотоцикла. Точнее так: коляску срезали, а на её место закрепляли опорную плиту. Когда мотоцикл подъезжал на позицию, под опорную плиту подкладывали сваренную из арматуры конструкцию кубической формы. Мотоциклист, как правило, даже не глушил двигатель. Пять-шесть выстрелов – и смена позиции. Силовикам кажется, что у ополченцев работают четыре-пять батарей, а на деле – всего парочка кочующих миномётчиков.

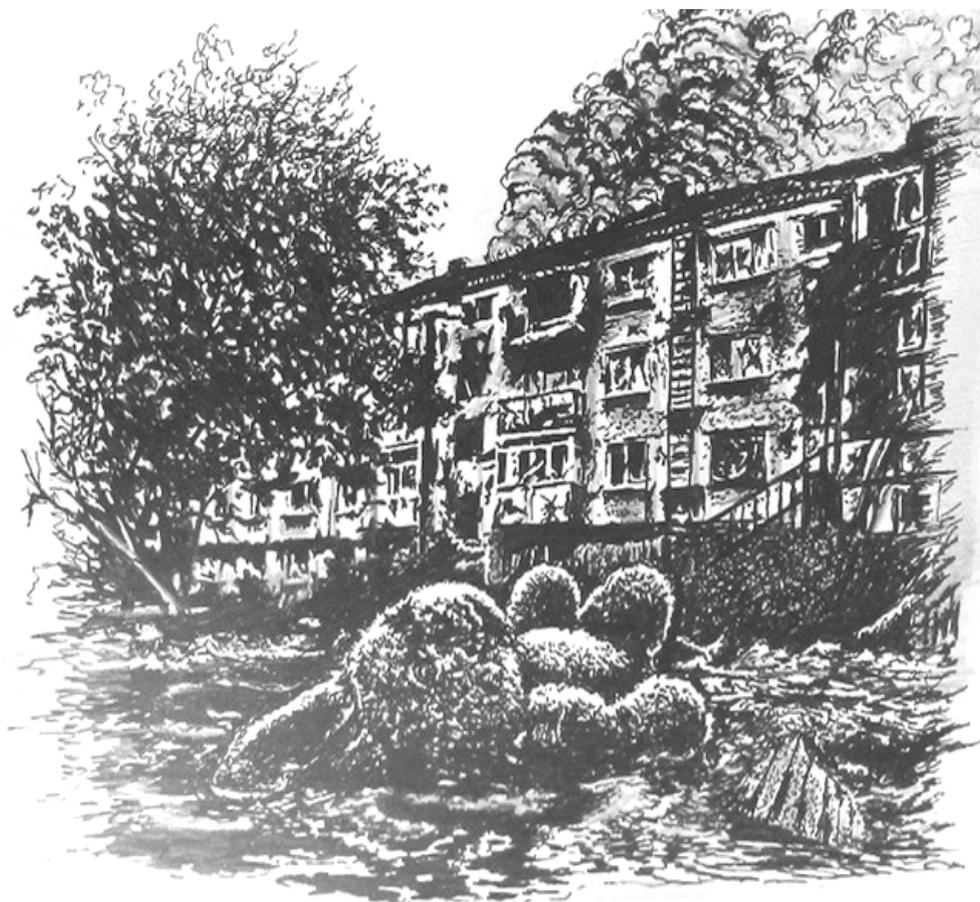
Всего сделали более сотни миномётов. Каждый из них надо было пристрелять. Майор приказал загрузить в КамАЗы с десятков листов фанеры и несколько десятков обрезков арматуры.

На полигоне все листы фанеры расставили по намеченным мелкими камешками линиям, составившим два больших прямоугольника. Закрепили фанеру в вертикальном положении отрезками арматуры.

Вскоре к ним подъехали два «Урала» с ополченцами, которых предстояло обучить миномётной стрельбе.

Вишняк выстроил всех в линию перед изготовленными к стрельбе миномётами, рассказал кратко об истории боевого применения. Пояснил: мина весом в три с половиной килограмма бьёт на расстояние до трёх километров. Пора-

жающее действие от центра взрыва – 60 метров, каждая мина даёт 400-600 осколков, которые буквально сбивают каждую травинку. Укрыться от мины можно только в окопе, в лучшем случае – за бугорком. При таком количестве осколков любому пехотинцу, даже в бронежилете, буквально иссечёт мелкими, острыми как бритва осколками руки и ноги. Поэтому миномёт считается самым грозным оружием против пехоты, особенно в условиях наступления или отступления.

Потом предложил всем зажать уши и ловко бросил мину в миномётную трубу. Следом сработали все девять миномётов, выставленные на позиции.

После обозначившихся на километровом расстоянии разрывов, сели на грузовики и поехали к листам фанеры.

Будущие миномётчики осматривали с недоверием мелкие воронки от взрывов, потом подходили к фанерным ми-

шениям. Все они были иссечены словно сито, особенно на высоте до полутора метров. Лёгкий ветерок раскачивал фанеру со зловещим скрипом.

Прибывший следом за будущими миномётчиками командир бригады приобнял Вишняка:

– Ну ты, Скиф, молодец, убедил всех смертельно, – Вишняк невольно вспомнил свою присказку, ставшую своеобразным слоганом в ополчении.

После возвращения к миномётным позициям Вишняк ещё раз выстроил миномётчиков. Предупредил:

– Скорострельность миномётов – до 30 выстрелов в минуту, но частить на самодельных миномётах нельзя, поскольку на них нет предохранителей и при быстрой стрельбе и шуме от стреляющих рядом миномётов, можно сунуть в ствол вторую мину, а это значит – взорвать себя и товарищей вокруг. Показал шестипёрые, десятипёрые осколочные, осколочно-фугасные мины. Особо выделил дымовые, для важности даже погладил одну из них:

– Эта штука может всех вас от смерти спасти – задымит все позиции противника и никто в вас прицелиться не сможет. Главное – корректировщики сразу ослепнут, а вы мигом смените позицию. И имейте в виду – стрельба десять минут, пять минут на сборы и отъезд с позиций, поскольку через 17-18 минут после начала стрельбы это место будет перепахано тяжёлыми снарядами и ракетами.

Вишняк вернулся в своё расположение успокоенный, умиротворенный и начал засыпать за ужином прямо с ложкой в руках. Никогда не спал так крепко, словно с него сняли на несколько часов свинцовую оболочку, тяжесть невидимого воинского долга, что взвалил на себя в эту безумную войну...

Через день за майором примчался взволнованный подполковник. Не успев поздороваться, заговорил о неприятном:

– Знаешь, ваши самоделки после полсотни выстрелов дают трещины в донной части, так что стрелять из них нельзя. Надо что-то делать. Собрать по всему фронту и вести их на ремонт невозможно, сейчас пора горячая, особенно под Иловайском.

Спустя пару часов Вишняк с подполковником въехали на территорию предприятия. Все суетились, снаряжали два КамАЗа для поездки на фронт. Старые знакомые – Пётр Владимирович Заслонко и сварщик Михалыч о чём-то спорили и ругались нецензурно. Пётр с ходу ввёл майора в дело: он предлагал обварить донную часть прямо на местах, в ополченческих ротах. Для этого взять с собой маленький трёхкиловаттный генератор «Хюттер», сварочный аппарат инверторного типа и болгарку. На месте все днища проварить и зачистить швы болгаркой. Михалыч предлагал другой вариант: выточить кольца из толстостенных труб подходящего диаметра и приварить их снаружи к донной части. Майор поддержал именно такую переделку.

Через пару часов две сотни спешно нарезанных колец загрузили в машины и все быстро залезли в КАМАЗы. Когда начали отъезжать, заметили – в клубах пыли за машинами кто-то бежал и кричал страшным голосом. Майор приказал остановиться. Через минуту в машину забрался Пётр, обиженный и взволнованный. В кузове он стал хватать воздух широко раскрытым ртом и схватился за сердце. Вишняк вскрыл аптечку и начал кормить его таблетками. В этот момент пришло тяжёлое предчувствие, внизу слева что-то тяжело и больно заворочалось. Майор повернулся к Петру, взял за запястье: пульс был частый, но сильный, устойчивый. Подумалось:

– Не надо было брать его с собой в эту командировку. Но в то же время и без него тоже нельзя. Такой спец очень даже нужен – ведь сколько миномётных стволов придётся переделывать!

По дороге дважды попадали под залпы «градов». Со всем недалеко от Иловайска откуда-то из-за облака свалился СУ-25, спешно выбросил веер неуправляемых ракет и ушёл в облако, отстреливая тепловые ловушки. Ракеты ударили метрах в двухстах позади, попали в деревянные дома у обочины просёлка.

Вишняк обернулся и увидел, как из домов выскакивают люди, выносят детей и пожитки. Серыми комочками уложили в стороне убитых – похоже, среди них было немало детей. Пожилая женщина в сбившемся набок сером платке воздела к небу руки. Её голоса не было слышно, только разверстый в крике рот говорил о мольбе и призыве к карам небесным – отомстить...

Первой мыслью было – вернуться, оказать потрясённым людям хоть какую-то помощь, отвезти раненых в больницу. Но в этот момент, словно предупреждение, грозно потряс воздух слитный удар тяжёлых артиллерийских снарядов. Это под Иловайском по позициям ополченцев били артиллерийские дивизионы. Майор промолчал, знал, что все ждут его команду на возвращение к разбитым авиацией домам, к раненым детям. Сказал громко, чтобы услышали все:

– Наш долг отомстить за них и не пустить нацистов в эти места. А потому мы должны быть на фронте, там и сделать своё дело. Может, только наше усилие и принесёт победу, наступит перелом – и мы защитим от смерти тех...
– Вишняк указал рукой назад, – кто остался в живых и ждёт нашей помощи...

Когда подъезжали к фронту, стали слышны слитные разрывы гаубичных снарядов, утробное подвывание 120-миллиметровых мин.

В большом сарае, построенном около сельской водокачки, их уже ждали. Вишняк сразу предупредил встречав-

шего командира роты и старого знакомого – командира отделения разведки с позывным «Самара»:

– Водокачка эта – идеальный ориентир для артиллеристов. По ней нас любой корректировщик раздолбает, даже какой-нибудь неопытный молокосос из местного правого сектора позвонит по сотовому и накроет с первого залпа.

Ротный обиделся сразу:

– Местный я, нет у нас никакого правого сектора. Давайте-ка побыстрее ремонтируйте свои «самовары». Нам без них сейчас никак нельзя. А за безопасность я отвечу.

Тем временем Пётр вместе с Михалычем бережливо сняли «Хюттер» с грузовика и вмиг его завели, протянули провода к сарайчику.

Комроты замахал руками:

– Постойте, заглушите. – Дождавшись, когда Хюттер умолк, собрал всех вокруг, глубоко затянулся самокруткой и предупредил приехавших рубящими словами. – У нас здесь снайперши объявились, стреляют крупнокалиберными пулями из импортных винтовок. Бьют в низ живота под срез бронежилета. Почему снайперши? Вот разведка сообщила что их целая группа прибыла, все спортсменки, биатлонистки. Есть среди них чемпионы Европы. В низ живота бьют потому, что мужчина, получив такую пулю, будет считаться раненым, но всё равно умрет. А при этом будет мучиться и сознание не будет терять. Запугать и унижить нас хотят такой стрельбой... Так что помните, на запад от села можно выходить только в темноте, да и то с опаской, поскольку есть у них ночные прицелы и тепловизоры. У нас уже четверо двухсотых. Вот так-то...

Пётр махнул рукой:

– Двум смертям не бывать, – и направился к сарайчику, откуда Михалыч уже выносил миномётные трубы.

Через пару минут затрещал сварочный аппарат. Заваренные швы Пётр обрабатывал выдавшей виды болгаркой –

зачищал острые заусенцы, чтобы миномётчики не поранились при установке стволов.

Ближе к вечеру закончили: двадцать семь готовых к бою миномётов выстроились в ряд. Часть их погрузили на носилки и вместе с восемью миномётчиками и ротным отправились к позициям.

Наспех вырытые окопы на передовой были наполовину завалены, накрытые плотными залпами «градов» и 120 мм миномётов.

Отремонтированные «самовары» командир роты разместил метрах в двухстах позади своей основной траншеи. Вишняк приглядел мелкую балку, которая изгибаясь тянулась к передовой. Пригибаясь, побежал по ней, стараясь не наступить на «мины» – ополченцы, сидящие в окопах, превратили балку в отхожее место, что вызывало у майора бездну возмущения.

– Дурачье... вместо того чтобы углубить и окультурить, загадили. А ведь по этой балочке и боеприпасы доставлять, и раненых выносить...

Ротный смущённо прятал глаза и оправдывался: дисциплина у ополченцев хромает, и ничего он поделать не может.

Скоро раздались первые миномётные хлопки. Отремонтированные миномёты били чётко, отправляя осколочные мины аккуратно по позициям нацгвардии. Вишняк в бинокль видел, как кучно ложились мины у окопов. Отметил несколько попаданий прямо в окопы и ячейки. Кто-то бесцеремонно выдернул бинокль. Это был Пётр. С минуты он лежал рядом с майором, потом раздражённым движением привстал, чтобы разглядеть «работу» родных «самоваров».

Майор спохватился через секунду и, ухватив его за колено, потянул вниз. Но этой секунды замешательства хватило снайперу: Вишняк почувствовал, как Пётр подался

всем телом назад и согнулся пополам, словно кто-то ударил его с необычайной силой в низ живота.

Кто-то внутри Вишняка закричал страшным голосом, запричитал; случилось то самое, смертельное. Сам он действовал автоматически: ухватил Петра за плечи и потянул обмякшее тело назад, за небольшой бугорок. Там уложил товарища на пыльную траву, подложил под голову свою фуражку. Пётр был в сознании. Вначале, преодолевая страшную боль, пытался что-то сказать. Потом собрал все внутренние силы, отогнал подступившее безумие, желание сорваться в крик, железными пальцами ухватил Вишняка за плечи и заставил смотреть себе в глаза:

– Будь мужиком, Вишняк. Ты же не хочешь видеть как я вою и катаюсь от боли, ору не своим голосом. Дай мне твою пушку и отвернись.

Вишняк, не отводя глаз, вытащил свой АПС, взвёл затвор, снял с предохранителя и подал его Петру, коснулся его пальцев и ощутил холодный липкий пот, ватную вялость.

Услышал сзади:

– Прощай, Скиф. Поклонись всем нашим. Всё будет смертельно хорошо!

Вишняк повернулся в сторону и зашагал, стараясь успеть отойти подальше от плакучей ивы, упрятавшей раненого. Сзади раздался громкий щелчок, словно кто-то сломал сухую ветку, заготавливая топливо для костра.

На звук выстрела подбежали миномётчики и командир разведчиков. Молча сняли кубанки и фуражки.

Миномётчик Самара зло бросил:

– Да что мы, слабаки какие, что ли? Пятый двухсотый за два дня. Надо этих... прикончить как бешеных лис.

Майор уже справился с внутренним крушением. Сказал ровным голосом:

– Снайпера бьют из вон той рощицы. Там осина, листья все время шевелятся, шелестят – хорошая маскировка. Отсюда метров семьсот будет, не больше. Тащите-ка сюда пару «Утёсов»¹⁹, только очень-очень быстро.

Сам спешно зашагал к миномётам, приказал распечатать ящики с дымовыми минами. Установил прицелы на два километра, там, по его прикидкам, сидели корректировщики в перелесках и на крышах дачных домиков. Первые мины легли точно у цели и сразу выбросили клубы чёрно-бурого дыма. Ветер понёс его вдоль линии фронта.

– Везет нам сегодня смертельно, – прошептал майор, наблюдая, как дымка закрыла все позиции противника, и перебежками вернулся к пригорку, настроил бинокль, присмотрелся к шевелению осиновых листочков. Вспомнил почему-то про осинный кол, которым добивают вурдалаков, присмотрелся к густым, плескающимся волнам листьев. Выделил как ориентир высокую кустистую верхушку дерева, вокруг которого тесными кругами толпились деревья помельче. Отметил: сам выбрал бы вот этот сгусток веток, пристроил гамак, оттянул накидными верёвочными петлями веточки для сектора стрельбы. Да, скорее всего там и притаились снайперши.

Ополченцы, потные, грязные, управились быстро, в несколько минут принесли и установили «Утёсы» в десяти метрах друг от друга, аккуратно на срезе едва заметного пригорка вдоль балочки. Майор спросил, который из пулемётов заряжен лентой с трассером, и сел сам за него. Зло бросил второму пулемётчику:

– Бери сектор левее самой высокой осины, бей влево на двадцать метров. Ориентируйся по моему трассеру. Высота от земли – четыре метра. И чтобы каждая пуля ровно шла, шаг – двадцать сантиметров. Усёк?

---

¹⁹ *Крупнокалиберные пулемёты.*

Не ожидая ответа, рубанул очередью прямо в центр высокой ольхи. Зло отметил: рассеивание большое, крепче сжал рукояти и повёл вздрагивающим стволом вправо. В том месте, куда ударила первая очередь, посыпались ветки, и дерево с нарастающей скоростью наклонилось, переломилось посередине, круша остальные ветки. Там же, в середине, явственно свалилось, обрушая мелкие ветки, какое-то бесформенное тело.

Майор приказал:

– К осиннику идут только добровольцы. Надо уложиться туда и обратно в двадцать минут. Кто не уложится – попадёт под пулемёты и миномёты. Это потому, что мы, дураки, дымовых мин мало взяли. Кто готов рискнуть и взять снайперш – вперёд!

Разведчик и Самара защёлкали затворами автоматов и побежали вперёд. За ними бросились остальные миномётчики. Майор остался. Подошёл к телу погибшего, снял фуражку. С усилием прижал ладонью, закрыл застывшие, оставшиеся открытыми глаза. Снял с себя куртку и закрыл лицо, заметил: все черты заострились, теряя жизненную силу. Вишняк присел рядом и закурил. Вспомнил бессонную ночь в цеху, радостные вопли Петра, нашедшего решение, может быть — главное решение в жизни, его основной вклад в победу.

Всего через два десятка минут услышал топот множества ног. Миномётчики и разведчики спешно, рысцой возвращались обратно. За ними, словно подталкивая сзади, вставали кусты разрывов крупнокалиберных мин. Самара нёс на спине обмякшую фигуру с копной волос соломенного цвета. Фигура была одета в камуфляж особой расцветки и обрамлена тысячью мелких верёвочек и полосок зелёно-болотного цвета. Положи её на землю – перед тобой окажется просто холмик, заросший травой. Следом за ним бе-

жал ополченец с двумя крупнокалиберными снайперскими винтовками и небольшим трофейным рюкзаком.

Вишняк чётким движением подхватил раненую, уловив, что Самара решил сбросить её на землю, словно мешок с тряпьем. Пленная была в сознании и смотрела на миномётчиков мутным болезненным взглядом.

Разведчик доложил:

– Двое их там было. Одна – двухсотый, вторая – вот она, ранена, но выживет без проблем.

Боковым зрением Вишняк заметил Михалыча, склонившегося над погибшим Петром. Уловил момент, когда тот, сжимая рукой кувалду, шагнул вперёд, намереваясь выбить мозг ненавистной снайперши.

Вишняк вовремя успел перехватить крепкую жилистую руку:

– Запомните все: её надо в штаб, допросить, найти их базу, узнать сколько их, где сосредоточились, кто послал и оплатил. В общем, бережём её как ценный груз. Не унижаем себя ненавистью. Относимся как к опасному неодушевлённому предмету. А она и есть нежить. И души в ней нет и не будет никогда. Но даже эта нежить должна видеть и понимать: мы никогда, слышишь, никогда не будем такими как они – насильниками, продажными гадами и подлецами.

Майор осмотрел раненую. Крупнокалиберная пуля ударила ей справа в ребра, раздробила одно и ушла дальше по касательной. При падении с дерева она, скорее всего, просто ушиблась. Принесли аптечку. Майор, не снимая одежды, сделал противошоковый укол, перетянул грудную клетку бинтом в несколько слоёв. Приказал разведчику отвезти снайпершу в штаб.

Подумав, снял с себя АПС в жёсткой пластиковой кобуре и передал пулемётчикам:

– Это вам в подарок за подстреленных снайперов. – Вытянул из кобуры рукоятку, прошёлся по ней шершавой ладонью и вставил обратно, ощутив холодный пот и последнюю жизненную энергию Петра. – С Богом!

ТАНКОВЫЕ РОДЫ

На следующий день после возвращения в часть за Скифом, становившимся легендой, приехал один из новых заместителей Стрелка и привёз ему новое назначение – командиром танковой роты.

Приказ застал майора врасплох. С одной стороны он понимал, что рано или поздно ополченцам придётся создавать свою артиллерию, свои бронетанковые войска, сапёрные части, а может – и свою авиацию (это если повезет). С другой – брать на себя груз новых обязанностей в деле, которое он не знал, было не в его правилах.

Приказ он выслушал безо всяких эмоций. Только внизу, слева, ниже сердца свернулся тяжёлой болью какой-то странный подсознательный комочек сомнения и плохого предчувствия.

Когда майор предстал перед самим Стрелком, он первым делом попытался сказать, что бронетехнику, в частности танки, он не знает и никогда с ними близкого дела не имел.

Командующий не стал ничего отвечать. Пригласил присесть и попить чаёк. Не спеша расспросил про афган, про учёбу в Ленинградском военном училище, что-то черкнул в блокнотик, потом сухо усмехнулся:

– Знаешь, майор, в наших советских училищах так готовили офицеров, что они могли в любой род войск пойти. А вообще-то ты меня пойми, мне офицеров грамотных не хватает, а без них – проиграем, ведь сил у нас раз в де-

сять меньше, чем у укров. А потом, нам нельзя так – чтобы один танк у какого-то, пусть самого важного блокпоста простаивал. Нам нужен хотя бы один отдельный танковый батальон, пока – пусть рота. Да и должен тебе сказать – даю тебе всего восемь танков, пара из них на полевом ремонте, ещё у двух – снаряды в казённиках заклинило, их надо на ремонт ставить, все разбирать. Завершил по-военному коротко:

– Всё. Принимай людей и технику. Завтра – доклад о состоянии боевой готовности.

Вишняк вышел от начальства в состоянии задумчивости и сомнений. В довершение – внизу, слева, вновь заныло, закрутило. Так уже было в Афганистане под Желалабадом, перед тем как первый БТР из его батальонной колонны нарвался на противотанковую мину, а затем по всей колонне разом ударили миномёты из-за придорожных скал странного, причудливо обрубленного профиля (позже он узнал, что это место жители называли «шайтан дарваза» – ворота дьявола). После того боя в батальоне насчитали трёх «двухсотых» и «девятнадцать трёхсотых», а сам Вишняк получил первую свою контузию средней тяжести.

В том бою моджахедам двумя залпами противотанковых управляемых ракет удалось подбить новенький Т-72, шедший во главе колонны. В танке по каким-то причинам «сработал» боекомплект, что и привело к всеобщему замешательству. Контуженому Вишняку пришлось тогда участвовать в сборе останков погибших танкистов...

Всю трофейную технику и людей подогнали на окраину Славянска, в большие просторные помещения небольшого заводика, занимающегося ремонтом шахтного оборудования. Майор бывал на этом предприятии пару раз несколько лет назад, завозил дефицитные подшипники, привезённые по слёзной просьбе друга, главного инженера, из Питера, с подшипникового завода. Тогда он здорово вы-

ручил ребят, меняющих старые раздолбанные транспортёры сразу на двух шахтах Горловки.

Теперь предстояло восстановить и подготовить к бою хотя бы семь-восемь танков Т-64, брошенных украинскими военными у Семёновки и на полпути к Краматорску. Помощником к нему назначили шестидесятидвухлетнего Захара Николаевича Задонского, бывшего прапорщика Советской армии, потомственного казака, в давнем прошлом – танкиста. Он признался сразу: поездил по полигонам на танках Т-55, Т-62, знает в принципе что да как в танке – где трансмиссия, где коробка передач, как гусеницы снимать да надевать. Может быть механиком-водителем. Меньше знает о вооружении, о танковых пушках.

Более всего Вишняк обрадовался второму пенсионеру – Павлу Фёдоровичу Мокшину (все звали его по-простецки – Паша), ушедшему всего год назад с Харьковского тракторного завода, где он, хоть и короткое время, поработал на сборке и ремонте танковых двигателей. И тут говорливый Паша прочёл целую лекцию о танковых двигателях, установленных на доставшихся Вишняку машинах. Это были двигатели 5ТДФ, многотопливные двухтактные, мощные, но очень капризные, поскольку у них ненадёжная инжекционная система охлаждения.

Последующие несколько дней майор провёл в ремонте танковых двигателей, трансмиссий, механизмов заряжения танковых пушек.

Это были трудные дни. Обнаружил: у всех танков корма буквально залита маслом. Паша пояснил: масло заливали не той марки, перегревали тяжеленные танки в летних условиях, используя их для буксировки разной бронетехники.

Много головной боли принёс ремонт механизмов заряжения. У Т-64 вместимость вращающегося транспортёра составляет 28 выстрелов. Механизм не надёжен, и нужно у всех танков как минимум переделывать тросиковые при-

воды ловушек поддонов. В них должны падать гильзы от выстрелов.

И тут майора «понесло». Ранее бывали моменты в жизненной ситуации Вишняка, когда он становился не-носным занудой, словно с рождения он был вечно недоволен подчинёнными, цепляясь к ним по каждому поводу. В этот раз предметом его занудства стали залитые маслом кормовые части танков, слабо подтянутые гусеницы, подржавевшие стволы пулемётов ПКТ²⁰. Особо раздражали частые перекуры ополченцев, во время которых некоторые из них выкуривали по паре сигарет. Он прочёл курильщикам нотацию, закончившуюся выразительным жестом в сторону слышавшихся на севере разрывов гаубичных снарядов и гневными словами:

– Там люди гибнут, хорошие честные ребята, у которых и оружия никакого кроме автомата с неполным рожком нету. А вы, как последние негодяи и засранцы, здесь лясы точите. Отдам вас под трибунал. Вот сегодня Стрелок приедет – отдам. У него разговор короткий. Сами знаете.

Стрелок действительно приехал. И действительно грозил всяческими карами, если через два дня все танки не выступят на передовую. Майор молча слушал и чувствовал как нарастает внутри волна раздражения. Его раздражал высокий лоб Стрелка, небольшие подвижные усики, но более всего – нежно-юношеская верхняя губа, презрительно сложенная бантиком. Чувствуя, что вот-вот взорвётся и скажет какую-нибудь гадость, Вишняк нашёлся:

– Извините, товарищ командир, пушки надо пристреливать, едем на полигон, иначе не успеем.

Потом был благодарен себе за эту находчивость. А то ведь, Бог его знает, до чего может довести взрыв раздражения, когда всё висит на волоске, когда все мыслимые ресурсы ополченцев закончились, а вражеские пушки грохочут, кажется, прямо на соседней улице.

---

²⁰ *Пулемёт Калашникова, танковый.*

В течение нескольких часов на добытых майором больших листах ватманской бумаги Паша и Захар рисовали фломастерами разные ремонтные схемы, писали регламенты обслуживания, марки масел и прочую, как её назвал майор, «танковую флористику».

Через три многотрудных дня, сна урывками, Вишняк уяснил: украинские военные «потеряли» свои танки в силу того, что неправильно их эксплуатировали, перегревали, заливали масло не тех марок в трансмиссии и двигатели. Чуть не самый тяжёлый урон нанесли застрявшие в казённых снарядах. Здесь вообще мнения разошлись. Возоблагодало предложение Захара снять орудийные стволы, как это предусмотрено в инструкции.

На это, если всё пойдёт очень удачно, потребно не меньше восьми дней.

И тут Вишняк рассвирепел. Несколько часов провёл в угнетающе тесном пространстве башни. Опускал и поднимал ствол пушки, периодически выскакивал, светил фонариком внутрь ствола. Гладкий, шлифованный изнутри двадцатипятимиллиметровый ствол словно подмигивал майору изнутри, дразнил своим коварством. Майор безуспешно старался высмотреть марку и тип взрывателя, ввинченного в осколочно-фугасный снаряд. Ночью вслушивался в приблизившиеся к городу разрывы крупнокалиберных мин и снарядов. Понял, что времени на подготовку к бою его «танкового дерьма» (так он в сердцах ругался к концу дня) осталось совсем немного.

На следующий день ранним утром привёз с шахтоуправления на закреплённом КамАЗе с десятком труб подходящего диаметра, самолично ровно обрезал их болгаркой и провёл, как он выразился «операцию века». Для этого уговорил сесть за рычаги лучшего механика-водителя из Новосветловки Артёмку, потомственного тракториста, двадцати лет от роду. Артёмка, повинувшись командам майора, подогнал Т-64 пушкой вперёд к стене заводского корпу-

са с наружной стороны. Четверо бойцов вставили трубу в пушку. Через минуту ствол со вставленной трубой упёрся в заводскую стену, а Вишняк пристроился в тесном внутреннем пространстве танка к казённику. Приказал, на случай взрыва снаряда, всем укрыться за торцевыми стенами заводского корпуса. Скомандовал по переговорному устройству:

– Артёмка, жми вперёд, тихо и ласково, как будто любимую женщину нежно прижимаешь. Нажмёшь резко – снаряд внутри рванёт. – После мучительного ожидания и нервирующей перегазовки не выдержал:

– Да ты что там, описался? Жми очень плавно... Во-от, показался милый. Да, Тёма, ты мне настоящего ребёночка рожает.

Из открытого казённика наконец показалось доньшко снаряда. Через минуту весь 125-мм снаряд, отдающий ровным свинцовым отсветом, лежал в руках Вишняка. Это была победа!

Майора, вылезшего из башни со снарядом в руках, бережно приняли внизу, оттащили снаряд в сторону и принялись тискать и хлопать по плечам. Захар сконфуженно заметил:

– Ну, командир, я уже подумал – чокнулся ты. Ни разу даже не слышал о таком способе ремонта. Рисковый ты, Скиф...

В эту ночь, приняв сто грамм «наркомовских», майор проспал беспробудно аж двенадцать часов.

Как только пробудился – не стал даже перекусывать, приказал Артёмке садиться за второй танк. И лишь когда второй снаряд, извлечённый из казённика, лёг ему на руки, почувствовал – вот оно, счастье победителя! Сразу же ощутил острое чувство голода, набросился на трофейные мясные консервы и умял две банки.

В этот же день все семь танков выехали «на пробежку» (так выразился майор) и на учебные стрельбы. По дороге,

уже за окраиной города, у третьего по ходу танка сорвало на повороте левую гусеницу. Запыхавшийся Паша побежал к обезноженному танку и сразу успокоил:

– Командир, сделаем быстро, не волнуйся, это уже мелочи. И принялся объяснять – про соединение траков серьгами, «биноклями» и чем такие соединения лучше традиционных «пальцев».

Майор слушал вполуха и мысленно просил Бога, чтобы это испытание его терпения стало последним. Он очень остро чувствовал – вот-вот решится судьба Славянска, и его танковая группа может стать решающим фактором противостояния. Об этом сказал сам Стрелок, приехавший повторно на ремонтный завод.

В этот раз всё прошло благополучно. Казалось, молитвы Вишняка были услышаны. Каждый танк сделал по три прицельных выстрела. Не все попали в цель, но дело теперь было не в этом, главное – грозные боевые машины были готовы к бою, к внезапному рывку вперёд.

На следующее утро Вишняк пошёл в атаку со всем своим «танковым сбродом». Фактор внезапности сработал «на все сто».

Неожиданный бросок группы ополченческих танков застал украинских силовиков врасплох. Они никак не ожидали слаженного удара довольно большой группы танков. А Вишняк тем временем стремился ошеломить врага и посеять панику. И это в полной мере удалось.

Мощный рёв танковых двигателей, хлёткие выстрелы танковых орудий, треск пулемётов сделали своё дело. Результат первого этапа бравого рейда танковой группы – два разгромленных блокпоста, три разбитых БМП-80, два БМД-2, много погибших и раненых бойцов ВС Украины.

Много позже Вишняк узнал: украинские и европейские газеты запестрели сообщениями о вторжении колонны российских танков на Украину. Репортёры вещали о целом танковом полке русской армии. Натовские штабы озадачились поисками российской бронетехники под Славянском.

Генштаб украинской армии отложил операцию по ликвидации ополченцев в Славянске, что и дало им возможность вырваться из окружения и прорваться в Донецк.

Вишняк всего этого не слышал и не знал, что его геройские танки вызвали такой переполох. Он получил в этом бою тяжелейшую контузию, попал в госпиталь. Там, в реанимации, окружённый встревоженными врачами, в беспмятстве качался, словно на больших качелях, между жизнью и смертью.

Виновником этого тяжёлого ранения стал отказ пулемёта ПКТ, закреплённого на башне, спаренного с пушкой. Не случайно майор ругал и проклинал создателей танка, когда пытался включать тумблер, расположенный в башне за спиной. В тряском тесном пространстве это была сверхзадача. Знал: если пулемёт заклинивало, то надо было вылезать наружу под пули снайперов и смертельные оскол-

ки снарядов и мин. Его головной танк уже проскочил взятый блокпост, и надо было добить рассеявшуюся по полям отступающую пехоту. Сгоряча майор ужом выскользнул из башни и нырнул сразу под массивный ствол пулемёта, пытаясь отсоединить патронную коробку. В этот момент совсем рядом с левой гусеницей ударила двадцатимиллиметровая мина. От крупных осколков Вишняка спас корпус башни. Но взрывная волна была такой силы, что его сбросило с брони и пронесло по воздуху метров десять. Там его и нашли танкисты из следующего за головным танка.

Луганская больница была спасением и милосердной пристанью для многих раненых ополченцев и украинских военных. Здесь лечили всех. И невозможно было разделить пациентов на своих и чужих

– А надо бы делить, – думалось Вишняку, для которого тяжелейшая контузия обернулась сплошным кошмаром дневных обмороков с приступами тошноты и внутренними ощущениями переворачивания земли. Именно переворачиваниями, а не землетрясениями. Земля странно и необъяснимо начинала резко поворачиваться, и Вишняк, повинувшись инстинкту самосохранения, старался ухватиться за что-нибудь, чтобы не скатиться с земной поверхности в чудовищную бездну. Он хватался за жёсткие крепления панцирной сетки, судорожно пытаясь удержаться. Но это не помогало. Земля упорно сбрасывала его в пропасть. И он уставал бороться и проигрывать...

Но ночью было намного хуже. Ночью постоянно тошнило, и дневная пища, с трудом протолкнутая в ссохшийся желудок, толчками выходила наружу, окрашенная сгустками крови. Физические страдания были мелочью по сравнению с образами и голосами, поселившимися в воспалённом мозгу. Вишняк проклинал всё и всех, молился, просил милосердия. Иногда его молитвы слышали, и он проваливался

в мягкую обморочную темноту. Но потом опять ждало проклятое пробуждение.

Так было до той поры, пока не услышал от старенького профессора-консультанта, пришедшего на обход с лечащим врачом:

– У этого пациента днями, возможно сегодня-завтра, будет перелом; возможен летальный исход, так что давайте-ка его в реанимацию.

Когда врачи вышли, Вишняк попытался сострить:

– Летальный – это значит, полетаю перед смертью. Эта фраза, произнесённая с долгим мучительным заиканием, повергла соседей по палате в смущение. Никто не обратил внимания, что впервые за весь период пребывания в больнице к Вишняку вернулся слух.

В эту ночь, уже в реанимационной палате, к нему «пришёл» сын. Присел на край кровати, отодвинул в сторону мешавший гибкий шланг от капельницы и сказал:

– Ну всё, ты пойдёшь теперь на поправку. Будешь жить и помнить обо мне, о нас. У тебя будет хорошая жизнь. Не сомневайся! Твоя и наша надежда в том, что ты многое ещё сумеешь сделать. Пока ты жив – мы здесь возвышаемся твоим духом. Помни об этом.

Посмотрел внимательно в глаза, знакомым жестом потёр указательным пальцем левой руки переносицу:

– Знаешь, ты не очень любил слушать мои философствования. Но сейчас многое изменилось и всё идёт по-другому. Всё стремится к совершенству по-своему. Кому-то удаётся, кому-то – наоборот. Но ничего не остаётся неизменным. Уловить изменения, понять, осмыслить — очень трудно, поскольку то, что меняется на виду, остаётся изменением поверхностным и не отражает реальной картины, а вот глубинные изменения в последние времена, годы, недели гораздо более мощные, чем то, что происходит на видимом физическом плане.

А потому новая реальность может прийти как гром среди бела дня. То, что с тобой и другими происходит на Украине – это предтеча глобальных изменений, что идут уже полным ходом и скоро проявятся. Так что вас всех ждёт новая реальность, новый мир. Каким он будет, что будет доминантой, что станет главным жизненным ориентиром не знает никто. В вашем мире об этом никто не задумывается. А ведь пора!

Тебе предстоит ещё многое увидеть, многое пройти, испытать на себе новые тяжёлые грузы войны. Ведь война будет долгой и кровавой, и ты, я знаю, от своей внутренней сути никогда не отступишь – это твоя беда и твоё счастье. Сын ещё много говорил, старался заглянуть в глаза.

Единственное, что ещё воспринял Вишняк угасающим сознанием – это стремление сына унять боль, его странные слова, напоминающие старославянские молитвы, и в самом деле сняли ощущения тошнотворной боли и погрузили тело и мозг в мягкую милосердную тьму.

После этой ночи Вишняк пошёл на поправку. Ему показалось, что кто-то, распорядившийся человеческими жизнями, приказал вернуть его бледную, наполовину поглощённую тьмой человеческую суть в разбитое контузией, посечённое мелкими осколками тело.

Спустя несколько дней, вместе с живительными энергиями и нарождающимся стремлением выжить, пришло острое желание – ещё раз испытать свою военную удачу на любимых «зушках», столь явственно воплотивших его планы, его умения воевать с врагом, которому нет и не может быть пощады. Если бы сейчас какой-нибудь политик стал говорить ему, что военного пути решения проблемы нет, он бы не просто высмеял его, но и убедил бы логикой военных событий: эта война редкостна тем, что завершить её можно одним путём – военным истреблением небольшой, но очень жестокой и фантастически живучей про-

слойки современной Украины – бандеровцев. Вишняк слышал от командиров-разведчиков: по масштабам Украины это небольшая группа людей, тысяч тридцать-сорок, не более. Но именно эта небольшая группа «рулит» умами, причём, как ни фантастично это звучит, остальная часть общества – политики, шахтёры, журналисты, даже военные, олигархи, прокуроры боятся этих фашистов, испытывают перед ними страх самой высокой степени, страх непонятный и необъяснимый, не подчиняющийся никакой рациональной логике.

– Переубеждать их бесполезно, – рассуждал Вишняк. – Они сами способны своей необычайной напористостью, силой духа и нахальством, презирающим всё человеческое, переубедить и изменить, превратить в послушные тряпичные куклы всех украинцев. Этот феномен ещё предстоит разгадать...

Правда, чувство протеста, ответная реакция сопротивления на это есть. Не раз в тылу украинских сил АТО вспыхивали перестрелки, перерастающие в настоящие баталии, как это случилось в августе в разгромленном Луганском аэропорту.

В период выздоровления жизнь подкинула майору удивительный шанс узнать все подробности трёхдневного сражения в Луганском аэропорту днепропетровских десантников и национальных гвардейцев. В соседней палате лежал совсем молодой парнишка-десантник, рассказавший Вишняку историю о страшной Луганской бойне, участником которой он стал. Майор записал всё в память телефона, потом раздобыл школьную общую тетрадь и с упорством несостоявшегося литератора записал все словесные комментарии парнишки, который медленно, но верно увядал, несмотря на все усилия врачей.

Рассказы десантника, Дениса Селиверстова привлекали многих слушателей. В эти моменты, когда раненые и боль-

ные собирались вокруг его кровати, его иссохшееся тело начинало оживать, он присаживался, на лице появлялся чахоточный румянец, и парень в ответ на предостережения шутил:

– Не бойтесь, не помру, пока не расскажу всё, что тогда случилось. Может, вы найдёте какого писателя, журналиста, который всё перескажет людям. Ведь об этом обязательно должны узнать!

БУНТ В ЛУГАНСКОМ АЭРОПОРТУ

Дениса вытащили из развалин Луганского аэропорта разведчики батальона «Заря». Парнишка фактически был брошен умирать на этих развалинах, где разбитые снарядами кирпичи и бетонные плиты перемешались с человеческим останками.

Придя в себя после тяжёлой операции, сразу же как его перевезли из реанимации, Денис начал искать, кому рассказать о бунте обречённых, в котором он участвовал, о десантниках и артиллеристах украинской армии, расстрелянных национальными гвардейцами в бункерах аэропорта. В лице майора он нашёл благодарного и сочувственного слушателя. Потом слушателей стало больше.

Денис рассказал, как очередную группу десантников из Днепропетровска с гаубицей Д-30 доставил тяжёлый военный транспортник АН-12 душной июльской ночью. Это была невезучая для пилотов и десантников ночь. Сбитый накануне гигант ИЛ-76 заставил изрядно понервничать всех. При заходе на посадку самолёт так колбасило из стороны в сторону, что половина солдат очистила свои и так тощие желудки прямо на металлические заклёпки пола. Все облегченно вздохнули и начали креститься, когда тяжёлые колёса шасси победно зашелестели по аэродромным пли-

там. Но после посадки выяснилось, что гидравлические тележки, с помощью которых разгружались тяжёлые составляющие разобранной гаубицы, вышли из строя. Командир роты капитан Подопригора, инженер-механик по образованию, матерясь, принялся ремонтировать гидравлику, безуспешно пытаясь найти специальную жидкость, вытекшую из гидроподъёмников во время полёта.

К суевающимся десантникам подошёл первый пилот, выматерился и зло бросил:

– У меня трое девчонок на шее, да жена инвалид, если не взлечу через полчаса, меня точно сожгут в небе, прямо над вами. Поняли? – И тут же констатировал: – Ничего вы не поняли, не знаете, что воюете с крепкими и очень злыми на вас ребятами, которые теперь никого не прощают. И вам конец здесь, и мне...

Капитан, пытавшийся раскрутить заклинившую гайку, не рассчитал и угодил сорвавшейся правой рукой прямо в срез сварного шва, разодрав кисть руки до сухожилия. Тут же сорвался на крик:

– Где Денис?

Денис, наводчик гаубицы Д-30, был душой роты. Выглядел он совсем мальчишкой: острые худые плечи, тонкая шея и небольшой рост, что никак не мешало ему быть признанным лидером в роте. Было у него какое-то особое мастерство сплачивать людей, находить верные решения. А ещё у него была острая, цепкая память, срабатывающая словно часовой механизм. Сработал этот механизм и сейчас.

Денис куда-то пропал и подоспел как раз тогда, когда кризис достиг пика. Лётчики транспортного АНа, ругаясь, матерясь со слезами на глазах, опять потребовали сгрузить, сбросить разобранную гаубицу, а все десантники стояли понуриив головы вокруг капитана Подопригора, которому неловко бинтовали руку.

Денис успел достать и принести несколько кусков пеньковой верёвки и плотного брезентового фала. Через секунду расставил четыре пары солдат у первой станины гаубицы и скороговоркой разъяснил:

– Запомните, станина весит 310 килограмм. Значит, на каждого меньше сорока килограмм. Продеваем фал снизу и через плечо. Раз-два, взяли...

Тяжёлая станина взлетела словно пёрышко. Солдаты быстро спустились по титановому, проклёпанному стальными заклёпками трапу и аккуратно уложили её в десяти метрах. Через три минуты рядом была уложена вторая станина, затем третья. Труднее было с пятиметровым стволом, весившим больше тонны. Его тащили двадцать человек, перекинувших прочные верёвки и фалы через плечи и приподнимая всего на десять сантиметров над трапом.

А Денис уже завязывал петли сбоку массивной люльки и командовал:

– А это уже перышко, всего 110 килограмм.

Через двадцать минут все части гаубицы уже стояли на бетоне. Затвор, весящий тридцать килограммов, Денис гордо перенёс сам. Этот последний финальный груз был отмечен благодарным капитаном Подопригора. Поблагодарил Дениса не по уставу, приобнял за плечи, похлопал по спине. И уже через минуту самолётные переноски, питающиеся от аккумуляторов, высветили картину предстартовой подготовки: мощные гидравлические подъёмники тяжело втянули створки в брюхо самолёта, который наконец-то разгрузил своё чрево и готовился к облегчённому взлёту в ночную темноту.

Сумрачный пилот в майорских погонах подошёл к Денису, посмотрел в глаза тяжёлым долгим взглядом и неловким движением сунул ему в руки две нарядные жестяные коробки оранжевого цвета:

– Спасибо. Выручил. Успеем затемно взлететь. Значит, будем живы... А то ведь знаешь, трое девок у меня. Младшей три года. Без меня пропадут. Потом мрачно добавил:

– А может, и со мной вместе пропадут... Чтоб всем нашим правителям гореть в аду!

Потом он говорил ещё что-то, но слов уже не было слышно за рёвом прогреваемых моторов.

Через пятнадцать минут едва различимый силуэт, озаряемый отстреливаемыми тепловыми ловушками, замелькал всё ближе к горизонту. Капитан облегчённо вздохнул:

– Не сбили... Спаси Господи его... и нас.

Потом повернулся к Денису:

– Ну-ка покажи, чего это он тебе подарил? – и чиркнул зажигалкой. На оранжевых с чёрным обводом жестяных коробках было выдавлено крупными буквами «COGNAC MEUKOW». Басовитый голос командира расчёта Вадима Дорошкова прогудел восторженно:

– Ребята, живём! Два литра марочного коньяка «Мягков»

Подсвечивая фонариками, стянули в одно место все части гаубицы, укрыли их брезентом. Капитан выставил часовых у разобранной Д-30, дал команду «отбой» и повёл десантников на ночлег.

Временной казармой всем стали два бетонных бункера, заглубленных на два с лишним метра. Офицерам там отгородили отдельный кубрик.

Денису первому налили сто граммов крепкого маслянистого напитка. Лейтенант Кошевой, разливавший коньяк, бросил осипшим голосом:

– Денису ура!

Всем показалось, что её величество Судьба ласково улыбнулась, прикрыв за улыбкой все смертельные неожиданности этой нелепой войны. Никто не подозревал, какая судьба была им уготована.

Утром наблюдали, как с взлётной полосы стартовали американские беспилотники – мощные, туполобые создания, несущие на себе горы специальной аппаратуры. Они корректировали огонь артиллерии с безукоризненной точностью. Американские инструкторы, не доверяющие украинским коллегам, наносили на карту точки нанесения ударов, приводили точные координаты целей, рассчитывали по специальным таблицам количество залпов и расход осколочно-фугасных снарядов и мин.

Ополченцы безуспешно пытались сбить крепкие маневренные машины, целя в небо крупнокалиберными пулемётами. Но беспилотники, словно огромные юркие насекомые, уходили от пулемётных очередей. Лишь одна «игла», пущенная многоопытным ополченцем вдогон, ударила точно, разнеся в куски дорогостоящую конструкцию.

Вскоре первые залпы тяжёлых миномётов и гаубиц ударили по центру Луганска. Стало ясно: решается вопрос жизни и смерти большого красивого города, наполненного прежде детским смехом и скромным человеческим счастьем, а ныне застывшего в скорбном обречённом ожидании начинённых смертью снарядов.

Первые артралёты задушили жизнь города и принесли неизмеримый опыт смерти и разрушений. Утробный вой стодвадцатимиллиметровой мины можно услышать за три секунды до взрыва, упасть лицом вниз и подползти к дереву покрупнее или бетонной стенке. Снаряд из гаубицы калибром 122 миллиметра прилетал бесшумным невидимым убийцей. Двадцать один килограмм взрывчатки разбивал стены, сокрушал внутренние перегородки, ломал и корёжил плиты перекрытия. Спящие дети, женщины, старики пробуждались под адский грохот. Живая человеческая плоть разрубалась сотнями зазубренных, острых как бритва осколков, сжималась смертельно под рушащимися стенами и перекрытиями. Разорванные человеческие тела, бывшие

миллисекунду назад смешливым шумным ребёнком или светящейся красотой и силой жизни молодой женщиной, накрывало перебитыми плитами, битым кирпичом и стеклом.

То в одном, то в другом районах города взлетали высоко в небо фонтаны дыма, гари и пламени. Бессильно и обречённо звучали сирены пожарных машин и карет скорой помощи.

Совсем недавно всё здесь дышало жизнью, искрилось радостными ожиданиями. Теперь чудом оставшиеся живыми соседи и родственники, потерявшие смысл существования близкие не знали, как отдать последний человеческий долг, как отпеть в церкви останки их родных и близких.

Десантники-артиллеристы из Днепропетровска Вадим Дорошков, Миша Добренко и Денис Селиверстов держались вместе. И это их не раз выручало, спасало от вечно пьяных национальных гвардейцев. Первое их требование было – разговаривать на их западэнской мове.

Главарь одной их группировок нацгвардейцев Охрим со своей командой бородатых головорезов, с всегда презрительным выражением лоснящегося от пота лица наблюдал за сборкой гаубицы.

У Охрима было мощное телосложение, большая круглая голова и короткие жирные ноги. Голова была выбрита до блеска, а посередине вырывался на белый свет клочок жёстких чёрных волос с проседью. Но главным в облике было иное – насыщенная плотоядной жестокостью ухмылка. Охрим часто и многозначительно растягивал толстые губы, улыбался неповторимой сладкой улыбкой, от которой у окружающих стыла кровь в жилах, потому что так показывает своё наслаждение палач, получающий удовольствие от страданий, страха смерти жертвы. Наконец, в этой улыбке отражалось самое тяжкое из всех человеческих страданий – последний вопль жизни жертвы.

Охрим сладко улыбнулся:

– Будь ласка, говори на ридной мове.

Десантники униженно молчали, капитан нервно закашлял. Звонкий мальчишеский голос Дениса словно прорубил пелену страха:

– Вот что, дядя, я буду говорить как хочу, и ты никак не помешаешь. А если помешать захочется, у меня на каждое твоё желание найдётся девять грамм контржелания, – в зазвеневшей тишине прозвучал металлический щелчок затвора денисова автомата.

Денис дополнил свою тираду почти примирительно, поводя зрачком автомата ниже пояса Охрима:

– Будь ласка, делай своё дело, дядя, воюй честно. И нам не мешай воевать честно. Одна моя пушка за час сделает работу, которую ты со всей своей братвой за месяц не осилишь. И ещё – будь ласка. Не улыбайся так сладко, словно десять кур зарезал и сожрал сырыми.

– Десять таких телят как ты, – и Охрим, с металлически чавкающим звуком, вытянул из старых засаленных ножен кинжал. На лезвии длинного, хищного клинка были начертаны слова на непонятном языке. Охрим поднес лезвие к губам, слащаво улыбнулся, показывая ряд кривых жёлтых зубов, и коротко махнул тёмным лезвием, перерезая невидимую человеческую глотку.

– Знаешь, дядя, первым выстрелом я тебе мошонку прострелю, а потом – точно между глаз, потому как мозги у тебя внизу. По ним и вдарю первым делом.

– Отставить! – в группу спорщиков ворвался пожилой сутулый полковник. – Под трибунал пойдёте. Где тут капитан? Чтоб сегодня до вечера гаубицу собрали. Первая пристрелка завтра утром. Все по местам!

Охрим первым тронулся в сторону казармы, широко разбрасывая в стороны короткие кривые ноги.

Вадим, крупный, угловатый, с мощными бицепсами, мелко семенил за Денисом. Признался:

– Знаешь, Денис, честно, я чуть в штаны не наложил. Этот Охрим настоящий убийца. Все испугались. Ты один ему в глаза прямо посмотрел. Но как он улыбается – прямо из фильма ужасов!

Сборкой гаубицы реально руководил Денис. Капитан и лейтенант Кошевой стояли в сторонке и вели свои бесконечные разговоры о денежном довольствии и путях обретения собственных квартир. Оба мечтали сбежать из обрыдлого офицерского общежития в Днепропетровске. Надежды свои связывали с этой проклятой войной. Может, хоть теперь офицерам начнут давать жильё и повышать зарплаты. Подопригора даже сказал намёком:

– Попали бы мы изначально в российскую армию, были бы сейчас счастливыми семейными офицерами, с собственными квартирами, ездили бы мирно на учения и стреляли холостыми патронами.

На следующий день стреляли из гаубицы осколочно-фугасными на полном заряде. Пять раз меняли прицел, выполняя команду корректировщика, выехавшего затемно на НП. Потом долго ждали, вдыхая запах подгоревшей на стволе краски.

Под вечер вернулся корректировщик – командир взвода управления лейтенант Кошевой с серым, ставшим в одночасье дряблым землистым лицом, больно толкнул плечом Дениса и прошёл вихляющей походкой в свой кубрик. Поскольку канонада прекратилась, все расчёты разбрелись по аэродрому в поисках глотка чистого воздуха. Денис решил остаться, что-то тревожно стало на душе и грызло какое-то предчувствие. И был прав.

Из кубрика слышались причитания, следом, по нарастающей, плаксивым бабьим голосом – оплакивание.

Потом голос Кошевого на истерической ноте стал читать «Отче наш», запинаясь и сбиваясь.

Наконец, все прекратилось, и Денис развернулся было к выходу. Но тут в тишине чётко прозвучал щелчок затвора пистолета Макарова. Денис понял всё и рванул к кубрику. Лейтенант трясущейся рукой заталкивал пистолет в рот, который никак не желал открываться. Вот это нежелание и спасло его, поскольку Денис на лету, падая на лейтенанта, сумел направить ствол пистолета в сторону. Прямо над ухом сухо грохнул выстрел – и пуля тонко, противно взвизгнула, отрикошетив от бетонной переборки.

Пистолет с утробным звуком шлёпнул по бетонному полу и застыл на боку. Денис, больно ударившись локтем, перехватил руку Кошевого и ухватил двумя пальцами ребристую рукоять, спустя мгновение поставленный на предохранитель «макаров» спокойно улёгся в денисов карман.

А лейтенант уткнулся лицом в полушку и опять завыл-запричитал по-бабьи. Рядом на тумбочке стояла опустошённая на две трети бутылка дрянной водки, которой нац-гвардейцы поделились с десанниками.

Кошевой, размазывая сопли и блевотину, всхлипнул, и начал говорить каким-то несвойственным ему голосом:

– Мы все обречённые, преступники мы и негодяи. Сегодня мы расстреляли два мирных дома... Две пятиэтажки. Да-да, Денис, ты сегодня вlepил полтонны снарядов в простых жителей, таких как твоя мама, как моя жена. Знаешь, в оптику с ЗУММом я разглядел оторванные ноги и внутренности. Их взрывом выбросило из того самого последнего дома, который мы разнесли. Понимаешь, мы не солдаты, мы – убийцы. Мы обречённые. Вот увидишь...

Всю ночь, уединившись в офицерском кубрике, Денис, Вадим, Михаил и лейтенант Кошевой шептались, разрабатывая свой план, планируя свой бунт. Никто из них не хо-

тел быть участником преступлений и убийств мирных горожан.

В эту ночь капитан Подопригора, у которого раздулась раненая рука, улетел очередным бортом. Кошевой перед отлётом чуть не насильно изъясил у него табельный «макаров». А свой пистолет он подарил Денису, многозначительно кивнув и указав на готовую к стрельбе гаубицу. И это незначительное событие стало решающим для десантников, определившим их судьбу.

Так и случилось: Дениса и остальных десантников, обслуживающих орудие, спас пистолет, подаренный Кошевым. Помогло и то, что весь расчёт во время стрельбы работал без бронежилетов. Благодаря этому все могли передвигаться быстро, реагируя на каждую угрозу. А угроза была вполне конкретной и исходила от начштаба «Азова» и сопровождавшего его Охрима. Похоже, начштабу наступал кто-то из своих, и он только что получил по рации сообщение, что Денис и его расчёт бьют по картофельному полю в полукилометре от окраин города. Начштаба приставил свой АПС к виску Дениса, а Охрим, скаля рот гнилыми остатками жёлтых кривых зубов, достал свой палаческий кинжал.

Денис словно в замедленном гипнотическом трансе наблюдал, как палец начштаба медленно вдавливают матово отсвечивающий спусковой крючок, ухватил левой рукой ствол и направил его в небо. Одновременно правая рука сама по себе рванула «макарыча» из-за пояса. Короткий сухой выброс синеватого пламени ударил начштаба сбоку в челюсть. Второй выстрел пришёлся Охриму в бронежилет. Только Дорошков среагировал мгновенно и перехватил АПС из руки начштаба. В следующую секунду он сжал сзади в локтевом сгибе шею бешено сопротивлявшегося Охрима.

Денис и Вадим не знали, что уже бесконечно долгие минуты открытые омертвелые глаза лейтенанта Кошевого равнодушно отражали голубое небо Луганска. А бородатый национальный гвардеец по кличке «Гуцул» старательно вытирал об одежду убитого старинный дорогой кинжал, выполненный из дамасской стали. Этот кинжал, принадлежавший деду, известному бандеровскому палачу, резал, словно масло, восемь десятилетий назад польские глотки, а потом крошил плоть в украинских и белорусских деревнях. Вот теперь проснулась его ненасытная страсть резать и убивать. Прошло восемьдесят лет со времени последней казни, и опять пришло время палачей...

Это был настоящий взрыв просветления, протест сознания, бунт обречённых. Всё накопившееся за последние недели ощущение подлости и несправедливости этого мира войны и чувство собственной вины – всё прорвалось мощным потоком яростной неудовлетворённости. Все десантники сплотились для одного – вырваться из этого морока преступной бойни, в которой врагами стали в одночасье простые мирные люди – бабушки, дедушки, дети, женщины. А в союзники назначили откровенных бандитов. Это были даже не идейные национал-социалисты, а люди с поврежденной, искорёженной психикой, насильники и убийцы, уверовавшие, что только насилем и убийством, страхом смерти, они смогут выстроить новый мир.

Пока одни десантники отстреливались лежа на бетонной полосе, другие лихорадочно сооружали из мешков с песком, кирпичей, стальных швеллеров баррикаду у входа в бункеры-казармы. Первый залп гранатомётов баррикада выдержала успешно. Через час её накрыли плотным миномётным огнём...

Дениса ранили в левое бедро, когда сопротивление десантников уже затухало. Кончались боеприпасы. Нечем было отвечать на залпы гранатомётов. Самый тяжёлый

урон нанесла восьмидесятидвухмиллиметровая мина, рванувшая на скосе баррикады. Она посекала осколками всех оборонявшихся.

Тяжело контуженного и пробитого осколками Дениса вытащили в бункер. Там из небытия его вывели причитания Мишки Добренко:

– Денис, Денис, не умирай.

Денис пошевелился и сжал крепко Мишкину руку. Тот вложил Денису в руку гранату РГД с ввинченным взрывателем. Предупредил:

– Скоро гады придут добивать нас. Для того и граната, чтоб не мучиться. Вот, я тебе даже усики отогну. Прощай...

Денисов мир качнулся и ушёл в беспмятство, в беспросветную ночь. Вытащили на поверхность странные звуки. Впереди и выше блеснул свет фонаря и раздался хищный хруст. В свете двух фонариков Денис признал Охрима и его подручного Гуцула. Палачи находили жертвы обострённой интуицией, расправлялись с ними с оттяжкой, наслаждаясь их страхом. Вот раздался всхлип и нелепое мычанье. Денис понял – это Мишка встретил смерть от клинка, которого так панически боялся.

На долю секунды в мозг пришёл заряд силы. Губы нащупали ребристую головку запала. Пальцы отогнули усики, зубы потянули на себя чеку. Ещё доля секунды – и запал хлопнул словно предтеча победного гимна. Но вот на бросок сил уже не хватило, и Денис толчком отправил гранату к ногам приблизившихся Охрима и Гуцула.

В этом моменте силы и истины сошлось воедино всё: свет фонарика, блеск клинка и слащавая палаческая улыбка Охрима, мигом слетевшая от вида крутнувшейся у ног гранаты со сработавшим запалом.

Взрыв обозначил новую красно-чёрную жирную точку отсчёта в видениях Дениса. Взрывная волна вознесла его, спасла от ядовитого бандитского клинка и милосердно про-

несла в новое путешествие в прошлое, в удивительно чёткие, чувственно узнаваемые мелкие чёрточки картин из прошлой живой жизни. Временами он понимал, что та жизнь до страшной войны оторвалась уже от него и живёт самостоятельно и отстранённо, и только фрагментами он может вторгаться в неё и испытывать светлое счастье и тепло близких, всё то, что удерживало его на кромке живого мира.

Уходил во временное небытие всегда с одним и тем же видением: вдвоем с Маринкой летят на Денисовом мотоцикле – «Волчонке». На каплевидном бензобаке чёрного цвета белой краской выпукло нанесена летящая голова молодого волка. Искристые глаза волчонка исторгают радость полёта... Ветер так и норовит приподнять из седла. А сзади Маринка, вжавшаяся в его спину и прожигающая таким родным живым теплом всю спину и восторженное сердце. Чувствовал каждый изгиб её рук, каждую родинку на груди, и вечно смешливые губы вдруг обжигали поцелуем шею сзади. А дорога вдоль набережной пела свою песню. Мелькали как рекламные ролики названия улиц и вывески вдоль голубоглазой речки Самары. И неизменно дорожка вела к любимому заброшенному пляжу на озере Ленина. Кривые чахлые берёзки в сторонке у берега и медовый запах луговых трав.

Возвращался в мир с одним и тем же видением и остро чувствовал Маринкины губы сзади и каждую её клеточку, сливавшуюся с его мальчишеским телом. В видениях они вдвоём отрывались от луговых трав и воспаряли над перелесками, над плывущими в глубинной низине речке Самаре, над Днепром. Вот они пролетели над микрорайоном Коммунар. Вот они восхитительно быстро и мягко нырнули вниз и влетели в окно Маринкиной квартиры, благо её мама на ночной смене на заводе Петровского.

Денис потерял всякие ориентиры времени и пространства. Случались моменты просветления, и в один из этих моментов он распорол перочинным ножом брюки слева у бедра и колена, перетянул туго бинтом рану, нащупал выходное отверстие чуть выше колена. Кровь стала убегать медленнее, организм потребовал: жить во что бы то ни стало. Первое, чего захотелось нестерпимо – пить. В мозгу побежали живые картинки: безмерная пустыня, песок, зной над головой и внутри. Пересохшее горло бунтует и требует – ползи, ищи.

Пополз. Натыкаясь на одеревеневшие трупы товарищей, руки первым делом ощупывали фляги. Вот, наконец, Добренко. Вспомнился Мишка, совместивший в себе застенчивость, полноту и плавную подвижность. Не шёл, катился словно мягкий пушистый шар. А сейчас тело Мишки каменело и пугало своей неподвижностью, столь невозможной, несовместимой с Мишкиным характером. Угасающим усилием воли Денис нащупал слева фляжку. При сотрясении от руки там что-то булькнуло. Нащупал большую толстую кнопку и непостижимым усилием отстегнул, потянув к себе. И тут же ощутил – фляга пробита насквозь пулей, которая потом раздробила Мишкину плоть. Судорожно сжал пальцами пробоины и собрал весь свой угасающий внутренний дух. Свинченная крышка глухо звякнула о бетон. Денис судорожно начал глотать. Но оказалось – он вливает в горло огонь, или сама жизнь, уходя из тела, противится своему продолжению и отторгает воду, ставшую огненным ядом!

Денис закашлялся и, чудо – присел, облокотившись на одеревеневший труп. Понял – у Мишки во фляге был коньяк, непостижимым образом сбережённый.

С этого момента борьба за жизнь обрела новые черты. Бетонный пол перестал качаться. Денис решительно пополз к трупам погибших, отключив сознание, удалив всё ненуж-

ное, поскольку цель была одна – вода. В двух фляжках погибших вода нашлась, и это было словно молчаливый гимн спасению. Десяток глотков – и почти остановившееся сердце нерешительно, потом требовательно застучало, словно намереваясь вырваться из грудной клетки. Денис пополз к выходу из бункера. В пути два раза отдохнул, припав лбом к прохладному бетону.

В развалинах за толстой бетонной плитой оборудовал себе убежище в тщетной надежде выстоять и выбраться живым из этого ада. На следующее утро наблюдал, как нацгвардейцы вытащили все трупы десантников из бункера. Рядом уложили трупы Охрима и Гуцула. Потом всех погибших обильно облили авиационных керосином и подожгли. К вечеру обгорелые останки разбросали по глубоким воронкам вдоль взлётной полосы и забросали битым кирпичом.

Разведчик батальона «Заря» Леонид Зверев первым услышал стон из-под широкой бетонной балки. Внимательно осмотрел каждый квадратный сантиметр у широкой щели, ища растяжки, столь любимые нацгвардейцами. Заглянул в щель – и отпрянул. Высохшее тело, покрытое язвами и вьёвшимся пеплом явственно шевельнулось. После нескольких попыток без особого труда вытащил раненого наружу. Парень был жив и в сознании. По обрывкам формы и разодранной тельняшке угадывалось – днепропетровский десантник.

Выздоровливающий Вишняк старался окружить уходящего Дениса заботой. По несколько раз в день приходил в его палату, присаживался на край скрипучей койки, приносил угощение: яблоки, лимоны, конфеты, которыми его задаривали многочисленные посетители, ребята с зушек, танковой роты, миномётчики.

В один из дней майор почувствовал: словно некая жизненная пружина лопнула и высохшее тело паренька пере-

стало сопротивляться смерти. Жизнь из него уходила, выплеснувшись в наружный мир рассказ о бунте обреченных, о трагедии подлой, проклятой тысячами сердец, войны.

Парень передал Вишняку свой паспорт, прощальное письмо с адресом: Днепропетровск, улица Правды, дом 25, кв. 37, и телефон.

– Я должен за парня отомстить. Я просто обязан накачать тех, кто всё это устроил. Я умею, и у меня получится! – Эта мысль раз за разом всплывала, раскаляла мозг, не давала расслабиться. Она заставляла Вишняка вставать со скрипучей больничной койки, делать разминку, массировать крепкими пальцами непослушные мышцы ног и торса, отжиматься от пола, преодолевая боль, под тошнотворный шум в ушах делать ногами «ножницы». И всё это бесконечное преодоление недуга, преодоление своей беспомощности – всё превращало оставшийся отрезок жизни в беспрестанную борьбу против своей инвалидности в бескомпромиссную схватку с судьбой за собственное, очень важное место в боевом строю, за возвращение возможности разить врага насмерть, без пощады, не ожидая от военной жизни никаких поблажек.

В одну из бессонных ночей вновь «пришёл» сын. Сел рядом на кровать, как это делал по утрам, будучи подростком, в уютной спальне в домике на окраине Горловки, в те дни, когда отцу не надо было спешить на шахту. Посмотрел пристально в глаза и сказал до боли родным, проникающим в душу голосом с доверительными, смешливыми нотками:

– Пап, не мучь себя, не думай о мести и ненависти. Ты за меня и за близких уже многократно отомстил. Долг твой и честь теперь в другом: борись, бейся за свои идеи, за свой смысл жизни. Помнишь, ты мне рассказывал об Афгане, о Державе, о служении Отечеству. Вот это – твоё. Так и думай, тем и живи, не сдавайся. И ещё, пап, прошу о самом главном для меня и всех нас: найди маму и Никитку. Они

тебя ждут. Очень ждут. Вы ведь в том мире с ними втроём остались!

Сын встал, словно вспорхнул, сделал два шага к двери, повернулся и улыбнулся грустной прощальной улыбкой...

Вишняк встал со скрипучей панцирной кровати, опёрся о проржавевшую дугу кроватной спинки и стал речитативом молиться, просить Всевышнего дать сил для выполнения сыновнего наказа. Он просил долго и проникновенно. В промежутках казалось, что его слушают, ему что-то отвечают, советуют. Но ответный голос, вещающий о его будущем, был слабым, и слова едва различались за дальним гулом разрывов крупнокалиберных миномётов. Единственное, что явственно расслышал:

– Молись и проси от сердца, и тебе дано будет.

ЧЕРНУХИНО. СМЕРТЬ ПЕРЕД ОКОПАМИ

Вернувшегося на фронт Вишняка ожидало разочарование. В штабе он не встретил ни одного знакомого лица. Спросил одного из немногих, оставшихся в живых соратников – коменданта, встреченного на выходе из здания, о судьбе друзей, служивших рядом с ним всего пару месяцев назад. Ответы на вопросы были односложными: убит, в госпитале. Оказалось, Колобок погиб на следующий день после ранения Вишняка. Обе легендарные «зушки» разбиты противотанковыми управляемыми снарядами. Из расчётов в живых остался только Кубик. Он потерял руку и ушёл «на гражданку». Живёт с семьей в Белгороде, где у него родной брат работает в горадминистрации.

Танковая рота почти целиком погибла при броске из окружённого Славянска. Она прикрывала отступление и держала оборону на одном из главных блокпостов, прикрывающих тылы отходящих войск. Задержались там танкисты добровольно, поскольку дожидались полной эвакуации славянского госпиталя. Всех раненых тогда вывезли. Но из танкистов не вернулся никто. Все погибли, сгорели вместе со своими танками. Да и нацгвардейцы в том бою пленных не брали.

Майора направили под Дебальцево. Там, вблизи небольшого села Чернухино, он принял роту численностью 49 человек. Не густо. Зато все одеты и экипированы хорошо. Да и с дисциплиной было куда лучше. Большой радостью было наличие и боевое применение старых знакомых, скорее – любимых созданий ополченцев 82-миллиметровых миномётов. Майор с особым чувством осмотрел их. В наличии было восемь исправных, хотя и изрядно поржавевших «самоваров». За всё время боевого применения их

так и не удосужились покрасить. Зато самих мин было много – более десяти боекомплектов.

Теперь, под Дебальцево, самодельные миномёты в руках опытных ополченцев были очень востребованы. В условиях плотно застроенных жилых кварталов их применение наиболее оправданно. Они поражают живую силу, но не наносят серьёзный урон многоэтажкам.

Майор выслушал доклады разведчиков. У украинских силовиков полный раздрай. Многие солдаты вооружённых сил Украины устали, оголодали и не хотят участвовать в бессмысленной бойне. В связи с этим украинская Верховная Рада узаконила «заградотряды», которые и так уже всю расстреливают солдат, пытающихся сбежать с передовой.

Украинские бойцы из так называемых «мехбригад» находятся в самых унижительных условиях. Многих из них заставляют окапываться в поле перед населёнными пунктами. Там они мёрзнут, поскольку в окопах никак не согреешься. Хорошо ещё, что нет снега. Природа словно проявила милосердие. А нацгвардецы закрепились у них за спиной, заняли нижние этажи в домах, оборудовали там огневые точки, сидят в тепле, едят «от пуза». Оттуда и контролируют бойцов ВСУ. При этом не торопятся доставлять в окопы пищу и боеприпасы, больше смотрят за тем, чтобы солдаты не сбежали с передовой, не перебежали к ополченцам.

Вишняк долго рассматривал позиции нацгвардии. Закрепились они основательно в нижних этажах комплекса зданий капитальной постройки, бывших до недавнего времени большим молокозаводом. Все окна в цоколях замурованы, заложены красным кирпичом, расставлены пулемёты, в основном это крупнокалиберные «Утёсы». Пристрелян каждый квадратный метр. В то время как у солдатиков

из мехбригад – обычные раздолбанные в боях пулемёты Калашникова калибра 7,62 мм.

Большинство солдат ВСУ тощие, с тонкими, как у цыплят шеями. А нацгвардейцы все крепкие, мордастые, с бычьими шеями.

Разведка сообщила: под Чернухино Национальная гвардия укомплектована милиционерами из Сумской области, смешанными с боевиками из правого сектора. Настроены жёстко. Для них лучший шанс отсидеться и защититься от ополченцев – сидящие перед ними в окопах солдатики. Тем деваться некуда: впереди смерть и сзади смерть. Однажды днём группа солдат попробовала отойти в тыл по мелкому, местами развороченному минами, ходу сообщения. Но по ним сразу ударили из крупнокалиберных пулемётов навстречу. В бинокль было видно, как крупнокалиберные пули вздымают вверх фонтанчики земли и мелких камней. Предупредительный огонь был таким злым и плотным, что солдаты немедленно вернулись на позиции.

Разведчики рассказали, что значительная часть боеприпасов у украинских солдат бракованные. Ополченцы в недавних боях захватили цинки с патронами 7,62. Трофейные патронные цинковые коробки оказались покрыты белым налётом и проржавели местами до дыр. Патроны внутри также покрыты вьёвшейся цинковой пылью и один из трёх даёт осечку.

Но главная проблема для украинских солдат, сидящих в окопах на передовой (да и для ополченцев), это новенькие приборы ночного видения, которыми щедро снабжена нацгвардия. В цокольных этажах засело и жирует множество артиллерийских корректировщиков. Корректируют огонь «градов», «акаций», «васильков» (Артиллерийские системы, имеющиеся на вооружении украинской армии). У них же появились уникальные целеуказатели-дальномеры американского производства. По рассказам пленных солдат

ВСУ, у этих приборов, после наводки перекрестия на цель, на экранчике высвечиваются точные координаты для стрельбы из 152-мм «акаций» и натовских пушек калибра 155 мм, которые в больших количествах поступили в войска и нацгвардию.

У ополченцев же на десяток миномётов всего пара лазерных целеуказателей-дальномеров типа 1Д26 советского производства. Точность у них хорошая, просто удивительная. Только натовские целеуказатели куда как совершеннее. От них только один путь защиты – вовремя сменить позицию и спрятаться.

Одно из первых дел, которым решил заняться майор – выручить украинских солдат, оказавшихся между двух огней на передовых позициях. Приказал забросить им несколько комплектов «агитационных» мин. Внутри, вместо зарядов и взрывателей, были заложены листочки с предложением: переползти ночью на сторону ополченцев с обещанием отпустить всех сдавшихся по домам. Гарантировал вспомогательный отсечной пулемётный и миномётный огонь по позициям нацгвардии и правого сектора.

Следующей ночью, аккуратно перед рассветом, в окопы к ополченцам приполз делегат. Лицо у солдата было чёрным – то ли от копоти окопных костров, то ли от обморожения. Кожа на лице, покрытая сотнями мелких морщин, казалось, была неудачно натянута неким куклоделом на острые выдающиеся вперед скулы. Многодневная щетина милосердно закрывала нижнюю часть лица. Вишняк вначале посчитал, что перед ним мобилизованный предпенсионного возраста, оказалось, парню всего 24 года.

Солдат не мог стоять на ногах. Когда его втащили в тёплый блиндаж и сняли разбитые ботинки, стало понятно – у него обморожены ступни обеих ног. Подошедший фельдшер мрачно махнул рукой:

– Срочно в тыл. Ступни уже не спасти, самого хотя бы вытащить с того света.

Солдат пустил слезу и рассказал о своих бедах, о безысходности положения товарищей. Сообщил: ночью вся их рота ползком переберётся к ополченцам и сдастся в плен. Некоторые, как и он, уже не могут ходить, способны только ползти.

Перебежчика срочно отправили в госпиталь – лечить обмороженные ноги и стали готовиться к приёму пленных.

Ночь, как назло, выдалась лунная. Перед рассветом, когда солдаты начали выползать из окопов, начался шквальный ветер, разогнавший появившиеся было облака. Вишняк тотчас приказал дать залп дымовыми минами. Позитии нацгвардии удалось накрыть с первого залпа, но шквальный ветер сносил дым в сторону.

Национальные гвардейцы догадались о начавшемся побеге отчаявшихся солдатиков с передовой, высветили разом всю площадь перед собой осветительными ракетами и минами. К тому же у них полно новеньких приборов ночного видения и тепловизоров. Дождались, когда солдаты выползли на открытое пространство и начали бить по ним из всех стволов. Особо свирепствовали «Утёсы». И как ополченцы ни пытались накрыть позитии нацгвардейцев из миномётов, их пулемёты плотно «обработали» всё пространство перед окопами.

Под утро ополченцам удалось вытащить лишь шестерых раненых. Их отправили в Луганск, в госпиталь. Остальные так и остались лежать посреди поля, ближе к покинутым окопам. Трупы убитых никто не убирал. Когда ополченцы попробовали это сделать, по ним ударили из всех стволов.

Вишняк ощутил внутри бездну отчаяния и беспомощности, раз за разом осматривая поле с убитыми. У некото-

рых скрюченные руки так и остались поднятыми над землёй, словно просят о помощи...

Майор долго не мог прийти в себя после ночного расстрела. Ругал себя последними словами, проклинал войну и украинских гвардейцев, истово молился, брал в руки бинокль и смотрел на укрепления нацгвардии. Взгляд то и дело останавливался на лежащих на нейтральной полосе мертвецах.

Вишняк повторял как молитву:

– Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, Говорит Господь (К римлянам 12:19). – Добавлял с жаром от себя, – Сам Господь Бог решил наказать эту нечисть. Так назначь, Господь, меня, Вишняка, выполнить твою волю, и я исполню. Не должны эти мальчишки уйти в небытие неотмщёнными.

Через час тяжких раздумий и нетерпеливых расчётов, замеров ржавым циркулем по старенькой стёртой карте, вызвал к себе комвзвода номер один, вручил ему послание и отправил в Краснодон.

С письмом он обратился к давнему знакомому, пенсионеру-инвалиду Владимиру Петровичу Петриченко. В июльских боях он подбил из «Фагота»²¹ три танка и две БМП. А самое главное – он обучил с десятков ополченцев стрельбе управляемыми противотанковыми ракетами, которых было в избытке на складах. Кроме того, каждый из неисправных, захваченных, подбитых украинских БТРов и БМП имел комплект таких ПТУРов. Беда была в том, что эти установки становились грозным оружием только в опытных руках.

Владимиру Петровичу было 68 лет. Он добросовестно прослужил прапорщиком в Советской армии, два года воевал в Афганистане. Пришёл к ополченцам в начале июня

---

²¹ *Противотанковый управляемый ракетный комплекс.*

и блистательно воевал вплоть до конца августа, несмотря на почтенный возраст и прогрессирующий артроз суставов, из-за которого он с трудом передвигался, опираясь на фирменную дубовую клюку. В августе его контузило, после госпиталя он отправился долечиваться в родной Краснодон.

Направив письмо, Вишняк тщательно продумал свой план мести проклятым бандеровцам. Решил: давно пора было вносить свой вклад в штурм Дебальцево, где в огромном котле сгрудилась большая группировка врага. Пришла пора решать – кто выйдет победителем в этой неравной бойне. Ему очень хотелось не только выжить, но и победить. Для выполнения его победного плана нужно было много «фаготов», поэтому он отправился к соседям, знал, что у каждого командира есть свой неприкосновенный запас, своя заначка на чёрный день, и не ошибся, когда первым делом направился к казакам.

Старый знакомый, войсковой атаман Рубан Леонид Александрович не раз увещевал: казаки народ боевой и запасливый. Придёшь с уважением – получишь всё.

– Здорово дневали? – Вишняк вошёл в штабное помещение казаков, перекрестился. Навстречу шагнул Паша Збитнев, молодой походный атаман, с задорным чёрным чубом смоляных волос и пышной бородой:

– Слава Богу! Сидай, майор, давно не виделись. А твоё появление, это все знают, примета хорошая. Значит, жди: погоним поганых, далеко погоним.

Вишняк без предисловий рассказал о массовой гибели украинских ребят, о том, что теперь надо мстить за них нещадно. Потом разложил захваченную карту, показал помеченный укрепрайон нацгвардии. Изложил свой план: собрать на его участке семь-восемь пусковых установок с прицелами 9Ш119 с аппаратурой управления 9С474-1 и хотя бы двадцать ТПК²².

---

²² *Транспортно-пусковые контейнеры с ракетами.*

За час до заката сделать из них несколько залпов, не менее двадцати выстрелов. Одновременные кумулятивные взрывы в нескольких опорных бункерах вызовут эффект «удара по мозгам».

Достаточно суровая зима, минусовые температуры и стремление к теплу сыграли с гвардейцами злую шутку: заставили их загерметизировать помещения опорных пунктов. Каждый вечер национальные гвардейцы забиваются в бункера словно сельди в бочку. Если несколько ракет с трехкилограммовыми зарядами пробьют ударными струями толстые бетонные и кирпичные стены, то все находящиеся в помещениях получат мощный удар «по мозгам». А те, кто останутся в живых, рванут наружу, где их накроет плотный миномётный огонь.

Вопрос только в том, чтобы в одном месте собрать в кулак все имеющиеся ПТУРЫ, семь-восемь пусковых установок и не менее двадцати ТПК.

У Вишняка в наличии всего пять ТПК и две пусковые установки. Остальное предстоит добыть не позднее завтрашнего дня.

И ведь надо спешить. Завтра-послезавтра они постараются плотно заминировать всё пространство перед собой, чего они не делали, поскольку перед ними оборонялись солдаты мехбригады.

Паша обещал подумать. Было заметно, как вишняковская идея захватила его. Ведь если выбить из этого сектора гвардейцев, то рухнет вся вражеская система обороны и за ночь можно выйти на тылы всей обороняющейся группировки, взять всё село. А там и до Дебальцево – три километра огородами! Было видно – Паша загорелся и теперь в лепешку расшибётся, но добудет сколько-то «фаготов».

От казаков Вишняк уехал воодушевлённый. Интуиция говорила: в боях наступает перелом, и его идея удара ПТУ-Рами сможет переломить равновесие в пользу ополчения.

Заехав к соседям слева – там стояли бойцы бригады «Призрак», Вишняк послал делегата в министерство обороны, ещё двух бойцов – в бригаду «Заря» с изложением своего плана и слёзной просьбой помочь с ТПК.

Под вечер прибыл комвзвода один с Владимиром Петровичем. Вишняк встретил прибывших за полсотни метров до своего штаба. Обнял старика крепко, чувствуя, как непрошенная слеза скатилась по левой щеке. Всмотрелся в морщинистое лицо с памятной синей жилой, проходившей у него наискосок поперек лба. Сердце болезненно сжалось: Петрович совсем сдал. По летним боям он запомнился живым, подвижным. В те памятные времена он передвигался быстрее Вишняка, хотя и сильно хромал, ещё подсмеивался над ним.

Тогда, в боях под Славянском, он выставлял треногу пусковой установки за несколько минут и тотчас, свернувшись калачиком, пристраивался у прицела. Ещё минута – и срабатывал вышибной заряд. Ракета, крутнувшись, срывалась в дальний полёт. Несколько мгновений – и сноп длинных искр, клубы чёрного дыма говорили – пенсионер попал в точку и сделал военную работу за целый взвод гранатомётчиков.

Теперь, после контузии, он похудел, высох и шёл болезненно покачиваясь, боясь потерять равновесие, опираясь на свою любимую тяжеленную клюку из морёного дуба.

– Эх, до чего мы все эгоистичны, – подумал майор, глядя в серые, покрытые старческой мутноватой плёнкой глаза. – Ведь старик, наверное, и живёт впроголодь. Нет ведь ни пенсий, ни пособий. Мы все, кто воевал рядом с ним, на фронтах или в госпиталях, о старике забыли, только сейчас, когда понадобился, вспомнили. Нельзя ведь так, непростительно!

Зашли в штаб, подошли вместе к иконам в углу, прочли «Отче наш», перекрестились. На столе уже стоял ужин, но Петрович решительно шагнул к выходу:

– Стемнеет скоро, давай показывай, что задумал, и какое место мне отведено в твоих задумках. Ведь знаю я тебя – дерзкий ты человек, и планы у тебя всегда дерзкие и нахальные. Но фортуна таких как ты любит. И я тебя люблю. Сделаю всё, что смогу, – Вишняк заметил, как старческая пелена сошла с глаз. Петрович прищурился и посмотрел на него помолодевшим взглядом.

На позициях Вишняк молча подал боевому другу бинокль, указал на фортификации национальных гвардейцев:

– Есть идея, Петрович, выкурить их из бункеров и цокольных этажей твоими любимыми «фаготами». Помещения у них там толстостенные, их и снаряд не возьмёт. А вот твои ПТУРЫ прошьют эти стенки, как нож масло. Да ещё внутри, если бить залпами, дадут такое избыточное давление, что мозги им расплющат. – Раскурил сигарету, заметил, что Петрович рассматривает поле с неубранными трупами солдат, добавил:

– Эти нелюди своих вот так запросто положили. Вот они, в основном молодые простые парни, лежат там и отмищения требуют. А мы с тобой и должны отомстить так, как должно, чтобы нелюдей этих земля не носила.

Петрович развернул клюкой вперёд и вправо, чуть не задев Вишняка:

– Вот здесь, Скиф, прикажи готовить позиции. Заглубление - по пояс. Знаешь, я ведь так как летом не смогу. Мне даже ноги в коленках согнуть не удаётся. Артроз проклятый. Так что давай копать так, чтобы я стоя мог с прицелом работать.

Петрович самолично прошёл вправо и влево вдоль брустверов, отмечая, где надо устанавливать пусковые

установки. Требовательно запросил, чтобы ему доставили лазерный дальномер.

Через десять минут по приказу Вишняка сработали дымовые шашки и все пространство впереди заполнилось бурым дымом. Важно было, чтобы сидящие в бункерах наблюдатели ничего не заподозрили. Тотчас застучали кирки, зазвенели штыковые лопаты.

Петрович махнул клюкой:

– Идём, показывай свои ТПК, пусковые установки, главное – прицелы.

В сумерках у входа в штаб столкнулись с казаками, разгружавшими из разбитого, ржавого ГАЗ-33 пусковые контейнеры, аппаратуру управления, треноги. Все это заносилось в просторный штаб и укладывалось штабелями в свободном месте, в углу под иконами и горящей лампадкой.

Когда укладывали последний штабель зелёных контейнеров, майору почудилось, что огонёк лампадки, разросся, мигнул и начал разбрасывать вокруг весёлые лучики прямо в глаза входящим в помещение бойцам.

Петрович пересчитывал контейнеры самолично, поглаживая матово отсвечивающие цилиндры в той части, где располагались боевые части. Всего насчитали восемнадцать ТПК и пять комплектов пусковых установок с прицелами.

Все поверили в счастливую звезду Вишняка. К тому же, в подтверждение победных планов майора далеко в тылу заурчали танковые двигатели. В пятистах метрах правее стали устанавливать мощные 120-миллиметровые миномёты. Казалось, всё вокруг задвигалось, зашевелилось в новом ритме.

Наблюдатели донесли: к национальным гвардейцам стали подвозить боеприпасы и, скорее всего, противопехотные мины. Ожидалось, что в ближайшее время свои позиции они оградят плотными минными полями. Сапёры ру-

гались: у силовиков появились итальянские пластиковые мины с хитрым механизмом защиты от разминирования. Такие мины извлечь невозможно. Двое сапёров погибли, пытаясь избавиться от этих заморских посланцев смерти.

После ужина в штабе собрались командиры взводов, разведчики, артиллерийские корректировщики, сапёры и будущие операторы «фаготов». Вообще-то ополченцев, обученных стрелять ПТУРами у Вишняка не было. Хорошо, что Сбитнев прислал совсем молодого ополченца, добровольца из российского Норильска. Тот всего год назад отслужил в Российской армии, где и был обучен специальности наводчика ПТУРов. Правда, в российской армии все «фаготы» списаны. Там на вооружении более совершенные «корнеты», «конкурсы», но парнишка, как выразился экзаменовавший его Петрович, «вполне справится с тем, что Бог послал ополченцам». Остальных наводчиков и их помощников предстояло обучить в ближайшие сутки.

Первому слово дали Петровичу. Он расположил на стене пару привезённых с собой плакатов, изданных для Советской армии лет сорок назад. Для наглядности перед ним поставили пусковую установку, на которой норильский новобранец по имени Дима несколько раз установил и снял пусковой контейнер.

Петрович объяснил: пусковой контейнер – по сути, ствол, из которого выстреливается сама ракета. После выстрела включается маршевый твёрдотопливный двигатель и ракета, расправив стабилизаторы, сделав виток, начинает двигаться к цели. Управляется она по проводам полуавтоматически. Все команды передаются от системы управления, в полёте ракета стабилизируется вращением. И вот здесь оператору надо быть очень осторожным, чтобы не ударить ракету о землю или какой-либо выпирающий из земли предмет: дерево, холмик, пенёк.

Петрович пояснил: «фаготом» можно поразить не только танки, БТРы, но даже летящий вертолёт, как это произошло в Чечне во время «второй чеченской». Можно бить и по мощным бетонным бункерам. Ведь бронепробиваемость обычного «фагота» – шестьдесят сантиметров. Так что метровый армированный бетон, кирпич он пробьёт с лёгкостью, да ещё создаст внутри бункера мощное избыточное давление.

Петровичу не дали договорить: мощный артоналёт тяжёлыми гаубичными снарядами потряс всё здание. Вишняк приказал всем рассредоточиться, так как не исключено прямое попадание. Оставил только командира сапёров. С ним согласовали время проверки на наличие минного поля перед бункерами гвардейцев. Решили сделать это через пару часов после окончания артоналёта.

Через три часа сапёры доложили: всё поле перед бункерами чистое, мин нет, но вероятнее всего, следующей ночью мины поставят. После выхода сапёров на разведку противник занервничал. Выдал серию осветительных мин и начать бить из тяжёлых миномётов и пулемётов по площади, где лежали убитые украинские солдаты. В отсветах горящих осветительных зарядов было видно, как мощные взрывы вздымают вверх, разрывают тела погибших, посылая им вторую смерть.

Артналёт прекратился лишь под утро. Вишняк слушал канонаду, вставал покурить, не мог заснуть всю ночь. На соседнем лежаке ворочался и натужно кашлял Петрович.

Ранним утром Вишняк принялся его отпаивать молоком, потчевать мёдом. О предстоящей операции не говорили. Петрович лишь сказал обыденным тоном:

– Стрелять будем втроем, ты, я и этот малец. Знаешь, ведь я могу по три выстрела в минуту делать. Да и ты не меньше двух. Вот мы и выдадим за десять минут, с учётом перемещений, пять залпов, потом будем бить парами, с этим мальцом, двадцать точных попаданий гарантирую. После этого, уверен, все бункера разобьём. И ночь ты со своей ротой встретишь уже в Чернухино.

Утром к майору пришли делегаты от соседей. Все сообщали, что если разведка боем вишняковской роты будет удачной, то по пробитому им коридору они войдут в село и навалятся на противника с тыла, взяв его врасплох.

Артиллеристы пообещали открыть огонь из «градов» и гаубиц Д-30 через головы наступающих, сразу после того как рота Вишняка войдёт в село, гарантировали перекрытие путей отхода национальной гвардии и обещали не допустить в село подкреплений противника.

Последним прибыл делегат от танкистов. Сообщил: по сигналу по радиации и ракетами, пять танков войдут в село

и поддержат наступление огнём. Главная их просьба – вхождение в село засветло.

Ровно в два часа, когда, по убеждению Вишняка, все национальные гвардейцы насыщались обожаемым салом, все расчёты, под прикрытием дыма от заботливо расставленных шашек, застыли перед треногами пусковых установок. Майор ещё раз уточнил секторы стрельбы и согнулся перед прицельным устройством. Вот ветер сдул бурый дым с позиций. Пора!

Первый залп прозвучал не совсем слитно: Петрович выстрелил одновременно с норильским добровольцем, Вишняк отстал на долю секунды и успел заметить, что парень увёл ракету чуть выше, потом опустил прицел и ударил точно в центральный бункер. Второй залп. Ожидаемо громко хлопнули вышибные заряды и светло-малиновые факелы из сопел ракет совершили витки по спирали, ушли с нарастающей скоростью к вражеским дотам. Вот оно – есть попадание!

Дальнейшее было как в фильме с замедленной съёмкой. Один за другим малиновые огоньки устремлялись к цокольным этажам зданий, к бункерам, из которых длинными серыми струями стала выбиваться наружу сконцентрированная энергия взрывов кумулятивных зарядов.

Со стороны это выглядело так, словно огромный паровой котёл начал взрываться под воздействием бешеной энергии перегретого пара. То с одной, то с другой пробойны вырывались смертельные струи. Можно было представить, что там было внутри!

Вишняк видел «свои» ракеты, старался направлять их чуть выше амбразур, чтобы задеть снизу плиты перекрытия. «Паровой котёл» распирало изнутри, выбрасывая не только газовые струи, но и куски пламени. Потом картина вдруг резко изменилась. Центральный бункер стал на глазах распухать, наружу полезли фундаментные блоки и плиты перекрытия. Через секунду утробный грохот ударил по ушам

и здание, распухнув и разбросав в стороны большие бесформенные куски, стало непостижимым образом сжиматься, вбирая в себя верхние этажи. Вишняк понял: внутри сдетонировали боеприпасы, которые это дурачье решило складировать внутри. Потом установили: одна из ракет влетела в пробитую брешь и угодила в складированные противопехотные мины, которые гвардейцы собирались поставить в обезлюдевшем поле.

Вишняк тотчас приказал накрыть все пространство вокруг бункеров 82-миллиметровыми минами. Оставшиеся в живых очумелые гвардейцы выскакивали, выползали из рушившихся зданий и попадали под разящие осколки трёхкилограммовых мин, превращались в бесформенные серые холмики.

Вишняк приказал миномётчикам бить непрерывно, пока его рота не дойдёт до бункеров, огонь прекращать по его сигналу – три красные ракеты.

Прихрамывая, Вишняк зашагал впереди своих бойцов во весь рост. Был уверен: стрелять по ним некому, разве что могут накрыть на открытом пространстве из миномётов, а потому надо поспешать и миновать это «поле мертвецов» как можно быстрее. Майору казалось, что незахороненные мертвецы притягивают к себе смерть и разрушение, поэтому, сверхусилием заставил себя бежать рысцой, сняв автомат с плеча.

Наконец убедился, что вся его рота уверенно миновала самый опасный участок, потом – вражеские окопы и совсем близко подошла к бункерам. Хрипя от нехватки воздуха, приостановился, выпустил три красных ракеты и оглянулся. Следом за ним через поле уже бежали соседняя рота и казаки. То ведь была редкостная удача пройти через вражеские позиции, избежав пулемётного и снайперского огня. Сбылась мечта Вишняка оказаться в самом центре неприятельской

обороны, взорвать её изнутри и замкнуть, наконец, кольцо вокруг вражеских бригад.

Скоро гул разрывов и рвущий воздух рокот автоматных очередей сместились к окраине села.

У кирпичной стены разрушенного молокозавода тесной группой сидели прямо на земле пленные национальные гвардейцы. Вишняк уловил на себе один из ненавидящих взглядов. Подошёл, услышав внутренний призыв:

– Кто-то же должен знать, почему они расстреляли совсем молодых солдат. – Остановился на том, кто не смог скрыть своей ненависти. Это был бритый наголо крепкий сорокалетний гвардеец с бычьей шеей, крупными надбровными дугами. По форме было видно – из украинской милиции. Спросил:

– Зачем же ты столько своих молодых пацанов расстрелял?

Гвардеец отвернулся, пряча глаза:

– Нэ разумию вашу мову.

– Ну, ты, майор, развёл здесь милосердие по-русски. – К Вишняку подошёл командир разведчиков. – Эти... один язык понимают. Знаешь, вся эта бандеровская гвардия – военные преступники и судить их надо военным трибуналом. А вот для этого убийцы и военный трибунал не нужен. Разведчик щёлкнул затвором автомата. Направил зрачок ствола ровно между глаз.

Вишняк заметил, как губы и пухлые щёки гвардейца мелко задрожали:

– Не убивайте, все скажу! А стрелял я потому, что сам был под прицелом. У нас в войсках, да и на Украине вообще сейчас так: если ты не стреляешь, не выполняешь приказ, то тебе смерть. Всё держится на страхе. А у меня в Сумах двое детей, мать с отцом инвалиды. Кто их кормить будет? Будь оно всё проклято!

Вишняк отметил про себя:

– И говорит ведь по-русски чисто, без акцента, видно из русской семьи... До какой степени может вырасти уровень страха? Один страх накладывается на другой, одна спираль ненависти и насилия накрывает другую. А где же конец?

В этот момент совсем рядом гулко «заработали» танковые пушки. За окраиной села пытались отбиваться группы гвардейцев, засевшие в заброшенном коровнике. Разрывы танковых снарядов накрыли постройки дымом и высоко взлетающими вверх осколками кирпича. За ними в пороховой дымке просматривалось Дебальцево.

– Товарищ командир, разрешите обратиться, – норильский казачок Дима стоял навтыжку. Вишняк полюбовался его выправкой и заметил – за его спиной останавливались два уазика и грузный БМП. Приобнял парнишку

– Спасибо, казак. Знай, ты сегодня с полсотни жизней своих товарищей сохранил и победу добыл. Буду просить, чтоб тебя наградили. – Посмотрел на выходящих из машин людей: пожаловало всё действующее начальство Луганской республики.

Его доклад слушать никто не стал. Вначале обнял сам Игорь Плотницкий, потом пошли поздравления, рукопожатия от знакомых и незнакомых, военных и гражданских. Вишняк почувствовал, как сжатая пружина внутри начала ослабевать, старался соблюсти приличия, но понял: ещё несколько минут – и он усядется, нет, скорее уляжется прямо на холодную промёрзшую землю и нырнёт в омут тихой журчащей успокаивающе сонной воды. Выручил Петрович, которого также тискали обнимали десятки людей:

– Вы уж нас простите, двух стариков, оба мы контуженные, раненые, двое суток в бою, без сна, нам бы прилечь на полчаса.

На начальственной машине обоих довели до штаба. Там Вишняк отказался от еды, от сладкого чая, просто при-

лёг на топчан и нырнул сразу в тот самый омут, темный, обволакивающий тишиной и безмятежностью.

Проснулся под утро, когда небо на востоке стало светло-серым, накинул шинель, закурил и отправился прямо в поле, где ещё не начала работать похоронная команда. На краю, у раскиданных при последнем артобстреле в страшных позах тел остановился:

– Услышьте, дети! Вы отомщены! По воле Божьей это сделал я, майор Вишняк. Пусть матери ваши проклинают тех душегубов, кто убивал вас, кто отдавал приказы. А я сделал совсем малое – смог лишь отомстить за вас!

Когда объявили о перемирии, Вишняк уже был на пределе. Организм отказывался подчиняться. Более трёх суток не шёл сон, мучительно болел сломанный позвоночник, немела правая нога. Но особо болело правое предплечье, напрочь лишённое нормальной кожи, сгоревшей в танковом бою под Славянском.

В один из дней решил: надо отправляться в госпиталь на долечивание. Написал рапорт и стал готовиться в дорогу. В этот день кто-то свыше решил смилостивиться: ему принесли письмо, перевернувшее весь мир вокруг, письмо отписала его Маша!

Она сообщала, что была тяжело ранена и контужена взрывом тяжёлого снаряда. Долго лечилась в Ростове-на-Дону. Там её буквально вытащили с того света. На долгие недели потеряла речь, не могла назвать своей фамилии. Теперь память восстановилась, и она вернулась в Донбасс, устроилась работать в больницу, в Краснодон.

Ещё Маша писала, что ей удалось найти Никитку. Он сейчас находится в детском доме в Воронеже. Документы на него утерялись во время эвакуации, чтобы их восстановить, надо ехать в Воронеж.

БУДЕМ ЖИТЬ!

На следующий день Вишняк уже был в Краснодаре. Всю дорогу сердце стучало со странным надрывом, словно предчувствуя новое испытание, новую жизненную проверку.

Машина подвезла его до центральной городской больницы. Глаза, словно бездумная видеокамера, фиксировали мир, банальный и серый: облупившуюся краску на стенах, разбитые ступени у входа. Вот и процедурный кабинет.

От двери со стершейся табличкой повеяло странными образами. Память перенесла его на тридцать лет назад. Вишняк вспомнил тот букет тридцатилетней давности и себя, стоящего у процедурного кабинета гарнизонной больницы. Несколько дождевых капелек причудливыми бусинками легли на розово-кремовые лепестки роз, посылая во все стороны сотни переливчатых лучиков. Он тогда опустил глаза и дотронулся пальцем до лепестков. Очень захотелось попробовать на вкус эту дождевую капельку, отдающую янтарным светом... Когда поднял голову, увидел глаза Маши, удивлённые и радостные, они говорили что-то необъяснимо важное.

Тридцать лет назад он внезапно и неповторимо ощутил, что вот она, самая главная встреча в его жизни, состоялась. Это ощущение жило мгновение и сразу же ушло, усиленно стираемое жизненными условностями. Но в глубинной памяти осталось то яркое, неосознанное воспоминание, словно гимн жизни, делающий слабую человеческую суть могучей, непобедимой.

Вишняк помедлил, не решаясь стучать, боясь спугнуть ощущение чуда. Дверь открылась сама, и в дверном проёме проявилось из серой тьмы родное лицо. Ничего не стёрло главного. Косой шрам от левого уха до уголка губ, седые волосы, обильные морщины – всё это не погасило света жизни в любимых глазах. Время остановилось, секунды, часы, годы быстро и бесшумно ушли назад. Тот самый букет в руках

и дождевые капельки на лепестках роз – всё возродилось. Значит, впереди ещё любовь, жизнь, всё то, что война постаралась стереть из жизненной памяти.

Измученные тревогами глаза, казалось, поглотили в себя всю бездну страданий от ран и потерь, от тяжелейшего из страхов – неизвестности. Вишняк не мог насмотреться, он был в этой бездне, принимал всю боль любимой женщины. Повторял, как молитву, одну фразу: «Будем жить...».

Содержание

Русская земля и русская война	3
Лики войны	12
ПРОЛОГ	12
ГОСПИТАЛЬ В СТАХАНОВЕ. ВОЗВРАЩЕНИЕ	14
КОГДА ЖЕНЩИНЫ ЦЕЛУЮТ РУКИ	17
ОТКРОВЕНИЯ ИЗ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ	24
БЕС НАСИЛИЯ	34
ЧЁРНАЯ ВОРОНКА НАД АЭРОПОРТОМ	38
ЕЩЁ ОДНО ЛИЦО ВОЙНЫ	45
СЕРЁЖА ЯКИМЕНКО	49
БЛОКПОСТЫ	57
ДВА ВАСИЛЬИЧА	69
БРОНЕБОЙЩИК ФЁДОР	77
МАРИНА	93
КОМБРИГ	104
ТЁТЯ ГЛАША	111
ШТУРМ	117
ДАТЬ ШАНС	122
СИЛА ЖИЗНИ	130
ГЛАЗА ДЕТЕЙ ВОЙНЫ	135
САРАТОВСКИЙ КУДЕСНИК	140
ЭПИЛОГ	144
Мечь майора Вишняка	147
ВСТУПЛЕНИЕ. САРАТОВСКОЕ ПРИСТАНИЩЕ	148
РОДНАЯ ГОРЛОВКА	154
АРМИЯ – ДУША МОЯ И СЕРДЦЕ	158
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГОРЛОВКУ	163
ДОНБАССКАЯ ВОЙНА. НАЧАЛО	166
ПЕРВАЯ ПОБЕДА СКИФА	172
СБИТЬ ГЕНЕРАЛА	192
ВЕЧНОСТЬ И СЫН. ДОЛГОЕ ПРОЩАНИЕ	206
МИНОМЁТНАЯ САГА	210
ТАНКОВЫЕ РОДЫ	226
БУНТ В ЛУГАНСКОМ АЭРОПОРТУ	238
ЧЕРНУХИНО. СМЕРТЬ ПЕРЕД ОКОПАМИ	254
БУДЕМ ЖИТЬ!	274
Содержание	276

Литературно-художественное издание

Александр Зуев

ЛИКИ ВОЙНЫ

Редактор А. А. Бусс
Корректор Л. В. Липатова

Подписано в печать 07.10.2019 г. Формат 60×84/16.
Усл.-печ. л. 17,2. Усл.-изд. л. 15,3. Тираж 500 экз. Заказ № 283

Издательство «Саратовский источник»
г. Саратов, ул. Кутякова, 138б, 3 этаж.
Тел. (8452) 52-05-93
E-mail: saristoch@bk.ru

Отпечатано в типографии «Саратовский источник»